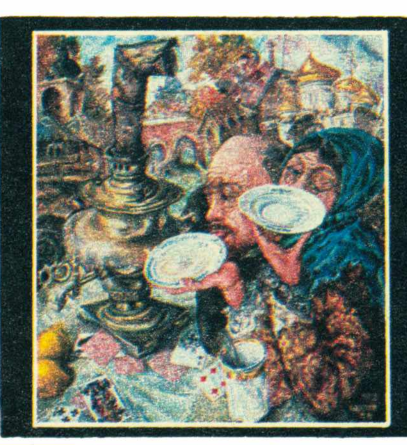
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА № 52 декабрь 1987

ГОРОД: ВИД ИЗНУТРИ

РАССКАЗ БОРИСА ЧЕРНЫХ

ЗВЕЗДА ЭДУАРДА СТРЕЛЬЦОВА

КРАСИВЫМИ ХОЧЕТСЯ БЫТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (3153)

26 ДЕКАБРЯ — 2 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Недавно в Москве прошел Всесоюзный фестиваль моды. (См. в номере на стр. 22 репортаж «Праздник, украшающий будни».)

Фото Алексея Дитякина

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 04.12.87. Подписано к печати 22.12.87. А 00481. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2703. Заказ № 1635.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПРАВДА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ИЗ ЧЕГО СКЛАДЫВАЕТСЯ СЕГОДНЯ АВТОРИТЕТ КОММУНИСТА, АВТОРИТЕТ ПАРТИЙНОГО РАБОТНИКА? ИЗ ЕГО СПОСОБНОСТИ ОБЪЕДИНЯТЬ ОБЩИЕ УСИЛИЯ В ОБНОВЛЕНИИ ЖИЗНИ, УМЕНИЯ ПОМОГАТЬ ЛЮДЯМ ОПРЕДЕЛИТЬ СВОЕ МЕСТО В ПЕРЕСТРОЙКЕ.

А ВСЕГДА ОДНА

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
соб. корр. «Огонька»,
Николай КОЗЛОВСКИЙ (фото).

Секретарь ЦК попросил:
— В президиум меня не избирайте. И вообще... постарайтесь не замечать, пусть люди все решают сами.

— Извините, Иван Алексеевич, но так не получится,— возразил ему секретарь райкома партии.— В кои веки на собрании в отстающем колхозе будет такой гость. Уверен, что захотят посмотреть вам в лицо.

Председателя колхоза надо было менять. Но в Кагарлыкском райкоме партии в духе перестройки и развития демократических начал решили: пусть это сделают колхозники сами, без подсказки сверху. Посмотреть, как будет идти такое собрание, приехал и секретарь ЦК Компартии Украины И. А. Мозговой. Вместе с ним направлялись в колхоз и секретарь обкома, и первый секретарь райкома, и специалисты РАПО...

Вначале встретились с колхозными коммунистами, а их немало — человек семьдесят. Спросили, какие у них есть мнения. Никаких... Что бы они могли рекомендовать колхозному собранию? Ничего... Пожимали плечами, выжидательно посматривали: когда же начальство само разгадает загадку, которую привезло? Тут уж хочешь или не хочешь — пришлось повторять общеизвестные истины о перестройке, о необходимости развивать подлинную демократию. Мужики почесывали затылки и отмалчивались. Кто-то не выдержал и внес предложение провести выборы правления тайным голосованием. Пусть, мол, каждый останется один на один с бюллетенем... Других предложений добиться от них не удалось.

Начались общее собрание колхозников. Гостей избрали в президиум. Без подсказки, с большой готов-

● Задушевный разговор с доярками колхоза «Перемога» в школе животноводов.

● В кафетерии «Колосок».

● Совет с товарищами по работе.

ностью. Это, должно быть, уже в крови. Председатель отчитывался. Удой на корову в хозяйстве был таким, что могла бы покраснеть и коза. Урожайность всех культур по сравнению с соседним колхозом наводила на мысль, что их поля на разных концах планеты. Но и докладчик, и сами колхозники были спокойны.

И катилось собрание как по маслу. Когда пришла пора дать оценку работе, зал притих.

— Так что запишем после слов «считать работу правления...»?

— А и думать нечего: удовлетворительной! — решительно подсказали из зала.

— Другие предложения будут?

Других предложений не было.

Секретарь райкома партии Валентин Родионович Швец аж побагровел от негодования.

— Не вмешивайтесь,— чувствуя его состояние, предостерег секретарь ЦК.

— Так... Было предложение «удовлетворительно». Другие предложения будут? Нет? Тогда ставлю на голосование...

— Минутку!—Швец поднялся из-за стола.— А совесть у вас есть? Девяносто пять процентов того, что произведено в колхозе, ушло на вашу же зарплату! Получается, что полное разорение хозяйства вас устраивает!

В конце концов работу правления согласились признать неудовлетворительной. Но зато когда пришла очередь выбирать председателя, за старого, за Белякова, того самого, что добил, как говорят, колхоз до ручки, встали стеной. «Он хороший человек». «Он добрый». Кандидатуры тех, кого привезли в райкомовских машинах, даже обсуждать отказались. И рекомендацию голосовать тайно отвергли. Дружно задрали руки, и все за Белякова. Единогласно. В том числе, разумеется, и коммунисты.

Партийные руководители, которые приезжали на собрание, возвращались с него, как с похорон. Обменивались невеселыми соображениями.

— Беляков их устраивает. В колхозе одни долги, а на личных усадьбах и свиньи, и гуси, и дома добротные.

— Не хотят внедрять сдельщину. Зачем она им? Механизатору выгодно стоять в ремонте. Пришел, гайку открутил — и домой. Огород, скотина... А три с полтиной за каждый выход ему отдай.

— Корма с колхозного поля можно сообща растащить, кредиты сообща проесть. Держава спишет.

— Вот вам и демократия!

...Про секретаря Кагарлыкского райкома партии мне и раньше доводилось слышать: интересный он человек. Однако биография у него не для художественного изложения. Какой факт из нее ни возьми, так и хочется сказать, что в жизни все иначе. Одним словом, повороты его биографии нетипичны.

Родители Валентина Родионовича были сельскими учителями, отец больше тридцати лет проработал директором школы, а он, вместо того чтобы окончить десятилетку и поступить в институт, пошел в сельхозтехникум.

Или такой факт. Когда после двухлетней отсрочки его призвали в армию, он, 20-летний молодой специалист, уже работал главным агрономом колхоза. А в армии рядовой Швец был назначен на серьезную офицерскую должность — инструктором политотдела дивизии.

Много ли найдется случаев, когда председателем колхоза избирают... студента? Его избрали — с четвертого курса Белоцерковского сельхозинститута. Пришлось молодому, неженатому перевестись на заочное. На свадьбе своего председателя колхозники гуляли через год, когда уже поверили в него, и потому от всей души желали счастья и здоровья...

Конечно, получить большое и запущенное хозяйство — не свадебный подарок. Кавалерийским наскоком дела не поправишь. Выручала привитая с детства тактичность сельских учителей. Он учил людей, которые годились ему в отцы и деды, но и сам не стеснялся учиться у них. И вскоре в этот колхоз стали ездить за опытом.

Так что на партийную работу он пришел уже человеком зрелым. Вытаскивал из отстающих в передовые Богуславский район, поработал и в аппарате обкома.

...Есть мудрая украинская поговорка: вола на свадьбу кличут не пиво пить, а воду возить. Когда Швеца избрали первым секретарем Кагарлыкского райкома партии, этот крупнейший сельскохозяйственный район не выполнял планов ни по одному показателю. «Возить», образно говоря, было что. Прошлые заслуги, ордена, полученные за работу в Богуславе, тут мало чем могли помочь. Скорее наоборот, Валентин Родионович ловил на себе нетерпеливые взгляды: что же, мол, ты... Швеца привыкли видеть среди первых.

А ему нужно было время, чтобы осмотреться, подумать, чтобы не поторапливали, не дышали в затылок. Всю работу райкома строил так, чтобы как можно больше людей знали о ней, чтобы каждое заседание бюро было уроком деловитости.

Я это говорю не для красного словца, не для того, чтобы задним числом приукрасить своего героя. Наша перестройка — она же не на пустом месте начиналась. Вот передо мною толстая брошюра. Она вышла в киевском издательстве «Урожай» в 1982 году. Ее автор — В. Р. Швец. Он и тогда, пять лет назад, считал, что: «Какое бы справедливое решение ни приняли райком партии, райисполком, бюро первичной парторганизации, оно не даст ожидаемого эффекта без надлежащей гласности, без ознакомления с ним широких масс...»

С первого дня появления в районе новый секретарь взял за правило каждое утро бывать в хозяйствах. С вечера у него дома райкомовский шофер оставлял «газик», а уже на рассвете Валентин Родионович сам садился за руль и ехал в колхоз. (Он и сегодня так поступает.) Да не в правление, а на ферму, в поле, до девяти утра успеет еще и на стройку заехать.

Сын сельских учителей, он никогда не нарушал крестьянской уважительной деликатности: ни приказов, ни распоряжений через головы тех, кому это положено по должности. Он лишь постигал состояние дел в районе и возможности людей, с которыми предстояло работать. Помогал. Советовал. Требовал чаще всего только одного: если принимаете решение, то назовите в нем, кто из руководящих товарищей персонально отвечает за его выполнение и в какие сроки. Чтобы знать, с кого спросить по всей строгости, когда эти сроки наступят.

И район без лишнего шума стал уходить с последних строчек в областных сводках. А в прошлом году «за достижение наивысших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании» получил Почетную грамоту ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. За четыре года, которые Валентин Родионович тут работает, в районе многое изменилось. Производство мяса, например, вместо убытков стало приносить прибыль, надои на каждую корову повысились в среднем на 850 килограммов в год, а самый отрадный факт установили статистики: прекратился отток людей из района, молодежь стала оседать в селах. Много строится жилья, улучшаются условия труда колхозников. В этом году пшеницы по району взяли по 50 центнеров с каждого гектара.

Невольно возникает мысль: а так ли уж необходима тут перестройка? Да и сам Швец начал свой рассказ с того злополучного собрания, когда человека, развалившего колхоз, снова избрали председателем... Понимай вроде: вот, мол, к чему приводит демократия!

— За результаты того собрания,— он как бы угадал мою мысль,— мы все в ответе. Годами и десятилетиями создавались условия, при которых хорошо работать становилось невыгодно, а иногда даже оскорбительно, потому что результатами передовиков прикрывали прорехи бездельников. Одни не имели возможности распорядиться по своему усмотрению прибылью, а другие из года в год проедали государственные кредиты. Но уровень жизни тех и других мало чем отличался. Приспособились в ответ на директиву создавать видимость работы. А ведь демократии тоже надо учиться. Не окунувшись в воду, плавать не научишься.

И, как я понял, постигать суть демократических методов управления должны не только колхозники и даже не столько колхозники, а в первую очередь хозяйственные и партийные руководители... Конечно же, после того общего собрания можно было принять весьма крутые меры по множеству частных упущений... Он не стал этого делать. Собрал в райкоме самых мудрых и опытных, и стали все вместе думать... как помочь Белякову. Другие колхозы послали к нему на две недели лучших специалистов, чтобы разобрались на каждой ферме, в мастерских, чтобы выявили все пружинки такого самодовольного разорения хозяйства.

Опытные, уважаемые в районе люди многое высветили, прояснили и для самих колхозников. А весною помогли и отсеяться в лучшие сроки.

— Мы тут, в райкоме, надеялись, что пойдут в колхозе дела на лад. И всходы получились хорошие, и погода не подвела... Но вот подошла жатва. Созрел горох. Урожай неплохой. Все приступили к работе, а в этом колхозе из пятнадцати косилок в поле не готова ни одна!

Пришлось среди лета созывать новое собрание, чтобы хоть урожай спасти. Волнений было немало. Руководство района приготовилось к любым неожиданностям. Но, как говорится, ничто не проходит бесследно. Созрели... сами колхозники. Они видели, что после первого собрания райком не делал «оргвыводов», не оказывал на них силового давления. Наоборот, помогал, как мог, поддерживал избранного ими добренького председателя. И уж на этом летнем собрании не отмалчивались — проняло их.

Покладистого бездельника с поста председателя прогнали, переизбрали правление. Правда, не единогласно, а лишь большинством голосов. Остались, видать, такие, кому больше по душе получать мало и не работать, чем хорошо зарабатывать, но пахать...

Считанные месяцы прошли с того второго собрания, но уже сейчас дела в колхозе пошли в гору.

В долгих беседах с Валентином Родионовичем, наблюдая, как он держится, как ведет себя, мне хотелось получить четкий ответ на вопрос: что же меняется в стиле и методах работы райкома партии? В чем видит он, первый секретарь, приметы перестройки? Ведь одна из первейших задач нынешнего дня — научиться разумно сочетать партийное руководство с хозяйственной самостоятельностью, экономическими методами управления. А если секретарю райкома противопоказано отдавать команды, вмешиваться в дела других организаций и предприятий, то как он может оставаться главной политической фигурой в районе?

Он не спешил изрекать истины. Задумывался, что-то вспоминал, рассказывал всякие истории, выхваченные из сегодняшнего потока жизни.

Мне тоже вспомнилась передача по телевидению, где преподносился вроде бы хороший опыт работы райкома партии. Несколько раз подчеркивалось, что райкомовские работники раскреплены по хозяйствам, где каждый отвечает за дела НАРАВНЕ с первым руководителем.

— Как же так? — пытался я вызвать ответную реакцию своего собеседника.— Если комиссар отвечает наравне, то рядом с бывшим директором Чернобыльской АЭС на скамье подсудимых должен был сидеть и секретарь парткома, а рядом с капитаном «Нахимова» и его замполит. Как можно совместить это самое НАРАВНЕ с экономическими методами управления и единоначалием?

Валентин Родионович не стал оценивать действия других. Вернулся к собственному опыту.

— У нас есть крепкие колхозы, куда ни я, ни мои товарищи из райкома месяцами не заглядываем. А если и наезжаем иногда, то чтобы поддержать людей, поблагодарить их за хорошую работу, показать, что знаем и помним об их делах.

— А если хозяйство отстает?

— Надо разобраться, изучить причины...

Стало понятно, почему он, говоря о главных, по его мнению, качествах партийного работника, первым назвал компетентность. Уточнил:

— Конечно, невозможно знать все, но есть на то специалисты, их надо привлекать и уметь выслушивать, а для принятия важных решений и самому серьезно готовиться.

И еще назвал обязательность.

— Я не могу опоздать, если назначил, не сделать, если пообещал.— Подумав, добавил: — Если требуешь от других, то в первую очередь делай это своим примером. Вообще партийная работа прежде всего воспитательная. В том и смысл гласности, чтобы люди видели, как мы сами поступаем, как вырабатываем оценки и решения.

Рассказал мне такой случай. Не так давно надо было рекомендовать человека на пост заместителя председателя РАПО. Нашли такого — инженер, когда-то работал в «Сельхозтехнике», а потом выдвинули в районную контору газового хозяйства директором. Значит, есть уже и опыт самостоятельной работы. Пригласили его в райком для беседы, а он на новую должность не хочет, с порога отказывается. Дали ему неделю на размышления.

— Я эту неделю тоже думал,— говорит Валентин Родионович.— Второе лицо в РАПО — это высокий пост, не сравнить с конторой. И зарплата значительно выше. Почему же отказывается? А нам такой специалист нужен: молодой, с опытом, окончил сельхозакадемию...

Но молодой и опытный через неделю снова отказался. Дали еще неделю-другую на размышления. А потом вызвали на бюро... Бывает, конечно, что у человека какие-то обязательства перед семьей, перед близкими или что-то со здоровьем... Но тут место жительства менять не надо, зарплата выше, образование и опыт — удачнее не придумаешь. А он в одну дуду: «Трудно мне будет в РАПО».

Возмутились члены бюро. Один из них с обидой спросил:

— А кому же брать на себя трудности перестройки: мне, которому

под шестьдесят, или тебе в твои тридцать пять? Если тебе уже ничего не надо, то зачем в таком случае ты нужен партии?

Как же так? Я спросил у Валентина Родионовича: а вдруг человек опасался, что развалит дело, не хотел испортить свою репутацию?

— Он не хотел терять два выходных в неделю, спокойную работу от звонка до звонка и, возможно, еще что-то, о чем не захотел сказать.

— Ну, а если бы согласился и не справился?

— Случается и такое. Никто не застрахован.

Когда Швец только пришел в район, был тут один «незыблемый» председатель. Колхоз когда-то гремел, а потом многое подрастерял, но «незыблемый» все еще красиво говорил с трибун, даже областных. И однажды хозяйство оказалось последним в районной сводке о надоях. При подведении итогов передовикам торжественно вручили вымпелы и премии, а последнему — тоже традиционный приз в виде козла.

В былые времена при вручении козла кому-то другому «незыблемый» шутил, подтрунивал, но когда этот презент решили вручить ему, то повел себя, можно сказать, скандально. Он полагал, что ему все дозволено. Привык. Вот и решили обсудить его поведение на общем собрании колхозников.

Есть такие руководители: начальство полагает, что за ними коллектив стеной, как скала, стоит, а в коллективе, наоборот, считают, что у их начальника в райкоме или еще повыше — железная рука.

И вот когда на колхозном собрании люди поняли, что товарищи из райкома не станут любой ценой выгораживать их председателя, стали выступать. Да так, что он оказался просто голым королем. Услышал, должно быть, столько горьких и справедливых упреков и обид, сколько за всю жизнь не слыхивал... В общем, решили, что и дня больше не потерпят его на посту председателя. Надо было тут же избрать кого-то другого. Заранее кандидатуру не готовили. Спешно решили рекомендовать на этот пост бывшего заместителя председателя.

Взмолился он: не могу! Я, мол, повинен во многих недостатках, я местный, у меня тут свои отношения с людьми, трудно будет их изменить.

Но Швец настоял: некого было другого. Избрали. Он старался, тянул, но многое не получалось. И уже через год пришлось назначить перевыборы.

— Как же вы с ним обошлись? — спросил я у Валентина Родионовича.

— Поблагодарили за службу. Нашли должность, которая ему по плечу, и признались, что решение райкома рекомендовать его на пост председателя оказалось не лучшим...

Эти два случая среди множества других, с которыми довелось познакомиться в Кагарлыке, Валентин Родионович объединил неожиданным заключением:

— Правда всегда одна.

Перехватив мой вопросительный взгляд, пояснил:

— Если говорить полуправду, то каждый раз появляются варианты. Это осложняет жизнь. Говорить правду, не ловчить — значит сделать ненужными многие сложности, при этом гласность становится вполне естественной атмосферой жизни, она получается как бы сама собой. И демократия будет развиваться, не подрывая авторитет руководителя, а укрепляя его. Как видите, говорить правду довольно легко, особенно руководителю. Конечно, если он поступает по совести...

Киевская область.

В торговле сохраняется, а по некоторым позициям даже усилилась напряженная ситуация. Каждый, включая покупателей в «Березках», ощущает это. Впрочем, давайте зайдем в обычные магазины...

Андрей ОРЛОВ, доктор экономических наук

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ «НОВОГО» РЫНКА

Для удовлетворения спроса не хватает примерно 100 миллионов пар кожаной обуви; особенно для пожилых людей, детской. А также спортивной и особо модной — выходной. Недостает нескольких миллионов мужских и женских демисезонных и зимних пальто и плащей; недорогих (да и дорогих) костюмов, брюк, модных молодежных курток, комплектов. Невелик выбор мебели; особенно недорогой, для молодых семей. Очень нужны (к тем, что будут поставлены) еще примерно миллион цветных и черно-белых телевизоров; сотни тысяч легковых автомобилей, миллион пар лыж, многие миллионы флаконов и туб лосьонов, одеколонов, зубной пасты... Предельно устойчив также дефицит услуг, книг и, конечно же, жилья.

Продолжают быстрее, чем следовало бы, расти вклады в сберегательные кассы. И часть вкладов, образовавшаяся из-за дефицита товаров, усиливает давление на потребительский рынок. Механически, конечно, нельзя складывать неудовлетворенный спрос текущего года и эти накопленные за ряд лет, не потраченные на те или иные изделия сбережения. Это разные деньги, хотя и взаимосвязанные. Есть еще деньги на руках, в «кубышках». Их тоже надо бы посчитать.

Ситуация сложилась серьезная. Но коль скоро она поддается анализу, то можно найти и пути решения проблемы. Для нормализации рынка следует добиться, чтобы предложение шло впереди спроса. По крайней мере оказалось вровень с ним. Рынку нужны товары разные. И давно известные, доступные по ценам, и новые, особо высококачественные. Их недостаток ведет к невыполнению плана товарооборота. Очень трудно заканчивается 1987 год. За 10 месяцев отставание от плана в несколько миллиардов рублей. В торговле введены новые условия хозяйствования. Почти десяти миллионам работников отрасли грозит снижение заработков. Как быть? Прежде всего использовать имеющиеся резервы. Начать с того, чтобы платить продавцу сдельно — за проданные пальто и костюмы, пары обуви, телевизоры, часы...

Для покупки-продажи нужны реальные метры, штуки, пары. Заменить их (в отчетах) рублевым эквивалентом можно, но носить его, эквивалент, нельзя. И вместе с тем для производителей создалась крайне благоприятная конъюнктура. Их диктат силен. Все, что они предлагают, торговля со скрежетом зубовным, но принимает. Другого-то нет. И выгорают в витринах шерстяные спортивные костюмы куйбышевских трикотажников, простаивают в магазинах телевизоры «Горизонт», «Электрон», «Славутич». Пылятся холодильники «Памир», «Чинар». Мучительно ждут своего часа на снижение цен многие другие изделия.

Госприемка заставляет многие предприятия основательнее взяться за дело. Но новых технологий и оборудования, материалов и поставщиков госприемка, само собой, не дает. В Эстонии, где ведутся интересные эксперименты в промышленно-торговом комплексе, в магазинах и на оптовых базах в первом полугодии забраковано и снижено в сортности почти в 2 раза больше проверенных товаров, чем за тот же период 1986 года. И это изделия не только предприятий отстающих и середняков, но и работающих на внешний рынок.

Как скоро удастся изменить картину в легкой промышленности в целом? Ведь за один квартал госторгинспекция забраковала 20 процентов проверенных швейных изделий и кожаной обуви. Вот, например, не куплены по причине «открытого» брака и возвращены из-за «скрытого» 8—15 процентов обуви, швейных и трикотажных изделий, 20—25 процентов телевизоров, магнитофонов, стиральных машин и т. д.

Сдвиг к лучшему есть, если судить по обуви московской «Зари», целому ряду ленинградских предприятий, по костюмам швейных объединений Белоруссии, московской «Большевички», работающей с французской «Вестрой»; рижской «Латвии», по трикотажным изделиям Огрского комбината и таллинского «Марата». Но статистика наводит на серьезные раздумья. Предприятия швейной, обувной, трикотажной промышленности не обеспечивают выполнение договорных обязательств. И не только по туфлям или костюмам. Долги перед торговлей, покупателями составили почти миллиард рублей.

Острота реакции населения на сохраняющийся дефицит, на там и сям вылезающий брак, на плохую рекламу, на грубость продавцов не спадает. Реальных изменений немного, пока больше обещаний и надежд... А люди устали ждать. Очереди, в которых теряется около 20—25 миллиардов человеко-часов в год, остаются нашим бедствием.

С торговлей, с реальным маркетингом мы имеем дело каждый день. Торговля — отражение плюсов и минусов, реального положения в экономике. По существу, целостный рынок страны, его механизм только формируется. Многое начинается с нуля. Без оптовой торговли средствами производства, без активного рынка сельскохозяйственной продукции не может быть нормального рынка товаров и услуг. Ясно, что и границы внутреннего рынка должны быть открытыми. Важно именно на этом этапе не допустить промедления. Умно использовать свой исторический опыт и уже сделанное в братских странах.

Провести в жизнь четкую ассортиментную политику в расчете на конкретные группы населения, с учетом региональных, местных особенностей нелегко, но необходимо. Это могут сделать оптовые и оптово-розничные объединения. Производителям нужна от них поддержка, партнерство. Особую роль в налаживании рынка с помощью оптовиков играют банки. (Напомню, что в первые годы нэпа бюрократический аппарат органов снабжения был заменен синдикатами в оптовой торговле. Они экономически помогли производителям, трестам с выходом на внутренний и внешний рынок.) Объективно на рынке могли бы вписаться торгово-сбытовые и ремонтно-строительные кооперативы, представители индивидуально-трудовой деятельности. Конечно при должной поддержке минторговской и центросоюзовской систем, с измененными полномочиями, скажем, по регулированию цен, в пользу действенной защиты массового потребителя. Да и не помешала бы, сначала в порядке эксперимента, гибкая индивидуально-семейная, «частная» торговля.

Потребительский спрос меняется быстро. Практически в каждой городской семье и в большинстве сельских есть телевизор и холодильник. На «первичный» наступает «вторичный» спрос — на замену, в дополнение. Скоро из каждых 10 покупаемых телевизоров и холодильников 9 будут приобретаться вместо выбывающих. То же самое будет постепенно происходить с «Жигулями», «Москвичами». Значит, нужны изделия не подновленные, а по-настоящему новые. Если это телевизоры, то необходимо снижение на 20—30 процентов энергопотребления, повышенная надежность и качество изображения, звука. Уменьшение веса, автоматическое регулирование, новый дизайн, дистанционное управление тоже необходимы.

Да и цены пора привести в соответствие с потребительскими свойствами изделий. На многие виды одежды и обуви, не отличающиеся особой модностью, пора их оперативно снижать. Это не мясные продукты, не деликатесы, где ситуация иная. Многие готовы купить видеомагнитофоны, видеопроигрыватели, персональные компьютеры, принципиально новые велосипеды; изделия для занятий спортом, туризмом, тренажеры. Нужна новая бытовая техника типа микроволновых печей «Электроника».

Новая волна фирменных и коммерческих магазинов в агропроме и потребительской кооперации вынесла на прилавки полузабытые копченые и полукопченые колбасы, окорока, ветчину и другие вовсе не деликатесы и не разносолы. Цены же на некоторые из них, как справедливо возмущаются многие читатели, кусаются. Оно так.

Но эти цены продиктованы экономикой, истинными затратами, и тут уж ничего не поделаешь. Беда в том, что и среди товаров, не пользующихся спросом, завышенные цены имеют 10—12 процентов швейных изделий и кожаной обуви, около 20 процентов трикотажных изделий. Как будто не наращивается производство, не уменьшаются затраты. Удобно для производителей и финансистов свойство договорных цен. Сфера их будет существенно расширяться. Но должна быть и вторая сторона — в пользу потребителей. Это гибкое, в зависимости от спроса, оперативное снижение цен.

...Рынку нужны профессионалы, специалисты. Кто их готовит, какой вуз, какая академия? Как же без специалистов работать в деловом мире, «самом материальном из миров»? Вспомним, как на VII Московской губпартконференции 29 октября 1921 года В. И. Ленин опровергал аргументы тех, кто говорил, что «в тюрьмах торговле не учили». Как призывал «научиться понимать коммерческие отношения и торговлю». Подчеркивал при этом, что надо о них говорить без обиняков.

«НАШИ» И «НЕ НАШИ» ПИСАТЕЛИ ●
ЕЩЕ РАЗ О БЕССМЫСЛЕННЫХ ЗАПРЕТАХ ●
АХМАТОВА, ПУШКИН И ... РЮМКА ВИНА ●
ТАК ПРОТИВ КОГО ЖЕ ШЕПЕЛЕВ? ●

■

После войны в мою родную деревню Черниченка не вернулось 42 человека. Я долгие годы лелеял мечту в центре села на свои средства построить обелиск в честь погибших земляков.

В № 47 «Огонька» за прошлый год было напечатано мое письмо: «Я художник-самоучка, но мечтаю: если мои работы кому-либо нужны, то средства от их продажи хотел бы предоставить в распоряжение сельских Советов ... на создание памятников погибшим односельчанам».

В мой адрес пошел поток писем, в которых выражалась моральная и материальная поддержка. Просили мои работы и высылали за них деньги. Я собрал достаточную сумму на постройку памятника и был уверен, что председатель сельского Совета и районное руководство меня поддержат.

«А кому нужен этот обелиск? Солдатские вдовы скоро поумирают, а обелиск развалится и зарастет травой, бурьяном,— заявила мне председатель Ляховского сельсовета З. Ф. Овчинникова.— Фамилии погибших воинов из Черниченки внесены в общий список у обелиска в селе Ляхи, и не стоит дублировать...»

У обелиска в селе Ляхи собираются участники войны раз в году, в День Победы. Жители же Черниченки и других деревень там не бывают — далеко ходить.

Когда мы попробовали выяснить позицию районного руководства, то получили ответ: «А в Черниченке был сход, на котором жители сочли ненужной постройку обелиска».

Как же прошел этот «сход»? Председатель колхоза «Путь к коммунизму» Тельнов и Овчинникова вошли в магазин, где собрались случайные покупатели (всего было тринадцать человек), и между прочими разговорами Овчинникова заявила: «Тут некоторые хотят, чтобы у вас памятник поставили, а в сельсовете на это нет средств».

Но почему на этот «сход» не пригласили меня? Мне стыдно глядеть в глаза односельчанам. Земля слухом полнится. Узнали люди, что я хотел памятник соорудить, и спрашивают, когда же начну строить. А я ведь уже материал припас, выписал полторы тонны цемента в передвижной механизированной колонне, обещали кирпич и щебень. Взрослые и дети со всей душой согласились на подсобные работы. Но начальство решило запретить. В итоге я всех обманул.

Поставить точку нельзя. Мы уверены, что обелиск должен стоять в центре деревни. Я говорю «мы», потому что под этим письмом подписались бы все жители нашей деревни. Я уже бороться отчаялся.

В. Н. ЩЕПКИН,
ветеран Великой Отечественной войны, инвалид II группы
д. Черниченка Владимирской области.

■

Хочу поделиться своими мыслями о посещении юбилейной выставки «Омская область за 70 лет». Выставка впечатляет. Образно говоря, здесь воочию представляешь, как область вместе со всей страной прошла путь от лаптей и сохи до космических кораблей и комбайнов «Дон-1500».

Вот только некоторые нюансы вызывают недоумение и разочарование. В разделе агропрома обратил внимание, что на двух сортах твердокопченых колбас типа «сервелат» отсутствует цена. В то время как на вареных колбасах и всех других изделиях из мяса цены были четко обозначены. Спрашиваю у дежурной по залу (работник предприятия): «А почему на твердокопченых колбасах нет цен?» В ответ женщина говорит: «Мы эти колбасы не выпускаем для продажи. Выпустили небольшую партию к выставке».

Если копченые колбасы выпускаются только для выставки, а не для людей, то это издевательство, которое всех нервирует. Я вовсе не против твердокопченых колбас. Просто, если колбасу показывают на выставке, она должна быть и в магазине. Это же так элементарно.

А. ПОДОЛЬСКИЙ,
инженер
Омск.

■

Выражая редакции благодарность за публикацию о Н. И. Бухарине («Огонек» № 48), заранее предвижу реакцию тех историков и «знатоков» советской истории, кто в свое время клеймил позором это имя, повторяя облыжные обвинения о якобы существовавшем в стране антипартийном блоке; участники которого состояли в заговоре против Ленина, намереваясь его арестовать, в заговоре против партии, Советского государства. Не одному поколению внушалось, что уже с первых дней Октябрьской революции они ставили своей целью восстановление в СССР капиталистического рабства и физическое устранение выдающихся деятелей партии и государства.

В то же время я против того, чтобы делать из Бухарина или Рыкова новые иконы и бросаться из одной крайности в другую. Я за то, чтобы, имея возможность прочесть в биографических данных о Бухарине, что он допускал ошибки по проблемам марксистской теории государства, самоопределения наций, программы минимум, в вопросе Брестского мира, мы видели, что и к другим деятелям нашей партии историки относятся столь же объективно. Вот пример. Знакомясь с биографией К. Е. Ворошилова, среди перечисленных множеств бесспорных заслуг нам необходимо бы увидеть и то, что он принимал активное участие в «военной оппозиции», стоял у истоков возникновения культа личности Сталина, приложил руку к истреблению военных кадров Красной Армии в 1937—1938 годах, допускал серьезные ошибки на фронтах Великой Отечественной, был также, боясь разоблачения, в антипартийном блоке вместе с Молотовым, Кагановичем, Маленковым. После разгрома блока признал свои ошибки и полностью отошел от него. Или, например, следуя объективным данным, в биографии А. А. Жданова, кроме перечисления заслуг, необходимо сказать, что, возглавляя Ленинградскую партийную организацию, он способствовал преследованиям многих честных коммунистов, соратников С. М. Кирова; руководя обороной Ленинграда в годы войны, допустил серьезные ошибки; после войны возглавил печально известную кампанию, в результате которой многие талантливые деятели искусства и культуры подверглись необоснованной травле и гонениям.

Было бы это объективно? На мой взгляд, безусловно. Говоря правду и указывая на серьезные недостатки в деятельности членов ленинского Политбюро — Бухарина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Томского и других,— нельзя молчать и об отступлениях от ленинских идей таких деятелей, как Жданов, Ворошилов, Молотов, Вышинский, Шкирятов и др.

Федор РАЗЗАКОВ,
студент исторического факультета МОПИ имени Н. К. Крупской

■

Любезная Тамара Дмитриевна Мелкозерова, достопочтенная моя землячка! Прочел я в № 47 «Огонька» Ваше отречение от Анны Ахматовой. Благо, что гласность открыла Вам глаза, а то бы Вы до сих пор, вероятно, жили бы в неведении и повторяли бы за читающей публикой, что Анна Андреевна — величайшая поэтесса нашего времени. И вдруг выясняется, что Ахматова, оказывается, покуривала и от рюмочки не отказывалась. Боже, какой ужас! А что, если прочтут об этом нынешние парни и девушки и после подобного откровения все поголовно начнут курить и спиваться? Разве оправдывает Ахматову тот факт, что, как она сама писала в «Реквиеме», «муж расстрелян, сын в тюрьме», а вдобавок саму исключили из Союза писателей, не печатали, травили почем зря?.. Мало ли что в жизни бывает! Вот Вы помните, а она непростительно забыла, что «река начинается с ручейка, а пьянство — с рюмочки».

Вот уж поистине не сотвори себе кумира! Взять хотя бы того же Александра Сергеевича. Да, да, это я о Пушкине. Тоже хорош был! Когда его царь в Михайловское сослал, он вместо того, чтобы повышать свой культурный и идейный уровень, что няне предлагал? «Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей».

Это мы с Вами со школьной скамьи учим. И куда только Министерство просвещения смотрит? Ведь не о рюмочке — о кружке разговор! И Арина Родионовна тоже, видимо, хороша была: вместо того, чтобы поставить своего барина на место, она ему в ответ всякие там сказки рассказывала.

От них, от писателей, как Вы в этом еще раз убедились, всякое можно ожидать. «Кумирам подражают, одобряют их поступки». Как нельзя лучше Вы это «усекли». А тут такой опасный призыв напечатан в школьных хрестоматиях: «Подымем стаканы, содвинем их разом!..» И «разом»-то со словом «разум», как в насмешку, рифмуется. Но до разума ли, когда гласность, несмотря на Ваше предупреждение, никак не хочет сочетаться с умом и в печати появляются ранее не опубликованные стихи Ольги Берггольц. Эта поэтесса, как Вы, возможно, слышали, тоже в годы сталинского культа здорово пострадала: после одного из допросов в тюрьме у нее родился мертвый ребенок. И вот, доведенная до отчаяния, она, оказывается: «В подворотне — с дворником курила, водку в забегаловке пила...»

А дальше еще страшнее. Читайте ее строки в третьем номере «Знамени» за 1987 год о «небывших грехах», об искуплении кровью, о «надоевших праведниках».

Сдается мне, что Вы тоже из таких вот «праведников». Не находите? Ахматову и без Вас пытались зачеркнуть и тщетно отгораживали от нее молодежь. Но и тогда читали ее, и сейчас весь мир зачитывается. А вы положа руку на сердце, только честно, читали ли ее проникновенные стихи перед тем, как отречься?

В. ШУМИЛИН
Ленинград.

■

Отпуск проводили на Украине. Возвращаясь в Алма-Ату, специально сели на поезд, который приходит в Москву в шесть утра, чтобы показать восьмилетнему сыну столицу. Сдали багаж — и на Красную площадь, в Мавзолей. Как ни спешили, встать в очередь опоздали. Подъезжают автобусы с иностранными туристами — пожалуйста. Нас и было-то приезжих с детьми от силы человек десять. Просили, умоляли.

Понимаю, есть порядок, но есть же и случаи, когда от него можно отступить, например, пропустив нас в интервалы между интуристовскими автобусами. Конечно, мы с мужем многое показали сыну, но как было обидно услышать в конце дня от него: «А к Ленину нас не пустили...» Кстати, когда я смотрела на смеющихся и жующих жвачку туристов, то, простите за откровенность, думала: многим ли из вас, дорогие зарубежные друзья, нужна эта экскурсия в Мавзолей?

Г. ДВОЙНИК
Алма-Ата.

■

С удивлением прочитал в «Литературной газете» (№ 49) письмо жены министра, в котором она обосновывает справедливость привилегий для номенклатурных работников, ссылаясь на тяготы быта, ответственность работы и продолжительность рабочего дня. Хотел бы к ней обратиться со страниц «Огонька».

Вы жалуетесь, что министры (и ваш муж в том числе) работают по 12—16 часов в сутки. Я вам охотно верю. Но не вижу в том особой трагедии, потому что сам работаю столько же: 8 часов на основной работе младшим научным сотрудником в музее и еще подрабатываю как умею. По-другому не выходит, я шестой год живу на частной квартире. Ваш муж случайно не министр жилищного строительства?

Вы не написали, какой у него оклад. У меня — 110 рублей. Ваш муж не министр финансов?

Был удивлен, что вы сами таскаете тяжелые сумки с рынка, потому что в спецмагазине «не всегда есть то, что нужно». Выходит, я в лучшем положении, хотя тоже не всегда нахожу в городском магазине то, что мне нужно. Но тяжелых сумок

не ношу — рынок мне не по карману. Ваш муж не министр сельского хозяйства?

Вы жалуетесь, что каждое утро уходите на работу в 7 часов 30 минут. Мне это понятно и близко: я ухожу из дома в 7.15. Но черной машины у меня нет, и на дорогу только в одну сторону у меня уходит почти полтора часа. Ваш муж не министр транспорта?

Весьма сочувствую также, что государственной дачей вашей семье удается пользоваться только один месяц в году, а телефон оплачивать на этой даче приходится за весь год. И многому еще, о чем вы рассказываете в своем письме, я самым непосредственным образом готов посочувствовать. Но пока в стране еще не у всех есть отдельные квартиры и дачи, черные машины и деньги, чтобы питаться «с рынка», мое сочувствие вряд ли будет искренним.

В. ПРИБЫЛОВСКИЙ
Истра Московской области.

■

Прочитал выступления писателей Анатолия Иванова и Вениамина Каверина, опубликованные в № 46.

Можно, конечно, сказать кратко: я — на стороне В. Каверина и не согласен с А. Ивановым. Но надо, видимо, высказать и свою точку зрения.

Никак не могу взять в толк, почему А. Иванов и некоторые другие писатели и критики не приемлют тех перемен, которые происходят в литературе и в жизни. То, что в нашей литературе накопилось немало негативных явлений, было уже ясно и тогда, в застойные годы. Ведь это же факт, что литературой командовали даже те, кто, собственно, не имел к литературе никакого отношения. В литературе, как нигде, действовала «табель о рангах». Скольким талантам было отказано в праве называться писателями только потому, что они не вписывались в жесткую схему: Платонову, Булгакову, Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой, Зощенко и многим другим. Ведь и сегодня кое-кто отказывает им во всенародном признании.

А. Иванов опасается, что новые имена задвинут на периферию Шолохова, А. Толстого, Леонова... Да нет же! Произведения Шолохова, А. Толстого, Леонова сами сумеют постоять за себя, их авторы никогда не поднимались над писателями, никогда не разделяли их на «наших» и «не наших».

Некоторые считают, что «Дети Арбата» — плохие «дети», что «Белые одежды» — не из нашего гардероба, а «По праву памяти» и «Реквием» — это клевета и злопыхательство... Что они якобы уводят читателя, особенно молодого, куда-то в сторону. Опасение напрасное и не имеет оснований.

«...Подумать хотя бы о том, есть ли еще в мире какая страна, где бы так очерняли, так односторонне трактовали, если хотите, так втаптывали в грязь свою историю?» — говорит А. Иванов.

Что можно ответить на это? История есть история, и ее нам не дано ни исправлять, ни поправлять, ни приукрашивать. А если это случалось, то мы же сами от этого и страдали, ибо выбивались из истории действительной и вступали в историю рафинированную. История у нас одна, и ее надо знать такой, какая она есть. Я не понимаю, почему А. Иванов против этого. Позицию тех, кто исповедует пресловутое «как бы чего не вышло», всегда характеризовали как консервативную.

Я не могу и не хочу назвать высказывания А. Иванова «враждебными» и «антипатриотическими», как делает это он сам по отношению к тем, кто придерживается другого мнения. К счастью, времена уже не те, а то было бы плохо многим после таких «приговоров». Понимает ли это сам А. Иванов? Пожалуй, это самое печальное место во всем выступлении писателя.

В. Н. КУЗНЕЦОВ,
ветеран Великой Отечественной войны
Барановичи.

P. S. После выступления А. Иванова предо мною возник образ из публикации Ю. Карякина «Стоит ли наступать на грабли?» («Знамя» № 9, 1987 г.). Конечно, А. Иванов и «Инкогнито» Ю. Карякина не одно и то же. Но соприкосновение общих точек зрения на суть многих явлений налицо.

■

Правильно вы поступили, опубликовав в №№ 40 и 47 письма читателей о бессмысленных запретах на въезд в «пограничные зоны».

Мы привыкли к бессмысленным запретам, к тому, что они обращаются порой в фарс. Летом прошлого года я стал свидетелем нелепой сцены. На станции Зима пикет милиции благосклонно наблюдал за японскими туристами, фотографировавшимися группой на перроне, однако когда то же самое совершили советские граждане, то их фотопленка была торжественно засвечена. Милиционеры заявили: «Снимать на вокзале запрещено, будете пререкаться — доставим в КГБ».

В аналогичную ситуацию попали мои знакомые, решившие сняться в Ленинграде на набережной Невы,— в кадр попал железнодорожный мост, находящийся в черте многомиллионного города.

Сейчас в вагонах метрополитена вывешены новые правила, в которых появился пункт, запрещающий фотосъемку на станциях метро без «письменного разрешения руководства Метрополитена!». Еще один пример чиновничьей государственной деятельности. Мы видим, как иностранные туристы с удовольствием фотографируют интерьер Маяковской, витражи Новослободской, бронзовые скульптуры площади Революции. Как теперь к этому отнесется милиция Метрополитена? И куда будут доставляться советские граждане, нарушившие запрет?

Б. ЧИМИТ-ДОРЖИЕВ,
32 года, член КПСС
Москва.

■

Странное впечатление произвела реплика С. Д. Шепелева (№ 44). Отнестись к Шепелеву как к оппоненту с уважением и вступить в честный спор не считаем нужным, если в решениях XX съезда КПСС он ничего не видит, кроме того, что «всколыхнулась вся реакционная нечисть, поддержанная и подстрекаемая империалистическими державами».

Кого имеете в виду, Шепелев? Неужели десятки тысяч жертв сталинского террора, освобожденных из лагерей или реабилитированных посмертно? Такое предположение выглядит немыслимым, чудовищным. Но оно вполне совместимо с «логикой» человека, решившего без суда и следствия (в стиле своего кумира) «сослать» Окуджаву и Евтушенко в Сибирь.

Не стоит оспаривать мнение Шепелева о Сталине, личной ответственности его и ближайшего окружения за содеянные преступления: об этом исчерпывающе точно и исторически мудро сказал в юбилейном докладе М. С. Горбачев.

Но есть в злополучной реплике Шепелева мерзкий выпад против И. Г. Эренбурга, и мимо этого мы пройти не можем. Этого требует наша воинская честь, законы фронтового братства.

Илья Григорьевич Эренбург — почетный танкист нашей 4-й гвардейской Минской Краснознаменной ордена Суворова танковой бригады. Мы знали его лично. Он приезжал к нам на фронтовую полосу. У нас хранятся его волнующие письма. Все годы войны он был с нами и со страной. Это о нем сказал в свое время Всесоюзный староста М. И. Калинин, что он «ведет рукопашный бой с немцами».

Допустим, что Шепелев не знал, как мы, Эренбурга лично, незнаком с девятитомным (далеко не полным!) собранием его сочинений. Но где интересно был Шепелев, «когда гремело», когда почти в каждом номере центральных и фронтовых газет публиковались его огненные очерки, статьи, письма, воспламенявшие сердца солдат для битвы с фашизмом? Неужели он был где-то «рядом с нами»? Если был, то неужели свежие номера «Правды», «Известий», «Красной звезды», где публиковались эренбурговские статьи, он, не читая, употреблял лишь на «козьи ножки»?

...И все-таки великое дело гласность: сразу видно, кто есть кто!

Ветераны 4-й гвардейской танковой бригады:
гвардии полковник
К. Г. БУДРИН (Воронеж),
гвардии полковник
А. С. БИБИКОВ (Киев),
гвардии капитан
А. М. БАРЕНБОЙМ (Одесса)

Уверены, под этим письмом подписались бы еще десятки наших однополчан, в том числе и маршал бронетанковых войск О. А. Лосик, бывший командир 4-й гвардейской танковой бригады.

■

Люди, которым приходилось бывать в Париже, восхищаются его женщинами. Такие они моложавые, нарядные. И не в каких-то особенных одеждах, а в простых, но элегантных и красивых. Дело, как мы думаем, не в самих женщинах. Как быть моложавой, если у тебя ранняя седина, а краски, чтобы придать волосам нужный оттенок, в продаже нет. Совсем недавно лежали на прилавках и «Колестон», и «Топаз», и «Гамма». И вот как ветром сдуло! Каких только кремов не было — «Весна», «Юность»...

Мы не хуже парижанок, но не заботятся о нас парфюмерная промышленность и ее предприятия. Или что, как всегда, нет сырья? Представляем, какие цифры приведут те, кто по долгу службы обязан заботиться о нашей красоте и молодости, отвечая на наше письмо, как расхвалят свои деяния!

Е. ФРОЛОВА,
А. ГОВОРУХИНА,
Н. БОРИСОВА
Моршанск Тамбовской области.

■

В № 43 журнала прочитал письмо М. Мусина, который несколько обижен тем, что полиметаллурги Лениногорска, у которых «покоятся в шкатулках потускневшие медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», обойдены вниманием — они не имеют доступа в магазин, обслуживающий фронтовиков.

Очевидно, кощунственно допускать мысль, что участников всенародного подвига сегодня можно отблагодарить одними материальными благами.

Вопрос, поднятый М. Мусиным, заставляет подумать и о другом. Мы почему-то не говорим вслух о том, что льготами, установленными сравнительно недавно фронтовикам, гораздо раньше начали пользоваться работники многих «контор», начиная от захудалого райпотребсоюза до московских министерств. Они имеют столы заказов, ларьки, киоски для своих работников. Ассортимент и оплата в них зависят от «хватательных» способностей специально уполномоченных этих «контор» и радиуса их действия.

Невольно хочется напомнить ставший классическим пример скромности В. И. Ленина, когда он требовал не увеличивать его тощий паек. Поколение, начинавшее революцию, не допускало мысли, что служебное положение дает особые права. Насколько разнообразны запросы и аппетиты чиновников «контор», свидетельствует публикация «И никаких проблем» А. Рубинова в № 36 «Огонька». Добавим сюда торговораспределительную сеть, представители которой не забывают ни себя, ни своих родственников, знакомых и просто «нужных людей».

Пора, наверное, задаться вопросом: «Доколе?».

Сейчас, когда начинаем очищаться от многого, не свойственного ни социализму, ни нашим идеалам, нужно навсегда запретить все магазины закрытого типа.

Наверное, следует оставить льготные условия для двух категорий наших людей. Это ветераны войны и труда, которые по возрасту или состоянию здоровья нуждаются в постороннем уходе, и многодетные матери. Они по нормам социальной справедливости оказались далеко в не равных условиях с остальными членами нашего общества.

А. Я. ГОБНЕК
Огре Латвийской ССР.

■

Комсомольцы нашего курса в канун 70-летия Октября побывали на экскурсии в Музее Революции. К сожалению, торжественного праздника не получилось. Праздник испортил броневик, стоящий у входа в музей, вернее, его модель. Для нашего поколения, да, наверное, и не только для нашего, броневик — это символ Революции, трибуна, с которой Ильич обращался к трудящимся России, грозное оружие, громившее врага на фронтах гражданской войны. Тем более обидно, что Музей Революции «охраняет» фанерный макет, обшитый железом. Мы были не первыми, кто обнаружил обман: кто-то из недоверчивых посетителей заподозрил неладное и проковырял в броневике пару дырок.

Мы считаем, что Музей Революции — музей № 1 в нашей стране. Так почему именно перед его зданием выставлена подделка вместо настоящего, видевшего Октябрь броневика? Неужели мы не смогли сохранить для потомков подлинную боевую машину, чтобы было у них ощущение сопричастности к тому революционному времени, с которого началось наше социалистическое государство? Мы уверены, что наш народ помнит и знает свою историю. Но не из-за таких ли подделок мы не видим очередей у музеев?

Студенты Московского физико-технического института, всего 44 подписи

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПЛАЧ ПЕРЕПЁЛКИ

(ИЗ УРИЙСКИХ РАССКАЗОВ)

Борис ЧЕРНЫХ

Я достаточно давно знаком с рассказами и очерками сибиряка Бориса Черных. Они печатались в Москве, хотя и не очень часто. Он хороший знаток своего края, его людей, проблем. Некоторые его вещи, написанные в так называемые годы застоя, только сейчас начинают находить дорогу к читателю. Повышенное этическое напряжение, социальная активность, бесстрашное желание понять причины взлетов и падений человеческого духа — вот круг его писательских забот. Впрочем, все эти качества всегда были нашей неотъемлемой литературной традицией, как бы они ни затушевывались в те или иные неблагополучные годы.

Фазиль ИСКАНДЕР

Рисунок Олега **ВУКОЛОВА**

Готовясь к ночи, она говорила:

— Мальчик мой будет лучшим мальчиком в Урийске.

— Что значит лучший? — спрашивал предполагаемый отец.

— Ну, он не станет лгать. Вы, мужчины, лжете на каждом шагу. Вы уподобились женщинам. Нужды нет, а лжете. И он будет любить свой дом. Вы любите забегаловки или чужие дома. А мальчик мой...

Предполагаемый отец раздевался донага с некоторым сомнением, в расчеты его не входил мальчик, да еще мальчик невиданных добродетелей. Он

шел на зов этой женщины, не желая отягощать себя мыслями об отцовстве. Он просил и ее не загадывать вперед, а жить часом, ночью и еще одной ночью, если им не надоест быть вместе сорок часов кряду; и хватит ли сил на большое, неукротимое ее тело. Качала головой и она, сбрасывая одежды: ох, не то думалось, не то мечталось, когда она вызревала и наконец поняла, что быть матерью и ей.

— Ты чего, Верк? — предполагаемый отец потягом звал ее к себе, она с охолонутым сердцем переступала черту; дальше, за чертой, поезд шел стремительно или с долгими остановками — в зависимости от мощности локомотива. Мелькали полустанки и огни городов; они выскакивали на перроны, покупали соленые грибы и омуля, позже сельдь и обыкновенных бычков, свежую зелень, вдыхали по глотку воздуха, целительного после душного купе утлой ее комнаты, снова шли в объятия друг другу.

Она вслушивалась в музыку этих ночей. Когда музыка была осенней, с размеренным ненастьем, ей думалось: сейчас творится будущий ее сын. А если музыка была бравурной, напоминающей воинский оркестр, значит, опять не повезло и мужчину надо сменить, заплатив ему дополнительной ночью или одним часом дополнительной ночи, ниче, она и так одарила его через край, век бы не знать этих одариваний и этих ночей.

И вновь подступало к гортани благодетельное одиночество, она возвращалась к любимому, к иконописному лику его на стене. Они сфотографировались в последний день в маленькой мастерской на Сталинской. Он сел в кресло, она встала рядом, он поднял взор, фотограф щелкнул, запечатлев навеки юношу восемнадцати лет с печатью отвержения на челе и ее, пречистую деву Веру.

Зная час отправления, они просили родителей не трогать их, не прикасаться, не звать пить и есть. Забыть о них. Он оставил завод, а она — школу, где доучивалась в десятом, девичьем, классе; они пошли по городу, к Умаре. Умара разлилась, приглушив хор лягушек в лугах. И громко плакала перепелка в залитом половодьем орешнике под обрывом. Беспросветность нарастала, они снова шли по улицам, прохожие всматривались в лица его и ее. В Есауловом саду он хотел угостить ее морсом, она взяла стакан и захлебнулась. Он отбросил стакан, прижал ее, она затихла. Они еще не расстались, но кто-то развел их руки и отдалял, развенчивал их союз. Он припас в дровянике охапку сена, оно пахло медуницей. Она открыла всю себя ему, но он был так слаб и неумел, что сокровенная тайна ее осталась тайной. Проводив его, она побежала за эшелоном и отстала, она вошла в дровяник, заперлась, упала на топчан, замычала, ерзая по примятому сену, доставая, вынюхивая сквозь настой медуницы его девственный, отроческий запах. Каждое лето, много лет подряд — даже родив мальчика — она приходила к дровянику, отпирала амбарный замок, навешивала крючок изнутри, ложилась ничком на доски и вдыхала давно канувший запах их непорочной любви.

Его увезли на восток. Она молилась, молитве ее обучила бабуля, чтобы японец не прянул. Японец не прянул, но прянули мы. Накануне в Айканове сняли с платформ казачью дивизию, дивизия прошла на рысях, урийских девок не успели напугать кавалеристы, и все время двигались составы, крытые брезентом, туда, к Амуру и за Амур, а Вера прогоняла слухи о войне. Августовское сообщение по радио застало ее врасплох, она кинулась к бабуле, уткнулась в иссохшую грудь, запричитала.

— Что ты, Верочка?! То баловство, а не война. Уцелеет твой Вадик,— но Вера давилась плачем, растелепой ушла домой. Дома она помыла лицо холодной водой, заплела косу, встала вполоборота к окну и заговорила с таинственными силами:

— Я расскажу все без утайки,— сказала она,— если где я совру, пусть сгорит этот сарай, и я сгорю в нем. Мы познакомились с Вадиком детьми. Нас привели в девятую школу после четвертого класса, позвали в просторную комнату. Я увидела мальчика в застиранной косоворотке, с неулыбчивым взглядом, искорка металась и опадала в его глазах. Я высвободилась из руки мамы, подошла к нему и спросила, как его зовут. Он младенчески назвал себя: Вадик. Мы сели за высокую парту, ноги наши потеряли опору, за этими партами в первую смену сидели восьмиклассники. На уроке, твердо знаю, на первом или на втором, я поняла, что он смотрит на меня. Я посмотрела ему в глаза, он не отвел взора. Никто никогда, ни тогда, ни позже, так глубоко не смотрел на меня. Я не смогла слушать учительницу, я думала о нем и о нас. Он будет садовником и будет жить в саду, на окраине города, в Ставровском предместье. Однажды я приду к его дому, до утра промерзну у калитки, ночью к одинокому мужчине войти неприлично, а утром постучусь, взлает овчарка, он выйдет и спросит: «Что вам угодно?» «Мне угодно видеть тебя». «Ах, это ты. Входи, Верочка. Карай, место!» Я войду, скину легкое пальто, мне шила его на вырост бабуля, и скажу: «Я хочу быть твоей вдовой».

Вот что натворила я тогда, двенадцатилетняя девочка, ведь именно это я и сказала про себя: «Я хочу быть твоей вдовой». Он не капельки не удивился, он провел меня к печи. Я прижалась лопатками к ней. Он открыл дверцу, пахнуло жаром. Учительница что-то рисовала мелом на доске, пел дрозд на ветке за окном. И Вадик ответил мне: «Хорошо, ты будешь моей вдовой»,— что за напасть, скажите, он след в след пошел за мной, за моим словом.

Не сразу я поняла, что таилось в скорбных глазах мальчика, с которым я делила одну парту. Мы стали гостевать, он приходил к нам домой, а я — домой к ним. Однажды он спросил, кто это на портрете в моей спаленке. Отец? Да, отвечала я, то мой канувший папа. Уже три, четыре, нет, пять лет мы не получаем от него писем, а наши письма тонут в проруби, так мама считает: «Наши письма тонут в проруби». Вадик молча и нервно ушел от нас. Пришел мой черед спросить: а где его отец? На фронте, отвечал он. На каком фронте, наивно спросила я, война с германцем надвинулась, но не разразилась. На том же, что и твой отец, зло отвечал он. И судьба повязала нас. Вадик рассказал мне, как вслед за отцом брали Костю. Костя работал в паре с отцом на паровозе. И ночью отца увезли прямо с рейса, под Тимановской, начальник станции сказал Косте: «До Урийска двести километров, доведешь без машиниста состав. Напарника-парнишку мы тебе дадим». Через день в локомотивном депо Костя угорело выпалил, что он не верит, «и никто не должен верить, что отец мой — враг». Собрание угрюмо молчало, каждый боялся за себя, за близких, поэтому все молчали. И Костя исчез тоже. Мать не выдержала второго удара, речь ее повело, мы угадывали по отдельным словам, что именно она пытается сказать. Лицо Вадика в те дни обуглилось. Я помогала ему полоть огород, варила обед. Мать немо благодарила меня, гладила по плечу, преданно, как прирученная галка, смотрела в глаза.

Но началась война, по Урийску прокатился голод. Вадик пошел в паре с Венькой Хованским, переростком, на распиловку дров, но их редко нанимали богатые. Когда Веньку призвали в армию, Вадик вдруг отдалился от меня, стеснялся есть у нас, он сжался и съежился и почему-то все реже появлялся на Комсомольской. Я металась подранком.

Однажды на летней толкучке мама пыталась продать отцов костюм и в толпе увидела Вадика, ей показалось, он что-то выменивал. Надеюсь, мамочка, ты не кинулась ему на помощь. Да что ты, Вера, я же понимаю: раз мальчик пошел в торговые ряды, значит, дело худо, я и притаилась, чтобы он не увидел меня.

В воскресенье я пошла сама к толкучке, шныряла по рядам.

Наш базар, господи, благословенное место: там нет знатных со Сталинской улицы, а все народ простой, с Мухинской, с Шатковской, с Переселенческой, из предместья Ставровского. Таким он остался до дня нынешнего, вперемешку стоят здесь скорняки и китайцы-огородники, краснодеревщики и швеи. Слава Маленького портного взошла на этой толкучке. Мы, дети, любили пестрядину Урийского базара, его удивительные запахи — деревенского соевого масла и наскоро выделанных шкур, но любили все-таки издали: дети рабочих, мы немножко презирали торгашеский дух.

Я спряталась за телегой с дегтярным духом. Скоро я увидела Вадика с кирзовой сумкой в руке. Он прошел в межрядье, где торговали озерной и речной рыбой, рыбы сегодня не было, и мясо, мясо стоило втридорога, все приценивались, но редко кто брал кусок стегна. Вадик сказал какие-то слова волоокой женщине, она свысока посмотрела на Вадика и огляделась. Вадик терпеливо ждал. Женщина произнесла условное. Вадик полез в сумку, вынул газетный сверток, протянул женщине, та взвесила сверток на ладони и выдала Вадику крохотный кус говядины Вадик схватил его и ушел, опустив голову. Через день он все-таки забрел к нам, я молчала, обиженная его скрытностью. Ничтожная тайна торговой сделки заставила меня в воскресенье снова пойти к дегтярной телеге, телеги не было, тогда я скараулила Вадика задолго до мясного толчка, кралась следом и встала за спиной, когда он чуть наклонился и сказал:

— Уговор дороже денег, тетя?

Женщина молчала, поджав губы.

— Ну, тетя, что же вы, а?

— Пошел вон,— сказала она сквозь зубы.

Вадик побледнел и едва не побежал, но узнал меня и сразу все понял.

— Эх ты,— вздохнул он. Я походя, как мать, погладила его по плечу.

Мы вышли из рядов.

— Погоди,— сказал он, ушел и вскоре вернулся, а вернувшись, пристально стрельнул мне в глаза.

— Мы так не договаривались,— сказала я.— Я все пойму. А молчать я умею не хуже тебя.

— Да, умеешь. Но когда ничего не знаешь, молчать легче.

Это взорвало меня:

— Ты уматный! Ты сопливый ротан!..— Урийские оскорбления выскакивали из меня и отскакивали от него. Он был спокоен, как муж, на которого привычно кричит жена. Я подумала: мы муж и жена, он делает мужское дело, а я встреваю в это дело. Но роль надо довести до конца, и я сказала:

— Не приходи домой.

— Чего-то? — протянул он.

— Я выгоню тебя,— прошипела я.

— Ну, я и не приду.— Он боком повернулся и боком пошел от меня.

А я — я шла следом. Я шла и думала: ну вот, я стала его женой, а мне еще учиться в седьмом классе и дальше, но я не могу его оставить, я не сдюжу, если он сейчас исчезнет насовсем. А потом, что и кто я без него? Соломенная вдова...

Но став в тот день мужем и женой, мы чувствовали одинаково, он должен был оглянуться, чтобы сказать мне, идущей следом: ладно, черт с тобой, я не злюсь на тебя,— и он оглянулся. Я встрепенулась и бросилась к нему. Он опустил руку в кирзовую сумку, достал тонкий ломоть сала. Этого нам с мамой, сказал он, хватит на неделю. А там я снова пойду на промысел.

— Ты возьмешь меня,— сказала я.

— Ночью тебя не отпустит мать.

— А тебя отпускают?

— Летом, ты знаешь, я сплю на чердаке. Мама ничего не знает.

— Я тоже буду спать на чердаке,— сказала я, но вспомнила черноту нашего чердака, шорох летучих мышей, запах пыли.— Или в летней кухне, да, лучше в летней кухне.

— В летней кухне тебя не застанет мать. Что тогда?

— Один раз сойдет,— постаралась солидно сказать я.

— Ты должна быть в черной рубахе и штанах. Рубаху и штаны я добуду. Но уговор...

— Дороже чего? — ехидно спросила я.

— На твоем лице тайна,— сказал он.— Ты провалишь меня, Вера.

— Вадик,— взмолилась я,— ты пойми, я женщина. Ты наставляй меня.

Через день я упросила маму, взяла Барсука, ленивую дворнягу, мы устроились в летней кухне, слушали стрекот кузнечиков. Прилетела ворона и оглашенно каркнула. Я караулила маму: придет проведать меня или не придет. Как-никак мне шел четырнадцатый год, я становилась объектом, так сказала мама бабуле: «Верочка становится объектом». Бабуля рассмеялась: «Пора. Раньше девка в четырнадцать лет снопы вязала. Но у нашей Верочки есть суженый». «Ох,— сказала мама,— суженый дышит на ладан». «Выправится. Мальчишки — как утята гадкие, зато потом лебеди».

Мама не пришла. Утром, по холодку, я пролила теплицу и сварила картошки. Мама похвалила меня. Днем явился Вадик, церемонно поклонился маме, а потом при маме же сказал, что с Кешей Федоровым, новым приятелем, уйдет на сутки рыбалить, если повезет, они снимут с переметов пяток щук. Мама сказала: «Угости нас, Вадик, ухой». «Да, я принесу вам щуку. Если повезет».

Он усыпил бдительность мамы. В полночь он присвистнул, я вышла огородом к улице Подгорной. Мы быстро пошли к вокзалу и за вокзал, миновали полотно железной дороги, спустились с насыпи к болоту. Поплутав в тальнике, мы вброд вышли к островку. Вадик сказал: «Переоденься и платье оставь здесь». Я надела его штаны, впервые в жизни опробовав мужскую одежду, штаны оказались тесными в бедрах. Зато в рубахе я утонула. «Костина рубаха»,— сказал Вадик. Я осталась одна. Вдруг поезд с грохотом прошел над головой, и снова повисла тишина. Но послышался всплеск, я увидела предмет на воде и человека, толкающего предмет шестом. Я перепугалась и чуть не побежала, пока не поняла: да это же Вадик. Он подогнал плот к берегу, протянул руку, я встала на крепкие шпалы, Вадик оттолкнулся, мы пошли в зарослях куги кругами, плот держал нас слабо, но мы были босы, вода, заливавшая ступни, казалась теплой. Простонал кулик. Вдруг мы уперлись в высокий сплошной заплот. И я поняла, куда мы шли,— к товарным складам. Вадик разделся, сполз в воду, нащупал нижний, затопленный край заплота и мгновенно потонул, следом я услышала с той стороны заплота: «Не боись». Я восхитилась: как просто! И никто этого не знает во всем Урийске. Мне показалось, Вадика я жду вечность. Но всхлипнула вода, я услышала: «Держи»,— опустила руку в воду и нащупала сетку, взяла ее, следом вынырнул Вадик. Он вскарабкался на плот, мы поплыли назад. Вадика начал бить озноб, но на берегу он

оделся. Я ощупала вязанку-авоську, в ней, как рыба в сети, трепыхались три печатки хозяйственного мыла. И это все, горько подумала я. Бессонная ночь, болото, в котором можно утонуть, грохочущие поезда, переодевание — и три печатки скользкого хозяйственного мыла.

На Подгорной у огородного прясла Вадик сказал: «Там больше ничего нет. Но если б и было, все равно б я взял это. Мыло в воде не испортится за две минуты. А в продаже его нет. Одно плохо, я совсем не умею торговаться».

Мы дожили до воскресенья, сошлись днем возле толкучки. Я достала зеркальце и подвела брови, взяла кирзовую сумку и пошла в торговые ряды.

Протиснувшись сквозь толпу к рыбным рядам, я подошла смело к седому дядьке, приценилась. Он осмотрел меня и назвал цену. Я сказала: «За эти десять окуней я заплачу мылом». «Чем, дочка, заплатишь?» «Три печатки хозяйственного мыла». Он подумал и вздохнул: «Ты, дочка, бьешь меня поддых». Я пошла от него, он крикнул: «Постой!» Я достала сверток в газете, он понюхал его. «Бери»,— протянул он царственным жестом. Я побросала рыбу в сумку. Вадик сдержанно похвалил мой улов, три окуня отдал мне, хотя настаивал поделить поровну, я взяла три. Я смыла брови у криницы.

На промысле лето мелькнуло неделей. Вадик больше не звал меня в ночь, я знала, сегодня он снова пойдет на плоту к товарным складам, переживала за него, но не отговаривала. А в воскресенье мы шли на базар. Я подводила черным глаза, выменивала на мыло соль и соевое масло, рыбу или кости, если не было мяса.

В июле зарядили дожди. Вадик был доволен дождями, в дождь путь к складам безопаснее, но скоро он понял, что огород на Шатковской вымокнет. Тогда он стал выкрадывать по пять, по шесть печаток мыла. Поднявшись на чердак по хлипкой лестнице, он показал тайник под слоем шлака, там хранилось мыло: «К зиме, зима будет остудная».

Дожди заливали Урийск, вода на болоте вспучилась. Вадику стало трудно подныривать под заплот, а там, у стены склада, нырять второй раз, под стену. Огород вымок. Мы прорыли глубокие борозды, пытались спустить воду в канаву, не помогло. Ничего, сказала я, на Комсомольской картошка уродит, у нас посуше, мы поделимся с вами.

В конце лета мы не выдержали и шиканули. Я поменяла мыло на деньги, то есть продала его. Вадик купил розовое мороженое, угостил меня сидром в Есауловом саду. Мы сходили в клуб обороны, купили билеты на «Морского ястреба». Этот фильм про английских моряков и девушку на берегу, она остается и не знает, вернутся ли они из боя с немцами. Я наревелась в кино.

В седьмом классе нас никто не дразнил женихом и невестой, все привыкли, что мы неразлучны. Я думать не думала, что в сентябре Вадик повторит летний поход. Когда он не пришел в школу, я понеслась после уроков к ним домой. Вадик метался в постели. Мать бесшумно двигалась по комнате, она натирала тело Вадика уксусом, кутала в мокрые простыни, отпаивала клюквенным соком. Жар не спадал. Я побежала за врачихой. Врачиха выругала нас: «Почему не позвали сразу? Крупозное воспаление легких». Но Вадик устоял, только высветился как свеча и усох.

Снова, но уже раз в месяц, я выносила на базар мыло, почти не остерегаясь знакомых — увидят, донесут маме. Да и мама, кажется, что-то поняла, но молчала.

На лето, которое пришло в свой черед, Вадик устроился в Ставровском саду, мы объедались малиной, вялили и сушили груши, наши комнаты пропахли грушевым запахом. Можно заготовить варенье — не было сахара. Вадик повздыхал и дважды повторил прошлогодний подвиг, наши мамы наварили варенье, спустили в подвалы. Каникулы казались безоблачными, в школу идти не хотелось. Долгое бабье лето выстояло с крепким запахом дыма — горели окрестные леса. Внезапно упавшие обильные снега смяли пожары, а зима была мягкой, будто из лесов наносило теплом пожарищ.

Изредка приходили Костины письма. Вырвавшись из лагеря на фронт, он угодил в госпиталь, мыкался по обозам — рана не заживала — и в запасном полку, но воевал снова. Взяли в армию Кешу Федорова. Странно, Вадик всегда дружил со старшими ребятами, командовал ими, но про походы к товарным складам он не рассказал Кеше, боялся, будет Кеша презирать его за воровство. Перед армией Кеша слесарил на «Автозапчасти», ходил страшно уверенный в себе. Стали приходить треугольники и от Кеши, он служил в танковых, горел дважды, получил медаль и орден, потом пропал без вести и отыскался, когда Вадик сам ушел в армию.

После восьмого класса Вадик пристроился на Кешино место слесарить. Работа выматывала, однако походка Вадика остепенилась, выправилась. Бабуля как-то увидела его после завода и сказала маме: «Ну, что я говорила, лебединая стать у Вадика-то. Гадкий утенок преобразился».

Вадик все еще боялся притронуться ко мне, застенчиво смотрел, как, подобрав подол, я мою полы в их доме, порывался помогать, я прогоняла его на кухню. Я прикасалась к щеке неулыбчивой его мамы и уходила, мать немо приказывала: «Вадик, доведи Веру до дому, а то ей страшно, да и ты переживать будешь». Мы выходили под звезды, россыпь их казалась тыквенными семечками на темной сарже, поднимались вверх по Переселенческой. У почтамта мы слушали из тарелки репродуктора поздние известия: «наши войска вели бои за Смоленск», «наши войска одолели Дон», «наши войска вернули Харьков»...

На улице Комсомольской мы прощались. Журчала серебряно цепь, опускаемая в криницу,— украинская «криница» прижилась в Урийске окончательно, когда к нам хлынул поток беженцев. Мы пили ледяную воду из бадьи, ломило зубы.

В сентябре сорок четвертого Вадик не сразу сказал, что принесли повестку в военкомат, таился он и от матери. За двое суток до отправления он вызвал меня с уроков,— пропустив год, я с грехом пополам училась в десятом. Никогда он не звал меня из школы и о школе не вспоминал, теперь я понимаю, почему: школа для него была потерянным раем. Я выскочила на улицу. Он сказал: «Вернись, забери портфель». Я вошла в класс, урок начался, я взяла сумку. «Кузнецова, ты куда?» — спросила химичка, зануду химичку мы не любили. «Домой». «Ты отпросилась у Анастасии Степановны?» «Да». «Возмутительно. У Анастасии Степановны она отпросилась. А я, что же, манекен?» — Я покинула класс.

Вадик стоял под козырьком парадного подъезда. Школа наша красивая, белокаменная, с гранитными ступенями. Он стоял на гранитных ступенях, сентябрьский дождь косо доставал его русую голову, он поднял лицо, ловил ртом капли. Он набрал полный рот дождевой воды, притянул меня и из губ в губы напоил дождем. И я поняла: повестка.

Вадик, сказала я, я никогда не забуду тебя и наш сад не забуду... Какой сад, спросил он, слушая меня и дождик, слепо обивавший желтые листья молодого тополя за козырьком... Тот, в котором ты работал и жил, у тебя была большая добрая овчарка Карай. Однажды я пришла к тебе ночью... А, сказал он, сад в Ставровском предместье, я хотел бы не сторожем, а садовником в нем быть... Я не забуду пароход, которым мы уплыли из Находки и в море утопили часы, чтобы потерять время, сказала я... Пароход был трехпалубным и назывался «Можайский», ответил он, на корме тренькала гитара, кто-то пел «Гори, моя звезда»...

Боже, он прозревал несбывшееся, которое сбудется не у нас.

И не забудь товарные склады, нашу толкучку и кислый запах хозяйственного мыла, попросил он.

Запершись в дровянике, я увидела истонченное трудом и полуголодом его тело, мне стало стыдно, я была неприлично полнотелой и крупной, я припала к нему и сказала: «Вадик, я буду твоей вдовой, я никогда не выйду замуж... А когда ты вернешься, родится мальчик, мальчик наш будет апостолом...» Вадик лежал на сене, запрокинув голову. Мальчик наш будет апостолом, сказал он, какая беспросветность и какая надежда...

Ты молчишь? Но ответь мне: почему сад в Ставровском предместье ты отдал другим, а не нам с Вадиком? Разве они достойнее нас?.. Почему не нам позволено войти туманным утром из залива Америка? Они достойнее нас?.. Почему не нас ты одарил островом Дятлинкой? Они достойнее нас?.. Но если они и достойнее нас, пообещай мне малость — пусть израненный или отравленный японскими газами Вадик доплывет, доползет, добредет до Урийска, я сама раздену его и силой возьму его семя, чтобы начать род сначала.

Облегчив сердце кощунственной речью, она посулила в конце смирение. И скоро полетели солдатские треугольники и открытки с легкими пагодами, с луноликими женщинами в кимоно.

Вера хранила письма и открытки за Вадиковым портретом, в нише, и ходила, как Ли Цинчжао, шепча заклинания, не поднимая слабых рук к прическе.

Когда на линкоре «Миссури» был подписан мир, Вадим поверил, что Искренний, сын ее, будет и его сыном. Диковинно, он вызнал, что Урийск наречет их сына Искренним.

Но когда он поверил в возвращение домой, давняя усталость ослабила его волю к жизни, он замолчал, тоскуя, перебирая, как четки, онемевшие воспоминания. Внезапно он почувствовал себя старцем, никому не нужным в этом мире. Жизнь исполнена и должна продолжаться другими, чужими и толстокожими, не надо им мешать, не надо унижаться, просить участия или милости — пусть все, чему положено сбыться, сбудется у других.

Зимой — а зима в Порт-Артуре стояла понурая — Вадим стал писать, притулившись где попало: в казарме, на посту у блокгауза, на пристани. Он захлебывался словами, боясь недосказать заветное. Он возвращал обручальное кольцо. Цензура лениво смотрела письма победителей, тайны обесценились.

Вера читала странные — после полунемотных открыток и треугольников — на добротной лощеной бумаге — правдивые слова о том, что война есть величайшее из зол и материнских слез никто не оплатит. И новые апостолы не спасут этот мир, привыкший к произволу и насилию, к ненависти и лжи. Свят, свят, муж мой, пиши мне смиреннее, тебе нельзя надсаживать сердце.

Вдруг он написал о Порт-Артуре: могилы наших матросов и офицеров на русском кладбище, той войны, распустились под дождями, кресты похилились и упали,— письма медленно шли через перевалочные базы и границы.

Получив очередное письмо, она шла к бабуле. Бабуля, надев очки, читала пришепетывая. Он у тебя старовер, говорила бабуля, и другим не будет. Вдвоем они сумерничали, приглашая на чай и его, а его уже не было.

Остывала чашка с затураном; посматривая на чашку, налитую для него, они ворковали вполголоса, а его не было.

Он погиб в катастрофе, собственноручно приготовив гибель,— ремонтировал мосты «студебеккеров» и самурайских короткорылых грузовиков, подтягивал тормоза и сцепление, потом проверял машины, поднимался по бетонной дороге к Электрическому утесу, сходил на скорости вниз, к заливам. Тринадцатого февраля сорок шестого года в семь вечера на повороте, припорошенном сырым снегом, его занесло влево, развернуло, он мог выпрыгнуть, но не сделал этого, выкручивал руль и с утеса упал в нижние уступы прибрежных камней. Он сопротивлялся смерти, впадал в беспамятство, но опомнился. За час до ухода он позвал Ковалихина, Ковалихин был урийский, и западающим языком продиктовал строчки для Веры. Морща крестьянский большой нос, Ковалихин записал без знаков препинания сплошной строкой: «В простуженном горле колодца журчанье цепи к живой бы воды окоему припасть и напиться смотрю я прощально в славянские очи твои у полуразбитой урийской криницы»...

Спустя два года Ковалихин вернулся в город, топтался под окнами ее дома, не решаясь войти, но вошел и отдал листок с полустертыми словами. Она сказала ему, жалея его: «Оставайся у меня на ночь, Ковалихин». Он остался, но увидел, что она у колодца, простился и ушел и больше никогда не приходил.

Одолев первый приступ горя, она заторопилась замуж — до Ковалихина,— норовя забеременеть, чтобы мальчик мог бы считаться и его, Вадима, мальчиком. Она шла на ухищрения, заманивая в сети инвалидов войны и вдовцов, молодых она не трогала, с молодыми она могла изменить Вадиму. Забеременеть не удавалось — в изголовье ее все время стоял он, единственный.

Возвратились, отслужив, Венька Хованский и Кеша Федоров. Тоскуя, она украдкой стучалась к ним, но в жены не набивалась, даже противилась в жены. «Что ты, что ты,— натужно говорила она.— Вот кабы родить ребятеночка. Да лучше не родить. Он подрастет, и тут они затеют новую войну».

Последним пришел Костя. В полуобороте его лица был Вадим, в выдохе и вдохе, Вадим — в походке, похожей на движения большого щенка. Она ездила с Костей во Владивосток, к морю, чтобы увидеть над заливом город. В поезде и по приезде все шло нормально, но, прознав о морском кладбище с могилами нижних чинов крейсера «Варяг», она уговорила Костю пойти на морское кладбище, отказать он ей не мог. Там она кинулась искать среди надгробий камень с Вадимовым именем, Костя силой увел ее с погоста.

Лет пять, похоронив бабулю, она жила в тишине, служила машинисткой. К ней сватались мичманы-сверхсрочники и офицеры, она поверила пожилому капитан-лейтенанту, скромно и целомудренно начала семейную жизнь; она спрятала портрет Вадима в бабулин сундук и оставила у матери, иногда, бывая наездами дома, смотрела в Вадимовы глаза. Но внезапно обнаружила: капитан — ее — лейтенант засматривается на юных послевоенных девиц, она немедленно дала ему отставку.

Потянулись годы, чистые и светлые, и она окончательно вырешила родить мальчонку. Может быть, войны не будет и мальчик доживет до старости, женится, она будет нянчить внуков. Но ей не везло: мужик шел разнузданный или увертливый и суетливый, не уриец, одним словом. А она поставила целью от урийца понести урийца.

На излете бабьего века неверное счастье улыбнулось ей.

ПАЛИТРА

ТЕМА СОЧИНЕНИЯ — «МОЯ МОСКВА»

КАЛИНИН ПЛЕТЕТ СВОИ ФАНТАЗИИ ИЗ ЖИВЫХ БЫТОВЫХ ДЕТАЛЕЙ, В ЧАС ТВОРЕНИЯ ПАМЯТЬ ВЫБРАСЫВАЕТ НА ЕГО ХОЛСТ ТРУБЫ МОГЭСа ИЛИ УЛЫБКУ ПРИЯТЕЛЯ, ЧЕРЕП БАРАНА ИЛИ ДЕВЯТКУ ПИК, ВОЗЛЮБЛЕННУЮ ИЛИ ЛАЗАРЯ, КОТОРЫЙ ВОСКРЕС НА КАДАШЕВСКИХ ЗАДВОРКАХ.

Михаил РОЩИН

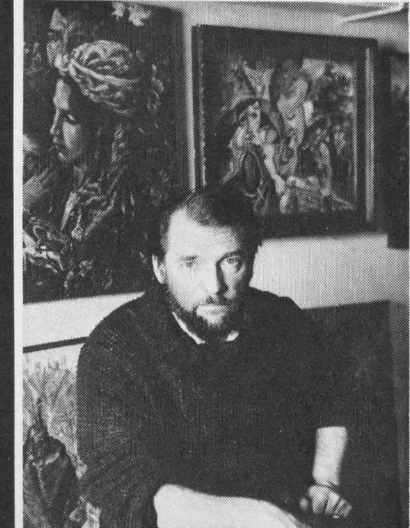
Художник всегда выдумывает, «сочиняет». Живое дерево замечательно и бесконечно интересно само по себе. Все в мире интересно. А люди? Сидеть на лавочке и смотреть на проходящих людей — самое увлекательное занятие на свете. Все смеются над старушками, сидящими у подъезда, а они заняты чистым созерцанием. Но... живой образ отражается в созерцателе по-своему — про женщину-соседку одна скажет: «Королева», другая скажет: «Гадина». Дерево нельзя скопировать. Его можно только воссоздать, придумать заново. Пейзаж, лицо, ваза с цветами или яблоками, стройплощадка или поле битвы бывают в единственном числе. Сто художников напишут, «сочинят» их по-своему.

Уныние и однообразие многих наших прежних выставок были результатом нарушения главного принципа творчества: самовыражения художника, его «я», его фантазии. Всего важнее было то, что́ написано, что́ изображено. Индивидуальность же дозировалась гомеопатически. А если дозы самовыражения превышались, таких художников как бы и не считали художниками, они были «враги» нашего официального искусства.

Но как их ни назови, они были.

Мальчишка Слава Калинин учился в школе за Третьяковкой, в послевоенном Замоскворечье, бегал по Кадашевским и припятницким переулкам, где дворы лепятся к дворам, возле

ЧАЕПИТИЕ. 1978.

В. В. КАЛИНИН. Род. 1939.

Фото Льва МЕЛИХОВА

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ. 1978.

пивнушки расцветает по весне вишня, в старой церкви — гараж или склад, где коммуналки слиплись, будто конфеты «подушечки» в кульке, где ханыги пьют в подворотне на троих, а на стройке метро день и ночь ухает «баба», долбит мерзлую землю. Ну и так далее.

А если удрать с уроков и забежать в Третьяковку, там будет тихо, тепло, чисто и прекрасно. Рамы картин не зря называются рамы: в них вставлены чудесные стекла, через эти стекла можно увидеть зимой березовый солнечный лес или безумные глаза царя, триста лет назад убившего сдуру взрослого сына-наследника. Или Христа, сидящего среди пустыни.

Как разыгрывается фантазия! Как хочется самому то вот так рисовать, то вот так, таким быть, как Левитан или таким, как Суриков! И надо долго жить, учиться, бродить по свету, исписать тысячу листов и пуды краски, чтобы понять, что можно быть не тем-то или тем-то, а только самим собой. Пусть чудным или странным или для кого-то смешным, а для кого-то гадким, а для кого-то замечательным, как для сидящих на лавочке старух, но только собою. Тогда интересно, тогда освобождается душа, отягощенная наблюдением и жизнью в мире, тогда фантазия вьется вольно, как дым, несомый ветром.

Мне не хочется, да и не мое это дело кого-то кому-то противопоставлять, сводить теперь счеты, я просто рассказываю о Вячеславе Калинине, которого давно знаю, который давно интересен был мне своими «странными» по нашему однолинейному воспитанию вещами — то рисунком, то композицией, соединяющей, казалось бы, несоединимое.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ. 1975.

Я сам вырос в «такой» Москве, которую знает, любит, осязает, то зверея от нее, то растекаясь от нежности к ней, художник Калинин. «Московская» Москва, уже почти исчезающая, а то и исчезнувшая, как Арбат Окуджавы или Каретный Высоцкого, Москва послевоенных типов и быта, с ее перенаселенностью, «клоповниками», вечной пьянкой, тяжелой работой и малой зарплатой, но всегда причудливая, открытая, набитая детьми, подрастающими к каждой новой весне девчонками «с нашего двора», всегда подающая нищему из своих последних медяков, Москва «трудящая» и гуляющая — такой стала она переливаться и сплетаться у Славы Калинина.

Мне всегда тревожно и нервно от его картин: что-то сломлено, искажено, вывернуто и потеряно в жизни «его» Замоскворечья, чего-то не дождались, в чем-то были обмануты,— а сколько утрат! — не по той дорожке пошли, как дети, от которых ждали одного и умилялись, а они выросли и стали пьяницами или матерями-одиночками. Но для художника они не перестают быть людьми и объектом любви. Больную руку любишь и бережешь и носишься с нею больше, чем со здоровой. Больное саднит и ноет. Куда это деть? Разве этого не было, нет или не будет?

Да, Калинин причудлив, непоследователен, нервен, чувствен, сексуален, алогичен, ни на кого не похож (хотя и есть у него свои предтечи, учителя или собратья) — но ведь все это и прекрасно! Все это и называется — художник, сочинитель, созидатель, фантазер, творец. Разве не так?

КОМУ РЕЗАТЬ ПЕТУХА. 1978.

Она высмотрела его на стройке, куда ушла — после всего — малярить, выслеживала терпеливо, принародно сказала заветное слово; он посмотрел на нее неиспорченным взглядом, хотел рассвирепеть, но она не позволила ему сфальшивить, чутье подсказало, что она заарканила его, значит, свирепое прикрытие ни к чему. «Ты коренной уриец,— сказала она ему.— Я тоже выросла на корню». И Коновалов, так звали его, испекся. «А Коновалов-то испекся,— решили бабы,— эх, горюн-Верка, горюн-Верка».

Она сняла избу под Урийском, тщательно начистила песком некрашеные полы, ситцевые занавески крахмалом облила, солнечный свет прошивал ситец и гулял по избе, пока она, уняв сердце, ждала его к урочному часу. Приедет или побоится? Он приехал, трезвый и шумный, с полным вещмешком: «Я на своем довольствии привык стоять и женщину способен прокормить». Он привез вино. Вино она разбила бутыль о бутыль и расхохоталась.

— Да эт как же, а?! — багрово вскричал он.— В блиндаже без вина? Мне сто наркомовских подай к столу! Помню, на Курской дуге...

— На моей дуге,— отвечала она,— ты будешь пьян и без вина.

И день, и ночь потерялись.

Он топил печь, курил, дым вгоняя в загнетку, звал к окну, они смотрели на сосны во дворе. Заброшенный хутор умирал спокойной смертью. Случайные гости хутора, обровавшие пуповину с землей, они вдыхали родимые запахи талого снега и навоза, слушали говор стариков, душа упоконенно восходила к сущему.

Так бы и тянулись праздничные часы вслед за солнцем, сутки, еще сутки, еще.

Но в назначенное утро он, распотрошив рюкзак, вынул печатку хозяйственного мыла и намеревался вволю похлюпаться в бане, истопленной с ночи соседом. Она потянулась с белых простыней к серому кубу военного мыла и, сцепив зубы, задавила стон в подушке. Он рванулся к ней, она ослепленно целовала его, он отозвался небывалой лаской, но что-то торкало в заскорузлое его сердце — то ли мокрое от слез ее лицо, то ли память о ком-то, кто стучал и не смог достучаться в эту избу.

Она забылась сном, но скоро услышала тихую музыку и проснулась. Он, будто по зову, проснулся тоже. В окно ломился день.

Печь выстыла. Он разжег в печи огонь, ушел к порогу, сидел на приступке, примериваясь к тому, что скопилось в сердце и требовало исхода. Потом встал, приоткрыл дверь, набрал в легкие морозного воздуха и как на духу предложил ей союз до гроба.

— Э, не заманишь,— кротко посмеялась она, взбив седую прядь.— И у тебя дети. Я не хочу их обездолить.

Он вскипел, обложил ее грубыми словами, оделся, обрывая на полушубке петли, уехал. И уехала в город она.

Она заходила будто по делу в профбюро к нему; он оставлял людей и наряды, жестоко смотрел в глаза, проводил открыто до Комсомольской, познакомил с детьми, такими же лобастыми, а дома молчал, сжимая виски, обдумывая, как жить дальше.

Через месяц, запыхавшись, она пришла к нему простоволосой, в дороге сронила полушалок, вызвала из профбюро на улицу и сказала:

— Теперь прощай. Мальчик, родится мальчик, не трогай и не помогай ни мне, ни ему. Не нуждаюсь в тебе, кончилась моя нужда.

Он запалил и смял папиросу.

— А мальчик мой будет лучшим мальчиком в Урийске.— сказала она.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

1895—1977

Учился в Царском Селе, в гимназии, где директорствовал Иннокентий Анненский. Тесно общался с Максимом Горьким, дружил с Александром Блоком, который привлек его к работе в издательстве «Всемирная литература». Участник гражданской войны. В Великую Отечественную войну был корреспондентом фронтовых газет. Первая книга стихов «Гимназические годы» вышла в 1914 году, автор либретто опер «Декабристы», «Помпадуры», «Заря над Двиной». Оставил книгу воспоминаний.

БАЛЛАДА БУДНЕЙ

*Шестой этаж. Окно под крышей.
Сквозь кисею молочный свет.
Там, где горошек в узкой нише
Ползет по жердочкам все выше,
Снимает комнату поэт.*

*Внизу — булавочные люди,
Коты, булыжники двора.
Бренчанье вилок по посуде.
Возня ребят в песочной груде,
Шарманка с самого утра.*

*Все так обычно, так знакомо:
Заката розовый миткаль
Глядит с обрушенного дома
В окно, где дочка управдома
Терзает старенький рояль.*

*Стучит сапожник по колодке,
Стругает плотник, пьет актер.
Девица щурит взгляд короткий,—
И вот старик в косоворотке
Проходит медленно во двор.*

*Склоняя профиль безобразный
К костлявой скрипке у плеча,
Он вдруг взмахнул рукою грязной,
И «Травиата» неотвязно
Заныла, зла и горяча.*

*Свежеет день. Бормочут клены.
Столяр застыл у верстака.
Сквозь мир, как окна, запыленный,
Проходят «Яблочко», «Буденный»
И «Волга — русская река».*

*Старик за песней водит руку,
Поет обман, зубную боль,
Разрыв, свидание, разлуку,
Людскую бестолочь и скуку,
Перегоревший алкоголь.*

*И вдруг, разбив аккорд, как чашку,
Спускает скрипку, весь дрожа,
Пока в измятую фуражку
Пятак, завернутый в бумажку,
Летит с шестого этажа.*

ДМИТРИЙ ПЕТРОВСКИЙ

1892—1955

Участник гражданской войны на Украине, о чем написал многие стихи и повести. Печатался в «ЛЕФе», одно время примыкал к «Перевалу», однако состоял в литературных группах лишь формально, оставаясь до конца жизни одиноким, по-своему самостоятельным, но и почти забытым критикой.

ДНИ НЕДЕЛИ

*Понедельники-начинальники,
Над неделею вы — начальники:
И над вторником-ипохондриком,
С серым зонтиком, пыльным
ковриком,
И над средами-непоседами
С пересудами да беседами,
И над скучными четвергами,
Невезучими чудаками,
И над пятницею-сумятицей,
Толстопятою, толстопальцею,
Над субботами с их заботами,
С кинозалами душно-потными,
Кинозалами — как вокзалами,
И людьми такими усталыми...
С воскресеньем вы — кузены:
«Пусть потопает по музеям,
Пусть балуется чаем-сахаром,
Пусть под дождиком ездит за город,
Пусть подольше поспит,
бездельник,—
Завтра снова я, понедельник».*

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

1909—1966

Первый сборник стихов «Мы входим в Пишпек» вышел в 1931 году. Много писал на темы обороны. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. Переводил поэтов Китая и Кореи.

ВОДА

*Еще по облачной дороге
Заря не тронулась наверх,
Еще, растягивая ноги,
Лежит в постели человек.*

*Его бесформенное тело,
Как тесто в кадке растолстело,
Лежит расслабленный давно,
Рабочий, техник — все равно.
Уже гудком его зовет
Контора, фабрика, завод,
Будильник щелкает.
И он
Встает, разламывая сон,
Минуя хлопнувшую дверь,
Проходит в ванную теперь.*

*Там черепахой дремлет губка,
Там полотенца свежий взмах,
Стихия, свернутая в трубку,
За краном бодрствует впотьмах.
И человек садится в ванну,
Мотает скучной головой,
Подобный снежному болвану —
Белесый, рыхлый, неживой.
Вода на грудь ему стекает,
Он шевелится, но не тает.
Движеньем, с виду даже бодрым,
Руками хлопает по бедрам.
Он похудел, он спать не хочет!
А струйки бегают легки,
Они ползут, они щекочут,
Как водяные червяки.
Тут полотенце бьет тревогу,
Шершавой яростью горя,
Овладевает понемногу
Упругим телом дикаря.
И снова отданный теплу,
Смотрите —
новый, непохожий,
Уже не белый,— краснокожий,
Индейцем скачет на полу.*

*Уже само́й воды свежей,
Течет с высоких этажей,
Отремонтирован давно,
Рабочий, техник — все равно.*

*Густым гудком его зовет
Контора, фабрика, завод,
До остановки — пять минут,
Ему трамваи подают.*

*Еще и ночь не поредела,
Заря над городом тонка,
А человек готов для дела,
Для прозодежды, для станка.*

*Он повседневный держит строй,
Мой современник, мой герой.*

*А средство даже не в секрете,
Оно — как воздух — под рукою
Сама планета на две трети
Изобретение такое.
Оно на веки мне знакомо,
И в осторожной спячке дома
День начинается звеня,
Когда сквозь сумерки сухие
Водопроводная стихия
Из крана грянет на меня.*

Памятник архитектуры ветшал и разрушался, умирали старая аллея и даже озера... И тогда легенды, посеянные в наших душах — детей совхозных и фабричных рабочих, дали о себе знать, пробуждая в каждом из нас в той или иной степени корневое самосознание.

КОНЦЕРТ ДЛЯ СОЛИСТА С ХОРОМ

Фото Павла КРИВЦОВА

Из чего складываются и почему так живучи легенды? Не те, которые владеют умами целых народов. Я говорю о легендах, преданиях семейных, дворовых — одним словом, местных.

Коренные жители поселка Косино, еще вчера подмосковного, а ныне попавшего в столичный реестр, твердо убеждены в том, что Косино упоминается в летописи раньше Москвы; что вода в Святом озере действительно целебная; что Петр I именно на косинском Белом озере начал было строить судоверфь, чтобы плавать на потешных судах по системе прудов и каналов до села Преображенского и обратно, да что-то ему помешало; что наши олимпийцы в 1952 году выступали в костюмах Косинской трикотажной фабрики № 7; что первая в стране совхозная музыкальная школа была создана именно здесь, на центральной усадьбе совхоза имени Моссовета.

Легенды, легенды...

Они будут жить до тех пор, пока живут люди, для которых место их жительства — не место прописки. Это земля, по которой ты бегал в детстве босиком, вода, в которой купался. Это дома с причудливыми деревянными и железными кружевами, это остатки древней липовой аллеи, строения двухсот- и трехсотлетней давности. Это соседи, знавшие твоих дедушек и бабушек, а те, в свою очередь, их прапрадедов. В минуты душевного восторга все это мы обозначаем высоким словом Родина.

Мы, косинские ребята, гордились историей своего поселка. Пересказывали ее друг другу, добавляя от себя подробности, которые придумывали тут же. Купались только на своем законном месте, куда заезжие не рисковали соваться,— под церковью. Там били ключи и был крутой берег. Мы не знали, как назывался этот красивый архитектурный ансамбль — старинная ограда, колокольня с витой наружной лестницей, круглое, отдельно стоящее храмовое здание. Достаточно было того, что нас, детсадовцев, осенью 1941 года во время ночных бомбежек прятали под сводами церковных сказочно-страшных подвалов.

На уроках истории учитель Лукьян Иванович Молчанов несколько поколебал нашу слепую веру в легенды, показав дореволюционную книжку «История села Косина», уточнив и время сооружения церкви Успения — начало XIX века, и химический состав воды Святого озера. Поколебал, но не разрушил. Потому что легенды продолжали создаваться у нас на глазах.

Музыкальная школа действительно родилась в самое, казалось бы, неподходящее время — в разгар войны. Сама мысль о ее создании в те годы кажется сегодня по меньшей мере странной. Но музыкальные инструменты, взятые в качестве трофеев после разгрома гитлеровцев под Москвой, надо было куда-то пристроить. И расторопный директор совхоза перевел тщательно упакованные «Блютнеры» и «Хоннеры» на баланс хозяйства.

И Косино зазвучало: заиграло, запело.

Но все достопримечательности поселка существовали сами по себе. Школа набирала силу, фабрика и совхоз получали переходящие знамена и ордена, памятник архитектуры ветшал и разрушался, умирала старая аллея, и даже озера — Черное, Белое и Святое — неузнаваемо меняли свои очертания в результате непродуманных ирригационных работ.

И тогда легенды, посеянные в наших душах — детей совхозных и фабричных рабочих, дали о себе знать, пробуждая в каждом из нас в той или иной степени корневое самосознание. Боль, порожденная небрежением, вызывала беспокойство за будущее.

А поняли косинцы, что могли потерять, лишь тогда, когда увидели на захламленной территории архитектурного памятника детей и взрослых с лопатами и носилками, с ведрами и метлами. Это сегодняшние ученики музыкальной школы и их родители стали буквально вылущивать из коросты запустения здания, украшенные ионическими колоннами, лепными карнизами, точеными балясинами и фресками.

Руководил всем этим, а точнее, вместе со всеми работал, директор школы, ныне носящей порядковый № 85, Альберт Артович Князев, ее выпускник первого военного набора. Он не стал скрипачом, хотя имел для этого все предпосылки. Он стал педагогом, который знает, где и зачем живет.

Трудно было предположить в те далекие ученические годы, что в моем однокласснике таилась такая могучая, созидательная энергия. Его пристальный интерес к истории своей «малой» родины был не только утолением жажды знаний. Хотя и это дало необыкновенные результаты. Перекопав множество архивов, разбросанных по разным хранилищам, он собрал богатейший систематизированный материал по истории поселка (а ранее села) Косино. Удивительно, но его открытия во многом подтвердили те легенды, с которыми мы росли. Настойчивость помогла на территории комплекса обнаружить остатки деревянной церкви XVIII века, в которой неоднократно бывал Петр I. Сегодня и это строение восстановлено. Князев мечтает разместить в нем музей истории села.

Альберт Артович считает себя романтичным прагматиком. Он и за реставрацию церкви Успения взялся, мол, лишь потому, что не хотел, чтобы добро пропадало. Бесхозный памятник архитектуры (восстановленный с помощью профессиональных реставраторов) стал прекрасным концертным залом. Удивительная акустика храмового здания вновь ожила звуком, сотканным из множества детских голосов, скрипичных, фортепианных и баянных пассажей.

Так музыкальная школа № 85 обрела свой собственный уникальный концертный зал. Обрела для того, чтобы сделать его всеобщим достоянием.

А неугомонный директор фантазирует дальше. Легенды не дают ему покоя. Чтобы приручить их, заставить работать на будущее, необходимо создать, а точнее, сохранить историко-экологическую среду обитания, о которой уже завтра поздно будет мечтать.

Реставраторов ждет краснокирпичное здание бывшей церковноприходской школы, вся сложная водная система Косино, его своеобразный ландшафт.

— Архисрочно все это надо делать. Но восстанавливать не торопясь, чтобы нечаянно в спешке не уничтожить нам еще сегодня не известное, но очень ценное...

Так мечтает, так считает пятидесятилетний человек, вокруг которого растут и мудреют его ученики и единомышленники. Такими они предстают перед слушателями, своими земляками, во время общедоступных концертов — слаженный хор и его дирижер, его солист.

Николай ЕРЕМЧЕНКО,
бывший косинский житель

Директор школы № 85 Альберт Артович Князев не стал скрипачом, хотя имел для этого все предпосылки. Он стал педагогом, который знает, где и зачем живет.

СРЕДНИЕ ЛЮДИ

Станислав РАССАДИН

ВЫШЕЛ — НАКОНЕЦ-ТО — ТРЕХТОМНИК МИХАИЛА ЗОЩЕНКО. ПРЕТЕНЗИИ К НЕМУ — ДЕЛО НЕОБХОДИМОЕ (ПОЧЕМУ ТОЛЬКО ТРЕХ?.. ГДЕ В НЕМ ТО ИЛИ ЭТО?..), ОДНАКО ВСЕ ЖЕ ВТОРОЕ, А ПЕРВО-НАПЕРВО ДАВАЙТЕ ОБРАДУЕМСЯ ЕГО ПОЯВЛЕНИЮ. И ОТМЕТИМ — МОЖЕТ БЫТЬ, С НЕКОТОРЫМ УДИВЛЕНИЕМ,— ДО КАКОЙ ЖЕ СТЕПЕНИ ОН ПРИШЕЛСЯ КО ВРЕМЕНИ. К НАШЕМУ ВРЕМЕНИ.

— Ну что же,— задумчиво отозвался тот [Воланд],— они — люди как люди... Ну легкомысленны... ну что же... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... Квартирный вопрос только испортил их.
М. А. БУЛГАКОВ

— Что ж, говорит, это такое? Ну — пущай он гений. Ну — пущай стишки сочинил: «Птичка прыгает на ветке». Но зачем же средних людей выселять?
М. М. ЗОЩЕНКО

Зощенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта... Только подонки литературы могут создавать подобные «произведения»... Пусть убирается из советской литературы.
А. А. ЖДАНОВ

I

У Зощенко есть рассказ, как актер-любитель, сопровождаемый сочувственными выкриками знакомцев («Не робей, дескать! Дуй до горы!»), играет купца, которого грабят разбойники. И вдруг чувствует, что грабят-то не понарошку: тянут настоящий, кровный его кошелек.

«Братцы,— говорю.— Режиссер, говорю, Иван Палыч!.. Последнее, говорю, сбереженье всерьез прут!»

И чем истошнее он кричит, тем больше помирает со смеху публика.

Не слепок ли это с собственной зощенковской судьбы? Он, писавший (кричавший!) «всерьез», всю жизнь имел ложную репутацию — весельчака или мещанского развлекателя. Собственно, когда сорок лет назад грозный докладчик оскорбительно и смертельно опасно обозвал его пошляком и подонком литературы, то был лишь итог всего, что наприписывали ему за долгие годы. Первым делом, конечно, враги (вот и самоновейший его неприятель, прозаик Анатолий Иванов, изумится, что среди «новоявленных гениев», каковыми, по его просвещенному суждению, являются Пастернак и Мандельштам, высоким словом помянут *«даже»* Зощенко). Но и доброжелатели, увы, приложили здесь руку.

Даже начав реабилитацию неповинного писателя, его словно бы только повысили в чине, однако по тому же ведомству. Признали разоблачителем мещанства, сатириком. Звание как бы суровое и почетное, но повернется ли у нас язык этаким, что ни говори, однозначным клеймом припечатать Булгакова? Платонова? Не говоря уж о Гоголе...

Нет, Зощенко не юморист. И не сатирик (не только сатирик). Как и положено большому писателю, он знаток и исследователь человеческой души. Испытатель ее — на разрыв и растяжение, на прочность и податливость. И в своих исследованиях он скрупулезен, дотошен, въедлив, пристрастно внимателен к наималейшим движениям любых невеликих душ.

...На первый взгляд его персонажи сплошь выглядят какими-то унылоупорствующими маньяками:

«Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ей малютка на руках очень такой звонкий. И орет, и орет, все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет...

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и как назло, в пути с ним случается болезнь».

Смешно? Еще бы. Пока дочитаешь, обхохочешься. Но в этом долдонящем косноязычии своя система. Своя динамика. Свой сюжет.

Вслушаемся. Всмотримся. Сперва нам сообщили место действия: вагон, приближающийся к Новороссийску. Затем главное действующее лицо — «бабешечку». Далее появляется страдательный персонаж — младенец. Потом мы узнаем о цели путешествия: женщина едет к мужу. Об обстановке. И наконец, когда, говоря языком школьного литературоведения, экспозиция завершается, возникает завязка: ребенок болен.

Ну, прямо классицистическая стройность!

Таково мастерство. Но оно не то что не самоцельно, оно попросту надежно спрятано от глаз. Однако четко объясняет нам способ нечеткого мышления персонажа.

Зощенко вовсе не занят стенографической (сегодня сказали бы: магнитофонной) записью поездного словоговорения. Назойливо, до одурения повторяющаяся фраза о Новороссийске нужна герою-рассказчику затем, зачем нужен шест идущему через незнакомое болото по узенькой гати. И орудует рассказчик этой опорой точно так же, как орудуют шестом,— отталкивается ею. Продвигается вперед толчками.

Зощенковский персонаж не способен сразу, цельно передать свое ощущение. Нетвердая мысль его не топчется на месте, нет, но пробирается вперед с великим трудом и неуверенностью, останавливаясь для поправок, уточнений и отступлений. К примеру:

«Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий».

Сразу ясна и сразу смешна стереотипность мышления рассказчика, автоматически связавшего ношение очков с социально неблизкой ему, а, возможно, и подозрительной интеллигентностью. (В другом случае зощенковский герой скажет: «интеллигент с нашей квартиры, страдающий сахарной болезнью»,— эвона, и болезнь не как у людей.) Но дальше:

«У него, видать, трахома на глазах».

Это уже замедленный вывод из помянутой странности: «не интеллигент, но близорукий». Потому что коли не интеллигент, то, может, и не близорукий? А коли не близорукий, то, может, у него, ну, скажем, трахома?

Все по-своему очень логично. Мысль слегка отступает назад, на исходные позиции, заодно чрезвычайно характеризуя всем нам знакомое состояние человека из очереди, имеющего время для неповоротливых и праздных размышлений. Да и следующий виток хоть неожидан, но исподволь весьма подготовлен:

«Вот он надел очки, чтоб его было хуже видать».

И наконец:

«А может быть, он служит на оптическом заводе и там даром раздают очки».

Опять все яснее ясного: какой дурак откажется от дармового?..

Этот человек размышляет, как шахматист, только вчера научившийся различать фигуры: он не видит дальше одного хода. Он может сыграть конем, а потом поставить его на прежнее место.

В статье «О мещанстве» Горький сказал: мещанин мыслит автоматически,— учтем, что сказано в пору, когда люди были невысокого мнения о возможностях автоматов. И автоматизм мышления зощенковских персонажей в том, что они механически отзываются на все новое или непривычное, не проявляя при этом стремления к самообучению и обобщению.

Во всяком случае, вначале.

Поэтому они бывают забавно-трогательны. И смешно-страшноваты.

Ребенок, обладающий почти нулевым жизненным опытом, не отличает событий нормальных от необычных. Не знает, чему следует и не следует удивляться. Так и «средние люди» Зощенко, не имеющие не житейского, нет, но достаточного нравственного опыта. То попавший в город деревенский старик чуть было умом не тронется оттого, что постовой взамен того, чтоб наорать на него, отдаст — по инструкции — честь. То герой повести «Коза» Забежкин, которого толкнет невзначай прохожий, а толкнув, извинится, тоже долго не придет в себя от изумления.

«Что это? — подумал Забежкин.— Чудной какой прохожий. Извиняюсь, говорит... Да разве я сказал что-нибудь против?.. И кто ж это? Писатель, может быть, или какой-нибудь всемирный ученый... Извиняюсь, говорит. Ах ты штука какая!»

Тут нам трудно не узнать себя самих: рабскую, случается, нашу благодарность, которую вдруг испытаешь к необсчитавшему кассиру или ненахамившему продавцу — за то, что они не... не... не... Но зоркий и трезвый Зощенко

видит и иные смешения — и смешения — того, что естественно, и того, что неестественно.

«Не царский, говорю, режим шайками ляпать»,— патетически заявит персонаж знаменитой «Бани» и тут же сам уворует шайку у зазевавшегося. А сторож, обокравший магазин и потрясенный тем, что под эту кражу слишком много списано, тот и вовсе: «Я, говорит, не дозволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. И меня, как советского человека, возмущает, что тут делается,— какая идет нахальная приписка под мою руку».

Самое замечательное, что оба искренни. Пока. Однако, как водится, все на свете имеет свое продолжение и развитие.

Вряд ли есть среди зощенковских рассказов более известный и по справедливости считающийся более смешным, чем «Монтер», тем не менее перестраховочно напомню фабулу. Заглавный персонаж смертельно обиделся на театрального администратора, не допустившего на оперный спектакль знакомых монтеровых барышень; растравил свое оскорбленное сердце воспоминанием, что, когда труппу «снимали на карточку», его приткнули где-то сбоку, усадив в середку тенора,— и отомстил, вырубив в театре свет. Причем свою месть воспринял как осуществление исторической миссии:

«Думает — тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету!»

Гениально простая фраза — именно эта, про теноров,— оказалась всего только легким заострением могущественного изречения: «У нас незаменимых нет». От реальности до гротеска оказалось не так уж и далеко, а вернее сказать, от гротеска до реальности, ибо зощенковская фраза прозвучала несколько раньше. То есть Зощенко, чей герой по обыкновению автоматически воспринял прекрасную идею равенства, не спародировал, а предугадал лозунг, который вскоре станет царить. Предугадал не по внешней схожести, а по самой сути: ведь автор фразы «У нас незаменимых нет» умело-демагогически скрыл за броским показным демократизмом ее антиинтеллигентскую, антиличностную сущность, ее диктаторскую ставку на быдло, которое своей универсальной заменяемостью обеспечивало незаменимость вождю.

То, что Сталин, поощряя и организуя собственное обожествление, считал необходимым время от времени напоминать о вреде культа личности, вряд ли было стыдливостью согрешившего марксиста. Многие иные заповеди учителей он отменял и не думая оправдываться.

Сталин был действительно врагом культа личности — в реальном, нефиктивном смысле: личности как человеческой незаурядности и самобытности. Именно потому он упрощал, автоматизировал отношение Маркса к роли личности в истории, и общественная атмосфера, которую мы кратко называем культом личности, не могла обойтись без культа безличности.

«У нас незаменимых нет...» Да, на этот постулат возлагалась немалая надежда, и, согласно ему, личность не выдвигалась сама, провидя и угадывая (по Марксу) объективные законы истории и живые импульсы движения масс,— ее самое выдвигали и назначали выдающейся или великой. Притом чаще не за самобытность и самостоятельность, а за их отсутствие.

Воспитывался культ не человека, но места, не личности, но поста. Вместе с назначением на пост присваивались и соответствующие качества. Тому, кто взобрался на верхнюю ступень, естественно, вручались звания величайшего гения, корифея, ученого, полководца всех времен и народов, вплоть до наименований более частного порядка, вроде «лучшего друга советских физкультурников» (сам я мальчишкой выкрикивал в общем спортивном хоре это смешное приветствие, разумеется, и не подозревая, что оно когда-нибудь покажется смешным). Те, кто стоял пониже, как пайком, награждались званиями местного и специального значения: «первый маршал», «железный нарком», «глава мичуринской биологической науки» — причем, конечно, фактическое соответствие избранников их званию было совсем необязательным, и если, скажем, палаческая роль Ежова все-таки имела касательство к «железу», то Лысенко объявлялся великим биологом вопреки всему, начиная со здравого смысла и элементарных норм ученой этики.

А если Трофима Денисовича можно назначить «главой», то — пофантазирую за компанию с зощенковским монтером — отчего бы его самого не определить в тенорá? А тéнора не переквалифицировать в монтеры? Так что не такие уж это и фантазии. Ведь теноров нынче... то бишь незаменимых, нет! Сегодня ты, а завтра — я [1].

Замечу кстати: это вовсе не значит, будто послезавтра снова ты. Черта с два! Уравниловки добиваются вовсе не ради справедливости, истинным равенством тут и не пахнет, и плохой работник, плохой человек, неправедно, незаработанно уравняв свое положение с хорошим, на этом не успокоится. Не бывает такого. «...Пишут, пишут...— пробрюзжит в повести Булгакова «Собачье сердце» недовольный Энгельсом человеко-пес Шариков.— Взять все, да и поделить...» — но ему и дележа покажется мало, и, покуда он не выживет из квартиры и не сживет со света своего необдуманно благодушного создателя профессора Преображенского, он не удовольствуется и не утихомирится.

А зощенковский монтер? Он таит зависть к тенору, который, без сомнения, производит на его знакомых барышень большее впечатление, и, казалось, тут ничего не поделаешь: ну, не дал бог таланту. Но вот он хватается за фальшивую идею автоматической уравниловки и с этой минуты может стать опасен, потому что, не таясь, поднимает свое мелкое, дурное чувство, как знамя.

Тем более что здесь неизбежна эволюция сознания в согласии примерно с такой формулой. Теноров, как сказано, нынче нету. Стало быть, все равны. Значит, я не хуже прочих. Значит, и иметь я должен не менее, чем они. А если я имею меньше, значит, эти сволочи (скажем, тенора, доценты, очкарики или инородцы) словчили. А раз словчили, выходит, я лучше их. Ну, а уж поскольку я лучше, то и иметь я должен больше их...

Ведь складно?

II

Исследователь-испытатель человеческой породы, Зощенко подглядел одно из любопытнейших превращений традиционного «маленького человека». Его переход в состояние «маленького чиновника».

В той же «Бане» банщик, не соглашаясь выдать пальто по веревочке от номерка (сам бумажный номерок «смылся»), говорит: «Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок — польт не напасешься». И словно огромной, страшной тенью, отброшенной им, окажется в «Голубой книге» Люций Корнелий Сулла, раздраженный тем, что платный убийца принес ему «не ту» голову, голову человека, не числившегося в проскрипционном списке: «Это каждый настрижет у прохожих голов — денег не напасешься».

Да, грозный тиран и ничтожный коммунальный служащий как бы включились в одну игру. Банщик ведь тоже ощущает себя властью — как-никак и от него нечто зависит. Ну, пусть не жизнь человека, но судьба его одежонки. И вольно герою рассказа молить, чтоб ему выдали его собственные, не чужие штаны. «Граждане,— говорю.— На моих тут дырка была. А на этих эвон где. А банщик говорит: — Мы, говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит».

Он (банщик!) уже ощутил себя государственным лицом наподобие бюрократа — и просителя воспринимает соответственно бюрократически-абстрактно: тот для него не живой человек, имеющий право на свои кровные штаны, а человеко-единица, которой надобно вручить не более чем единицу хранения, и сама просьба признать право на личную собственность и на существование «незаменимой» индивидуальности для него безмерно удивительна... Впрочем, еще откровеннее, так, что дальше и некуда, выскажется в другом рассказе другой бюрократ, принявший на сей раз обличье «лекпома», фельдшера:

«Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере, тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания».

Что и мудро: в бессознательном состоянии (бессознательном физически или морально, нравственно) человек лишен решительно всего личного, индивидуального, и ничто не мешает ему быть безличной единичкой, функцией. В таком виде он не раздражает маленьких функционеров ежедневными проявлениями элементарных потребностей: тем, что хочет есть, пить, иметь крышу над головой. Да еще такую — наглец! — дабы она не протекала.

Изображая все это, «юморист» Зощенко, «король смеха», «славный, веселый Миша», как обращались к нему поклонники, жёсток, сух, горек, даром что смешон. А возможно, это для нас, нынешних, все отчетливее проступают горечь и жесткость,— такова вообще судьба юмора, который нередко уходит вспять вместе с породившими его реалиями ушедшего времени. Есть даже легенда — вряд ли достоверная, но наверняка правдоподобная,— будто где-то за границей впервые перевели Зощенко, не сумев, что понятно, передать своеобразие его языка и не зная примет нашей вчерашней действительности; перевели и изумились:

— И это в России считают юмором? Но тут же драмы, трагедии, как у собственного их Достоевского! Или у Кафки!..

Что ж, Достоевский тут не с ветру взялся.

Белинский назвал его, молодого, «поэтом, муза которого любит людей на чердаках и подвалах». К Зощенко не приложишь ни «поэта», ни «музы» да и глагола «любит». И все же...

Для весело-победительных Ильфа и Петрова все обитатели их Вороньей слободки в равной степени не заслуживают сочувствия. Камергер Митрич и князь Гигиенишвили — такое же отвратительное наследие старого мира, как коечница Дуня и ничья бабушка, и сама Слободка словно увидена, как муравейник с птичьего, а вернее, аэропланного полета. Такой ее видит и презирает ее случайный жилец, герой-летчик Севрюгов.

Что до зощенковских персонажей, то почти все они и есть «слободчане», или, по его собственному определению, «прочие незначительные граждане с ихними житейскими поступками и беспокойством». И хотя коммунальные потолки и квадратные метры снижают и сужают разворот страстей, в Вороньей слободке обнаруживаются свои Ричард III, Гарпагон, Дон Жуан или Гамлет. Для какого-нибудь инвалида Гаврилыча кухонная битва — то же, что для Наполеона Ватерлоо. Даже исход тот же...

Признаемся: мы сильно напутали, безадресно, в кого попало тыча жупел «вещизм» и кличку «обыватель», так что даже Ярослав Смеляков, рабочая, пролетарская косточка, единожды не выдержал и яростно, как он умел, обрушился на наклеивателей ярлыков, заодно воскресив ничуть не обидный корень клеймящего прозвища: «...Не стесняюсь повторить, что и сам я бываю и еще настроен быть». А другой — уж поистине совсем другой — поэт, Николай Олейников, когда-то сочинил четверостишие под притворно возмущенным названием «Неблагодарный пайщик»:

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок
с крупой.
Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

Вот, дескать, каков хапуга! Все ему, ненасытному, мало, не пора ли дать по загребущим рукам? Но нет. Как окончательно выяснилось сегодня, не дать по рукам, а дать в руки оказалось, помимо всего прочего, неотложнейшей задачей политики. «Для того, чтобы вдохнуть веру в оздоровление экономики, уже в ближайшее время необходимы успех, ощутимые, видимые всем признаки улучшения жизни. Прежде всего должен быть насыщен рынок...» — из статьи экономиста Николая Шмелева, «Новый мир», 1987, № 6.

«Страшнее Врангеля обывательский быт»,— сказал Маяковский. И оказался прав во всех смыслах, включая, может быть, и неожиданный для него самого. Врангеля достаточно разбить один раз, а «обывателя» нужно кормить каждый день. Больше того: его право «домогаться селедок с крупой» надобно не просто принимать по печальной необходимости во внимание, а уважать. И еще больше: ценить. Дорожить им!

Однако, кажется, я сказал: нужно кормить? Если так, да будет мне стыдно.

Вот типичный разговор в сегодняшней или вчерашней магазинной очереди. Стоит кому-то заворчать насчет длины очереди, качества колбасы, как тотчас откликнется какая-нибудь добрая душа:

— Ну, грех жаловаться! То ли еще в войну было!

Или:

— Вон сколько нас миллионов! Попробуй накорми всех!

Будто кормят они не сами себя. Не своим трудом.

Люди добры — это прекрасно. Люди не любят жалобщиков. Вообще: «Человек не блоха — ко всему может привыкнуть» (из Зощенко). Вот только хорошо ли, что ко всему?

Вопрос, между прочим, отнюдь не отвлеченный, а сильнейшим образом волнующий нынешних реальных политиков, социологов, экономистов. «Понимание социализма как общего котла, черпая из которого народ благодарит государство за заботу о себе, достаточно примитивно и является не чем иным, как пережитком феодального сознания» — это Геннадий Лисичкин в № 23 «Литгазеты» за этот год. И он же, там же, только в № 26: «...Большинство рассуждает очень просто. Вкалывать? А зачем? Чтобы больше зарабатывать? А зачем? Крыша какая-никакая над головой есть, элементарная сытость каким-то образом более чем обеспечена. Иными словами, происходит затухание роста потребностей, а вместе с ним и ритма обновления жизни, роста производства». Вот оно как!

То есть вышло — уже в исторической реальности, а не в выдуманном рассказе,— что персонаж зощенковской

[1] Жизнь не стоит на месте, и вот, как говорится, самые свежие вести с полей. С боевых. Вот прямая иллюстрация и к зощенковскому рассказу, и к фразе насчет отсутствия незаменимых:

«Бывая в творческих организациях, вижу, как часто прямолинейное, примитивное понимание демократии работает против перестройки... В Свердловском театре оперы и балета... многие артисты хора восстали против талантливых художников... (Замечание в скобках: восстали даже не на теноров и баритонов, а бери выше, на главного режиссера и главного дирижера.— С. Р.) Но... в Октябрьском райкоме партии Свердловска мне так и сказали: «Хор — это рабочий класс театра...» Валерий Кичин. «Советская культура», 1987, № 81.

1917 • 1987

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ «ОКТЯБРЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

Завершается год, в котором мы с вами, дорогие друзья, встретили семидесятилетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. «Октябрь в моей жизни» — так назывался конкурс, объявленный в № 1 «Огонька» по вашей просьбе.

Сегодня мы поздравляем читателей журнала, приславших наиболее интересные фотографии и документы, воспоминания о людях, творивших новую историю Родины: Л. ЗУБАЧЕВА из подмосковного г. Клина, А. РИХТЕРА (Харьков), Б. КОМСКОГО (Львов), жительницу Махачкалы Т. ГАВРИЛОВУ, ленинградцев Н. ПЕРЕЛЬМАНА и К. ДУЛОВУ, М. АВДЕЕВА из Борисова Минской области, К. ГЕУТВАЛЬ из чукотского поселка Рыткучи. Редакция присуждает им годовую подписку на «Огонек» на 1988 год.

Не все из них мы сумели опубликовать, но каждое письмо с пометкой «Октябрь в моей жизни» — это рассказ о том большом вкладе, который внесли наши советские люди в общую биографию страны.

Спасибо вам, дорогие читатели! Ждем новых писем!

ПИСЬМО ВНУКУ

Хочу рассказать о твоей прабабушке — чувашке из поволжского села Таволжанка Самарской губернии, ставшей кандидатом философских наук, доцентом, заведующей кафедрой. Всю войну, все девятьсот дней ленинградской блокады делила она с нашим городом его муку, горе и радость Победы.

Это рассказ о Бердниковой Доре Степановне, моей матери.

Родилась она в самом начале столетия — 8 ноября 1900 года. Семья не стала учить девочку. Но никто не знал, какая она настойчивая. Мама убежала, да-да, убежала из дома в монастырь в Бузулуке. Там она выучилась грамоте и даже стала писарем.

Грянул 1917 год. Мама возвращается в село. В Таволжанке начала работать школа. Помещения не было, зачастую в «классе» вместе с учениками находилась семья хозяина, а то и теленок с курами. Мама — первый директор. Вместе со школой стала создавать кружки.

Недалеко, в Борском, открылась гимназия. А маме только семнадцать. Значит, учиться, значит, в Борское! Сдала школу новой учительнице, родители на этот раз ее отпустили. Зимой мама училась, летом работала в родном селе.

В гимназии она встретилась с русским парнем из села Гвардейцы, оно и сейчас так называется. Двадцать лет назад газета «Борские известия» писала: «Мы помним тех молодых комсомольцев. Одного даже прозвали «философом» — уж очень он любил рассуждать, спорить, увлекался литературой, творчеством Льва Толстого».

Мама и «философ» полюбили друг друга и вместе во время страшного голода 1921 года уехали в Среднюю Азию. Там оба вступили в ряды Красной Армии, там поженились. В Бухаре в 1924 году родилась и я, твоя бабушка. Ты знаешь уже, что твой прадедушка, Бердников Михаил Панкратьевич, погиб в самом начале войны, в июле 1941-го, выводя 128-ю стрелковую дивизию из окружения. Был он начальником политотдела дивизии.

Там же, в Средней Азии, в горестном 1924 году Дора и Михаил стали коммунистами Ленинского призыва. Они участвовали в боях с басмачами. «Дорка, а какой ты была лихой наездницей! Ведь ничего и никого не боялась»,— часто вспоминал папа.

Я уже говорила: маме всегда не хватало знаний. В сентябре 1925-го ее направляют на учебу в Ленинградский институт политпросветработы имени Крупской. После института она преподаватель обществоведения в Морском техникуме. Со своими студентами посетила Англию и Германию. В тридцать лет поступает на философское отделение Института красной профессуры. С марта 1936 года она заведующая кафедрой 1-го мединститута, кандидат в члены пленума Петроградского РК ВКП(б) и член ревизионной комиссии Ленинградского обкома.

И вдруг несчастный случай: у мамы тяжелейшее сотрясение мозга. Читать лекции она уже не может и теперь работает старшим научным сотрудником Института истории партии при Ленинградском горкоме. Резко изменились условия работы, но не мама. Она защитила диссертацию, стала кандидатом философских наук, опубликовала около двадцати работ.

Сохранился отчет мамы о производственной и общественно-партийной работе за первые полгода войны. Сохранилась и тоненькая брошюрка, написанная в сентябре 1941-го, которую она прислала мне в эвакуацию.

За мамой как за политорганизатором было закреплено два дома. Один — в котором она жила, другой — № 11 по улице Пестеля. А еще огороды! Работникам института их выделили на Марсовом поле. Земля там — камень и щебенка. К тому же, не забывай, вскапывали эту землю люди, перенесшие смертельный голод.

Не считай, что сегодня легче: перестраивать жизнь даже труднее, чем строить заново.

Твоя бабушка Кима.
Ленинград.

Посылаю и фотографию. Вот такими были твои прабабушка и прадедушка в 1925 году.

ОТ РЕДАКЦИИ. Кима Михайловна Дулова дополнительно сообщила нам, что ее внук Максим Никонов в этом году стал студентом Ленинградского пединститута, продолжив семейную традицию.

«Бани», спервоначалу робко взбунтовавшийся в надежде обрести при выходе свои, родные штаны, в конце концов как бы согласился с доводами «маленького чиновника», банщика. Помните? «Мы, говорит, за дырками не приставлены». Бери, что дают. И пока дают.

Но прежде чем стать неумолимой реальностью, произошло это все-таки в рассказе. Собственнические претензии «среднего человека» очень быстро сменились «затуханием роста потребностей»:

«Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальтом...»

А герой другого рассказа, потерявший в трамвае галошу и не имеющий возможности получить ее сразу обратно, без удостоверений и справок, хоть и измучен шатанием по канцеляриям, но тоже покорен. Даже, представьте себе, доволен!

«Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете — и не помню, в каком месте ее оставил...

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил. Другой раз станет скучно,— взглянешь на галошу, и както легко и безобидно на душе становится. Вот, думаю, славно канцелярия работает».

Он не иронизирует. Смеяться, сердиться и горевать за него приходится автору, а стало быть, и нам, читателям. Он же просто усвоил наконец тот взгляд, который ему внушали многие, начиная снизу, с «маленьких чиновников». Поверил, что налаженность работы аппарата, направленной, как его уверяют, на его человеческое благо, куда важнее того, что своей галоши он лишился-таки...

Поразительна проницательность этого «короля смеха», нынче в особенности внятная нам. Та, которая так давно, так рано сумела осознать, что вышеупомянутый автоматизм, свойственный, по замечанию Горького, «среднему человеку», далеко не только смешон. Не только досаден. Он и понятен, даже по-своему трогателен — как средство самозащиты.

Перечтем повесть «Коза». История, кажется, проще простого и нагляднейнаглядного: мелкий человечишка с соответственной фамилией Забежкин решил жениться, прельстившись, однако, не самой «гранд-дамой», то есть чудовищной бабищей — домовладелицей Домной Павловной, а ее козой,— и преуспел было, как вдруг обнаружилось, что коза-то принадлежит жильцу, и Забежкин, не сумевший скрыть отчаяния, был изгнан.

Законченный стяжатель, не так ли? Но вот тонкость: ведь коза — сущий пустяк сравнительно с домом и всем имуществом Домны Павловны. И выходит, что одержим был Забежкин не жадностью (жадность расчетлива, она такой промашки не даст), но истинной страстью — выжить, устоять, утвердиться в мире. Он не хитрец, куда там. Он фанатик. Он, так сказать, протопоп Аввакум единственной известной ему формы устойчивости — собственности. И коза для него измеряется не рублями, которых стоит; она воплощает все, чего недостает этому бедняге,— домашнее тепло, кров, защиту.

Смешон Забежкин? Конечно. Но и достоин сочувствия, которое дарит ему Зощенко, наследник породившей его гуманнейшей из литератур.

И мало того — то есть писателю Зощенко мало. Ибо пресловутый, неосмысленный, бездуховный автоматизм, то смешной, то, бывает, трогательный, еще и опасен. Для самого человека. И, как мы, кажется, убедились, для общественного развития. Потому что этот «мещанин», «обыватель», которого фельетонисты и карикатуристы привыкли изображать зверюгой-собственником, пугая его невинным и (как опять-таки выяснилось) даже общественно полезным понятием «частник», он, наоборот, способен, а то и склонен отказаться от права личной собственности, сперва послушно, затем и охотно олицетворив собою «затухание роста потребностей». Вспомним статьи Лисичкина: «Вкалывать? А зачем? Чтобы больше зарабатывать? А зачем?»

Кстати-то сказать, подслушанный мною — да и многими, без сомнения, слышанный — разговор в очереди, не порожден ли он также и трезвым сознанием, что, «вкалывая» так, как они привыкли «вкалывать», миротворцы в самом деле не зарабатывают и на неважную колбасу? Так что их действительно кормят.

...В мировой литературе обычно сходились как психологические противоположности (даже если им, противоположностям, случалось дружить, как Дон Кихоту и Санчо Пансе) воплощения, так сказать, Духа и Брюха, высочайшего духовного полета и приземленной здравомысленности. Двадцатый наш век и сюда ухитрился внести поправку — причем какую! Возник, к примеру, бравый солдат Швейк, грандиозное создание еще одного «юмориста». «Средний человек», чешский «обыватель», выражаясь в привычно-презрительном роде, вдруг оказался не спутником, не вторым номером при некоем Рыцаре печального образа, а как бы занял его место. Стал и. о. Дон Кихота.

И как сервантесовский рыцарь почитался безумцем не только за действительные чудачества, но и за поступки, направленные добром и исполненные добра, так же и Швейка объявили, притом официально, идиотом. За что? Лишь за то, что автоматически (опять!), не рассуждая (вернее сказать, притворяясь нерассуждающим автоматом), он буквально исполняет приказы своих начальников, прилежно доводя их до абсурда. До пародии. Выявляя их скрытую от многих глаз нелепость.

А может быть, и «средние люди» Зощенко — чуточку Швейки? В конце концов не спародировал ли известную псевдодемократическую фразу памятный нам монтер? И разве не обнажал бессмысленность канцелярской круговерти человек, терявший галошу, которая была ему дорога «как память о потраченных деньгах», но не терявший благоговейной веры в необходимость бюрократической машины, производящей пустоту?

Но нет. Сходство-то есть, однако обманное.

Швейк, обобщенный и обобществленный тип, великолепная и убедительная фантазия, художественно и физически бессмертен: в мире, созданном писателем Гашеком, невозможно представить не только что Швейкову гибель, но и безвыходное — для него — положение. За него можно не волноваться, да мы и не волнуемся, мы ждем новых пародий, новых веселых провокаций, новых побед. Смешным, жалким, жалко-смешным героям Зощенко такая неуязвимость не подарена. Им не до сатиры. Не до жиру, быть бы живу. Потому что они и есть живые, телесно-объемные, наделенные кровоточащей плотью, принадлежащие настоящей, нашей жизни. За них надо бояться, об их судьбе надлежит беспокоиться. Мы это и делаем, ибо, во-первых, нам дал такую возможность их автор и, во-вторых, стократ обязало наше время, четко, сурово и оптимистически высветившее многое из того, чего прежде не видели, не хотели видеть, от чего отворачивались и заслонялись.

Время, высветившее среди прочего и новую, важную, насущную современность и правоту «славного, веселого Миши»... Впрочем, шутки — тем более устаревшие — в сторону: правоту и современность одного из великих реалистов двадцатого века, Михаила Михайловича Зощенко.

ПРАЗДНИК, УКРАШАЮЩИЙ БУДНИ

НЕДАВНО В МОСКВЕ
В УНИВЕРСАЛЬНОМ
СПОРТИВНОМ ЗАЛЕ «ДРУЖБА»
СОСТОЯЛСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
«МОДА-87».
ПО СУЩЕСТВУ, ВПЕРВЫЕ МОДА,
ТАК СКАЗАТЬ,
СПУСТИЛАСЬ С НЕБЕС
НА ЗЕМЛЮ, СДЕЛАЛА ШАГ
НАВСТРЕЧУ ПОКУПАТЕЛЮ:
ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ ДОЛЖНЫ
В САМОЕ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПОЯВИТЬСЯ
В ПРОДАЖЕ...

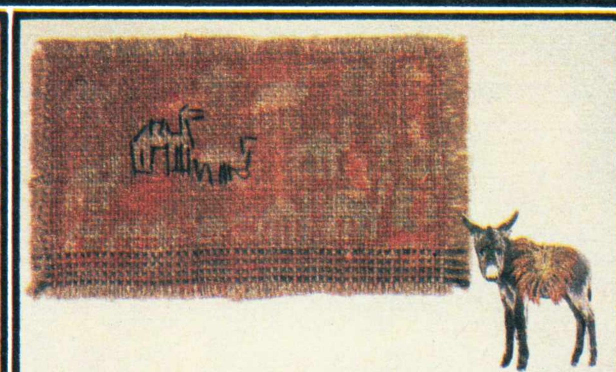
Репортаж Марины РЯБОЧЕНКО читайте на странице 22.
Фото Игоря ГАВРИЛОВА и Алексея ДИТЯКИНА

ВОЛШЕБНЫЕ КАСАНЬЯ

«Можно выстроить великолепное театральное здание, заказать художнику декорации, композитору — музыку, набрать большой штат сотрудников — и все-таки это еще не будет театр. А вот выйдут на площадь два актера, расстелют коврик, начнут играть пьесу и, ЕСЛИ ОНИ ТАЛАНТЛИВЫ,— это уже театр».

Василий КАТАНЯН, лауреат Ленинской премии

Я всегда вспоминаю эту притчу Немировича-Данченко, поднимаясь по скрипучей расписанной лестнице в комнату к моему другу, которая и столовая его, и гостиная, и спальня, и, самое главное, его мастерская.

Сколько я повидал комфортабельных и просторных мастерских художников и скульпторов, чьи работы оставляли меня совершенно равнодушным! Здесь же я встречаю «потертый коврик» — «театр». Начиная с ветхих стульев, затейливо инкрустированных, или люстры, которая каждый день преображается. Однако по порядку.

Сергей Параджанов — кинорежиссер с мировым именем, и нет у нас (да и не только у нас) настоящего любителя кино, который не видел бы его картин, не похожих ни на чьи другие. Но сегодня речь не о его фильмах.

Я не ошибусь, если скажу, что ни одного часа своей сознательной жизни он не провел вне творчества. Идет он, например, по улице, остановится возле витрины, все осмотрит, зайдет в магазин и все порекомендует переставить. Едет в машине (а чаще в троллейбусе) и обязательно расскажет окружающим препотешную историю. Сядет за стол в гостях и все пересервирует, а еду подправит специями и травами (спасибо, что не переставит мебель). И если посмотрит спектакль, то пойдет за кулисы и засыплет актеров, художника, режиссера предложениями...

...Сегодня он увлекается шляпами, которые пришли ему в голову из чеховской эпохи. Впервые я увидел их на его выставке — огромные, цветастые, они украшали стенд «В память несыгранных ролей Наты Вачнадзе». Это было буйство бабочек, птиц и кружев вокруг портрета кинозвезды с жемчужиной-слезой, которую он исторг из ее глаз при помощи старой серьги... Это были шляпы, сочиненные им для ролей, которые — увы! — не суждено было сыграть этой замечательной артистке.

После выставки шляпы вернулись в его комнату, образовав в углу живописную гору.

Он снял потом эти шляпы в своем короткометражном фильме «Пиросманашвили» — в них щеголяли и актриса Маргарита, и ортачальские красавицы. Он снял их не менее любовно, чем картины художника; неизвестно было, на что смотреть. «Пиросмани мешает мне, а я ему»,— шутливо сокрушался Сергей.

«...Он гениальный старьевщик. Как только он выходит из дома, он принимается подбирать все подряд и приносит к себе в мастерскую, где любая вещь начинает служить ему, возведенная в новый высокий ранг». Не знай я, что это Жан Кокто сказал о Пикассо на открытии его выставки в Риме, я решил бы, что это о Параджанове. Действительно, «как только он выходит из дома», он заглядывает в кучи мусора и извлекает из них нечто, мимо чего мы с вами стараемся побыстрее прошмыгнуть. Но «его перстов волшебные касанья» вскоре трансформируют это нечто в произведение искусства. Дырявую соломенную шляпу, отслужившую свой век на пляже, он обтягивает кружевами, обрывками тюля, украшает блестками, старыми пуговицами, какими-то подозрительными отходами елочных украшений, матерчатыми цветами. И вот уже каждая женщина стремится надеть ее, чтобы стать неотразимой...

Пожалуй, слово «коллаж» я услышал от него впервые лет сорок назад, когда у нас им, в сущности, никто не занимался. Его работы уже тогда были абсолютно индивидуальны и ничуть не напоминали коллажи Матисса или Делоне, Гофмейстера или Превера, Альтмана или Лисицкого, не было в них ничего и от фотомонтажей Житомирского и Родченко. Материалом ему служило и служит буквально все — от драгоценности до утиля!

Если я говорю «драгоценность», то имею в виду, например, комплиментарное письмо к нему Федерико Феллини, которое начинается словами «Мой дорогой Серж!» и которое Параджанов инкрустировал пластинками перламутра, павлиньим пером и засушенными лепестками лотоса, повесив его в старой декадентской рамке под каретным фонарем у себя в изголовье.

Если я говорю «утиль», я имею в виду, например, разбитые электролампочки, наклеенные в причудливом сочетании на картон и вставленные в раму. Назвал он это «Инфаркт». Почему нет?

Неблагодарен труд описывать живопись (читай: коллаж), но попытаюсь.

...Вот большой картон, где сколлажированы офицерский погон, игральные карты, россыпь «золотых» монет и ассигнация, с которой вместо портрета императора на вас смотрит красивое и грозное лицо старухи, а рядом молодой офицер с глазами из изумрудных бус, огарок свечи, обрывок зеленого сукна и обломок веера — все это объединила рама из рваных, обгорелых валетов и дам.

Вы вспоминаете Пушкина и не можете оторвать глаз от композиции, как не мог Германн оторвать глаз «от страстного и чудного лица».

Глядя на его вещи, Андрей Тарковский однажды сказал: «Он делает не коллажи, занавески, куклы или что-то, что можно назвать дизайном. Нет, это другое. Это возвышеннее, талантливее, это настоящее искусство. В чем его прелесть? В непосредственности. Что-то придумав, он не планирует, не рассчитывает, не конструирует. Между замыслом и выполнением нет разницы. Эмоциональность, которая лежит в начале его творческого процесса, доходит до результата, не расплескавшись, ничего не утеряв. Доходит в чистоте, в первозданности, непосредственности, наивности».

...Вот композиция «Тбилиси 1942», которая была представлена на выставке. Окно (настоящее, в зале) крест-накрест заклеено полосками бумаги, кухонная полка с пустыми банками, лишь в одной на дне немного красного лобио, стоит керосинка, и в кофейнике греется вода. От всего этого так и веет скудным бытом военных лет. И тут еще Параджанов вводит компонент, которым никогда на моей памяти не пользовались в искусстве,— запах. Он наливает в керосинку (наверняка кем-то выброшенную) настоящий керосин, зажигает ее, и вдруг вы ощущаете запах, который мгновенно переносит вас на десятилетия назад, в войну... Каждое утро он приходил на выставку, чиркал спичкой и отбрасывал нас в юность и детство.

И еще он приносил горсть пшена. Посреди зала стоял его автопортрет — фигура в средневековом кафтане, а тулья шляпы была сделана из клетки, в которой чирикали два пестрых попугайчика. И каждое утро Параджанов «вычищал» свою шляпу, насыпал пшено и наливал птичкам воду.

Подобно тому, как Мейерхольд обставлял сцену настоящими историческими вещами в «Ревизоре» и в «Даме с камелиями», подлинные вещи наполняют и коллажи Параджанова, его композиции и его фильмы. Никакой бутафории. Тщательно отобранная вещь в сочетании с вещью, с пейзажем или в руках у актера производит впечатление и надолго запоминается.

Когда я переезжал с квартиры на квартиру, то, естественно, выбрасывал какой-то скарб, который накопился с годами. Тут оказался Параджанов, который все из моих мусорных корзин аккуратно переложил в свои чемоданы. И вдруг я вижу месяц спустя:

Кукла-автопортрет, где седая окладистая борода сделана из... ежика для мытья бутылок!

Старая белая перчатка, на которой ювелирно выписан король с лицом Параджанова, а в руке короля «держава» — его любимый гранат.

Рваный чемодан, из которого сооружена голова слона, пряжки и ремни непостижимым образом образовали глаза и хобот, а название сему «Индия приветствует Кору Церетели!».

В его комнате, на террасе и галерее, столь типичных для старого Тбилиси, нет ни одного сантиметра, не обыгранного им. Ступени и перила расписаны, на стенах фрески и коллажи, кастрюли и сковородки тоже пущены в дело и образуют композицию, которую описать я не в силах. Над вашей головой летит птица на невидимой леске, по дороге «снеся» яйцо тоже на невидимой леске. На потолке укреплена клеенка, расписанная им,— «Пир в колхозе», откуда свисают объемные яблоки и виноград (из елочных украшений). Правда, «панно» носит утилитарный характер, защищая кровать хозяина от падающей штукатурки...

Я не видел дважды одну и ту же люстру у него над столом (люстра — это громко сказано). То это остов старого зонта, до неузнаваемости преображенный бусами, электросвечами и лентами. То это густой букет из позолоченных прутьев, и, вглядываясь, я обнаруживаю среди них щетку и совок, которыми убирают мусор со стола... То это керосиновая лампа, вокруг которой непостижимым образом трепещут бабочки, сверкая крылышками из толченых перламутровых пуговиц... Не знаю, что у него висит над столом сегодня.

Вспоминаю наугад его коллажи и композиции с куклами: «Царь Давид в бане», «Вор никогда не станет прачкой», «Ретро», «Детство Чингисхана», «Лили Брик», «Лермонтов», «Воспоминанье о черной икре»...

Одну стену на выставке он освободил и поставил там большой лист фанеры. В нем 26 рваных следов от пуль. Он назвал это «Памяти 26 бакинских комиссаров».

Те гвоздики, которые ему принесли, он тут же укрепил в этих дырах-следах, и вся стена покрылась алыми цветами.

В молчании стояли здесь люди.

По выразительности и простоте насколько это больше говорило сердцу, чем громоздкие многомиллионные сооружения!

Да, однажды в Тбилиси в Доме кино устроили его выставку «Бал в мастерской кинорежиссера». Она имела большой успех и прессу, но дело не в этом. Дело в том, что он никогда не делает вещи для экспозиции. Он их просто сочиняет, потому что не может иначе. А где они найдут свое место — на выставке ли, на стене у друзей, в кадрах его фильмов, останутся у него дома или уйдут в музей,— покажет время.

А пока что Параджанов клеит коллажи-эскизы, разыскивает утварь и конструирует костюмы для фильма, к которому он приступает. Это будет «Демон» по Лермонтову.

Фото Александра ТАМБУЛИДИСА и Михаила САВИНА

ЧИТАЯ БЮРОКРАТОВ

СВЕРХЗАДАЧА ДЕДУШКИ МАЗАЯ

Помните зайчика, которого мы рисовали в школе? Вспоминаете, как, старательно высунув язык, вырисовывали усы и ушки? И это было пустое баловство и расшатывание учебной дисциплины.

Современная педагогическая наука в лице НИИ школ Министерства просвещения РСФСР говорит безыдейному зайцу свое категорическое «нет!». Если уж он хочет сохранить свою прописку в школе, то должен не просто прыгать и грызть морковку, что его природе свойственно, но и нести некую общественно-воспитательную нагрузку.

Например, такую. Тема урока рисования во втором классе — иллюстрирование известного стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы». Задачи урока (цитируем): «Воспитание у детей сочувствия к зайцам, чувства радости и гордости за красивый поступок дедушки Мазая» (стр. 111). Замечаете, как заяц растет, как гордо расправляет уши, проникнутый важностью своей гуманистической сверхзадачи?

Полезно, например, рисовать пионерский барабан, или офицерскую фуражку на столе, или детскую лопатку и ведерочко. Кто ж спорит — предметы как раз подходящие, чтобы постичь азы художества: форму, цвет, свет. Но специалисты НИИ школ этим мало удовлетворены. Вот какие сверхзадачи ставят они перед соответствующими уроками: «трудовое воспитание школьников» (ведерко — стр. 72), «идейно-политическое воспитание школьников» (барабан — стр. 98), наконец, «военно-патриотическое воспитание учащихся» (фуражка — стр. 128).

Выполнение на уроке эскиза лепного пряника преследует далеко идущую цель — «содействовать воспитанию любви к истории своего народа, сохранению и бережному отношению к историческим памятникам...» (стр. 111). Рисование же с натуры фруктов и овощей развивает у детишек «сопереживания, чувство гордости за славный труд на полях страны колхозников...» (стр. 59, 60).

Вы правильно думаете: вряд ли учитель в здравом уме понесет в классе подобную дичь. Тем не менее именно такие уроки рекомендуют ему «Методические разработки и рекомендации к экспериментальной программе «Изобразительное искусство» для I—III классов.

Трудно спорить со столь высокоучеными педагогами, как доктор наук и лауреат Государственной премии СССР профессор В. С. Кузин, особенно в том смысле, что «лес и родина нераздели́мы, и в их судьбе много общего» (стр. 112). Но, может быть, мы позволим нашим детям хоть изредка просто порисовать, не подгоняя под это милое их сердцу занятие бетонный псевдоидеологический фундамент?

Леонид НИКИТИНСКИЙ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

Оперуполномоченный МУРа майор Басков и следователь прокуратуры Степанов расследуют дело об убийстве Анатолия Никитина, происшедшем в квартире его бывшей жены Татьяны. Проверка ее второго мужа Кузьмичева не привела к разоблачению убийцы. Не продвинулось дело вперед и после поездки Степанова в Таллин, куда нередко наведывался Анатолий. Зная, что он часто бывал и в Баку, решили поискать там связанных с Никитиным людей среди имеющих отношение к торговле поддельными пакетами с надписью «Мальборо». Их дарил Анатолий своей бывшей жене. Через продавца пакетов они вышли на Сатпаева, которому привозил товар Никитин. Теперь пакеты доставляет ему Женя. Приехавший в Баку Женя рассказал Баскову, что знает только Осю, которому отдает выручку. Товар же он берет в заброшенном сарае после телефонного звонка. Возвратившись в Москву, дождались звонка Оси и поехали на встречу.

Сын Сашка только что вернулся из школы. Они вместе пообедали, а потом Басков решил переодеться. Прикидывая, во что, он вспоминал строчки из журнала мод, которые однажды прочла ему жена. Одежда, как предписывают тонкие правила этикета, должна соответствовать... Чему? Одну фразу он помнил наизусть: «Элегантный мужчина конца двадцатого века стремится, чтобы наряд соответствовал его облику, характеру, настроению». Вот именно — настроению. Лучше не скажешь. Поссорился с женой — надевай пиджак из кожзаменителя каменноугольного цвета и иди в магазин за вареной колбасой, помирились — переоденься в элегантные брюки цвета весенней пашни и садись к телику. Замечательно все-таки, что существуют журналы мод. Они всегда вам подскажут, когда, что и как.

— Саша, ты мои старые синие джинсы не видел? — спросил Басков у сына.

— В моем шкафу посмотри,— подсказал Сашка.

Точно, джинсы были в шкафу. Потертая кожаная куртка — на вешалке у двери. Кроссовки — под вешалкой. Через пять минут он был одет согласно тому разделу правил этикета, который начинается словами: «Отправляясь на вечерний прием...» Если слегка вольно трактовать веления моды относительно соответствия одеяния настроению, то следовало считать Баскова в данный момент одним из самых элегантных мужчин. Не хватало только пистолета под мышкой. Но позже, вечером, у него будет и пистолет — «Макаров» калибра девять миллиметров...

Фокин приехал из совхоза в девятнадцать тридцать. Он узнал, что Егор Петрович Друкин, в чьем доме Ося намеревался оставить деньги, работает начальником мастерских парникового отделения. Прибыл он в совхоз из Калуги. Неделю назад взял очередной отпуск и поехал отдыхать, если сведения верны, именно в Калугу.

Потом Фокин попросил лист бумаги и карандаш и начал рисовать. Проведя на левой половине листа сверху вниз две параллельные линии, объяснил:

— Это шоссе.— Под тупым углом от шоссе вправо он провел еще две параллельные линии.— Это отвилок.— На конце отвилка, справа от него, начертил маленький прямоугольник.— Это совхозные мастерские парникового отделения, длинный одноэтажный кирпичный барак.— Напротив барака он нарисовал квадратик и к нему приделал скобочку.— Здесь дом Друкина. Из толстой сосны. С верандой. Вход через веранду. Дом подсоединен к электролинии, есть и телефонный кабель, телевизионная антенна. Огорожен штакетником. На участке за домом стоит гараж из белого кирпича. Дорожка к гаражу бетонированная.— Он нарисовал выше прямоугольника и квадрата такие же геометрические фигуры различной площади.— Справа совхозные постройки и поля, слева кирпичные жилые дома.

— Спасибо, Сергей,— сказал Басков.— Отправь запрос в Калугу.

В надежде, что Ося что-нибудь все-таки надумал, Басков велел доставить его в кабинет. Однако ничего нового он не сказал. Если в нем и произошли за время пребывания в камере какие-нибудь перемены, то они выражались лишь чисто внешне — исчез румянец со щек. И в глаза он не смотрел прямо.

— Ну что ж, как стемнеет, поедем в совхоз,— сказал Басков.— Вас кормили?

— Не хочу,— ответил Ося.

15

Фокин и Коротков уехали на служебной машине в 22.30. В 23.00 со двора дежурной части тронулись белые «Жигули». На месте водителя сидел Денис Барышев, рядом с ним Ося, а сзади Басков. На сиденье возле Баскова лежал пустой кейс.

Ося показывал дорогу. Доехали до кольцевой, по ней сделали десяток километров, потом свернули на шоссе к совхозу.

По бокам тянулся молодой березовый лес, распустившийся еще не в полный лист. Шорох шин стал слышнее. Запоздалая галка или ворона, не разобрать, летела быстро, вровень с ними, вдоль дороги над сквозящими кронами березок, наверное, ночлег у нее был где-то в матером лесу.

— Лажа это все, лажа! — с неожиданной страстью сказал вдруг Ося, подаваясь вперед всем корпусом. Казалось, он убеждал кого-то, спорящего с ним.— Говорил я Лене, а он...— Ося ударил ребром ладони по козырьку щитка.— Вот тебе и дуплет.

— Леня — это ваш хозяин, что ли? — поинтересовался Басков.

Ося не ответил.

Березовый лес кончился. Справа, вдали, горели два ряда белых огней, как улица в городе. Это и был совхоз.

Крутанув на отвилок, Барышев остановил машину и вышел.

По плану отсюда он должен идти в поселок пешком. Если в доме Друкина кто-то есть, его встретит Фокин, и Барышев должен предупредить Баскова. Если нет, Барышев занимает предназначенную ему позицию, которую укажет Фокин.

Ося повернулся к Баскову.

— Хочу сказать...— Он почмокал губами и замолк.

На приборной панели мигала алая пуговка поворота — Барышев забыл выключить. Мешаный, как от радуги, свет панели подсвечивал белки широко открытых глаз Оси, и Баскову казалось, что он ощущает на своем лице жаркий их отблеск.

— Хочу сказать, я преступник, подлец, что угодно...— Ося говорил медленно, с болью, отсекая слово от слова, как ножом.— Что угодно, но...— Он опять замолк. Басков ждал продолжения, но Ося отвернулся.

Пуговка на панели все мигала.

— Садитесь за руль. Выключите сигнал поворота,— сказал Басков.

Хотел ему Ося что-то сказать, определенно хотел. На весах каких-то взвешивал, но что?

Издали Басков узнал по чертежу, который чертил Фокин, длинный барак мастерских и дом с верандой. Окна дома были темны.

Барышев их не встретил...

Ося съехал на бетонную дорожку выключил зажигание.

— Приехали? — спросил Басков.

— Вот.— Ося кивнул на дом.— Никого нет.

Ося первым поднялся по пяти ступеням. Дверь веранды была не заперта. Найдя на связке нужный ключ, Ося открыл входную дверь; пошарив по стене, щелкнул выключателем. Они стояли в длинном коридоре. Слева было две двери, справа — одна.

Ося пошел в дальнюю левую дверь, зажег там свет. Басков — за ним. Это была кухня. Газовая плита, холодильник, эмалированная мойка, пестрый серый линолеум, на окнах шторы с яблоками, грушами и прочими фруктами — все как в городской квартире.

Вернулись в коридор. Басков показал на ближнюю к веранде дверь, мимо которой Ося прошел.

— А тут что?

— Кладовая.

— Посмотрим.

Басков сам нашел выключатель.

Кладовая, размером ровно с кухню, пустовала. Вдоль стены стояло нечто вроде верстака. Окон нет.

По другую сторону коридора располагались две комнаты, первая — проходная.

Ося зажег свет в обеих, Басков осмотрел их. Вторая служила спальней — деревянная кровать, шкаф, тумбочка с лампой под желтым абажуром, в углу телевизор на большой тумбе. «Цветной»,— отметил про себя Басков.

В первой комнате — круглый стол, стулья, сервант и два дивана, поставленные по стенам углом.

— Вы что же, деньги посреди комнаты бросаете? — спросил Басков, ставя кейс на стол.

Видимо, что-то все-таки надломилось в душе у Оси, когда он так неожиданно заплакал там, в машине.

— Есть тайник,— сказал он, подошел к дивану у торцовой стены, отодвинул его, нажал ногой на плинтус. Что-то щелкнуло, из стены выдвинулся на высоте колена широкий, но не глубокий ящик.

Басков заглянул в него. Содержимое ящика выглядело довольно причудливо. Банка из-под индийского растворимого кофе. Корень женьшеня. Прозрачные резиновые медицинские перчатки. Стальной шар чуть меньше теннисного мяча с приваренной к нему короткой петлей из велосипедной цепи, к цепи привязана другая петля, резиновая,— это самодельный кистень. Басков взял кофейную банку, она была тяжелая не по объему, словно литая из свинца. Тряхнув ее, Басков услышал мелодичный звон.

— Вы присядьте,— сказал он Осе.

Сам он сел к столу так, что через открытую дверь комнаты ему была видна входная дверь, ведущая на веранду. Ося хотел выключить свет в коридоре, но Басков сказал:

— Пусть горит.

Ося сел напротив.

Басков собирался закурить, когда увидел в коридоре человека. И тут же услышал стук своего сердца, можно считать удары без пульса.

Дверь веранды никто не открывал. Никакого звука шагов... Но вот он, стоит.

Басков невольно посмотрел на его ноги. Адидасовские кроссовки, точно такие, как на нем самом. Только новые. Вот почему он так неслышно появился. Но откуда? Через окно в кухне? Оно закрыто. Басков верил своему слуху, он засек бы даже шелест газеты, если бы кто-нибудь разворачивал ее на кухне. Невозможно совершенно бесшумно открыть окно, пусть оно и не заперто.

Поднимая взгляд выше, Басков увидел синие спортивные брюки, потом серый свитер и, наконец, лицо. Серо-голубые глаза смотрели на него брезгливо. Рослый, плечистый, блондинистый. Что-то зыбко знакомое чудилось Баскову в его облике.

Руки человек держал за спиной. Утихшее было сердце снова заставило считать свои удары...

Может быть, целую минуту длилось это взаимное разглядывание, а Ося ничего не замечал.

Человек нарочито кашлянул. Ося обернулся.

— Дай ключи от машины,— приказал человек. Он разговаривал так, словно Баскова здесь не было.

Ося встал, отдал ключи.

Басков повернулся на стуле левым плечом к двери и сунул правую руку за борт куртки. Человек, принимая левой рукой ключи от Оси, смотрел не на него, а на Баскова. Он следил за его движениями, и Басков видел это, видел, что свою правую руку человек по-прежнему держит за спиной.

— Садись,— сказал человек.

Ося сел лицом к нему.

Человек посмотрел на выдвинутый ящик тайника.

Басков следил, как за стрелкой индикатора, за правым локтем человека. В тот миг, когда эта стрелка дрогнула, он скользнул на пол, выхватил из куртки пистолет.

Прогремел выстрел. И тут же второй.

Патрон был уже в патроннике, но человека в двери Басков не увидел.

Ося упал со стула. Теперь он неуклюже поднимался. Из-под закатанного рукава черной рубахи по белому предплечью в сложенную горстью кисть широким ручьем бежала кровь.

Басков ни на секунду не терял над собой контроля. Он видел, что дверь на веранду не открывалась. Он знал, что кто-то из его товарищей блокирует

Окончание. См. «Огонек» №№ 47—51.

выход из дома. Человек мог исчезнуть только на кухню. Но через окно ему тоже не уйти.

Поднявшись, Басков подбежал к двери, поглядел в щель между дверью и косяком. В коридоре пусто. Кладовую можно не проверять... Сквозь звон в ушах он услышал тихий голос Оси и оглянулся.

— Он там.— Ося показывал пальцем в пол.

— Погреб? — догадался Басков.

— На кухне... Нажать под окном. Ход в мастерскую...— Ося вдруг сполз со стула.

Басков ужаснулся: на полу уже образовалась лаково блестевшая большая лужа крови. Вероятно, у Оси задет крупный сосуд.

Басков выскочил через веранду во двор. Слепой после ярко освещенной комнаты, зажмурился на секунду, чтобы быстрее привыкнуть к темноте, позвал:

— Фокин!

— Леша, мы здесь! Сергей на дороге!

Это был Коротков. Возле угла, откуда было видно темное окно кухни, стоял Барышев.

Басков сказал Короткову:

— Он в мастерской. Крикни Сергею, пусть перекроет. За тобой окна.

— Окна с решетками.

— Тем лучше. Валяйте вместе.

Коротков выбежал через калитку.

Басков подозвал Барышева.

— Денис, где наша машина?

— Вон.— Барышев махнул рукой.

Их серая «Волга» стояла на дороге, закрыв выезд с бетонной дорожки.

— Возьми аптечку. Ося ранен. Перевяжи. Быстро! — И бросился в дом.

Ося лежал навзничь с закрытыми глазами. Лужа расползлась еще шире.

Басков крадучись достиг кухни, зажег фонарик, затем включил лампу и осмотрел пол.

Пестрый узорчатый линолеум не позволял разглядеть какие-нибудь очертания люка, крышки хода, ведущего в подвал. Басков открыл окно и неожиданно услышал топот на дороге, а выглянув, увидел троих — Фокин и Коротков вели человека в сером свитере.

— Стойте там! — крикнул Басков.

Барышев сидел на корточках над недвижным Осей. На левой руке у самого плеча чернел резиновый жгут, завязанный бантом, как на детских ботинках. Пуля попала в бицепс, рана сквозная.

— Как?

— Не течет,— сказал Барышев.

— Сердце?

Барышев поискал пульс на пухлом запястье раненой руки.

— Проверьте ваши часы. Раз, два, три...— Счет был нечастым.

Басков поморщился.

— Не знал, что ты такой шутник.

— Подумаешь... А он не шутник, Алексей Николаевич?

— Ладно. Перенесем. Кликни Короткова. Жгутик отпусти немного.

Басков стал искать Осину пулю. Та, что предназначалась ему, скорей всего ушла наискосок в стену, разделявшую комнаты, ее сейчас не найдешь.

Чуть сплюснутый свинцовый цилиндрик он нашел, как ни странно, под столом. Калибр 7,62. Наверно, из старого отечественного стрелял. Басков опустил пулю в кармашек рубашки, застегнутый на пуговицу.

Пришел Барышев. Вдвоем они еле-еле донесли Осю до «Жигулей», положили на землю возле машины.

Басков вернулся, взял со стола связку Осиных ключей. Прежде чем выключить свет, он оглядел себя. Джинсы и руки были перемазаны кровью. Не вся кровь на полу успела свернуться и засохнуть.

Закрыв окно в кухне, выключив везде электричество и выйдя на веранду, он минут пять ковырялся с дверью: ключей в связке Оси было не менее двенадцати штук.

Барышев был при Осе. Трое стояли на дороге. Басков пошел к ним.

— Из чего стрелял?

— Тэ-тэ. В обойме пять патронов,— сказал Фокин.

Басков подержал в руке пистолет. С такими, отец рассказывал, воевали на фронте. Но этот был как новенький.

— Ключи от машины при нем нашли?

— Вот. В кроссовку засунул.— Коротков протянул ключи.

— Нет,— сказал Басков.— Идем погрузим Осю, и гони в больницу.

Они с трудом поместили Осю на заднее сиденье, и Коротков уехал.

Басков закурил, поглядел на стрелка. Он, как там, в доме, держал руки за спиной, но сейчас на них были наручники. И осанку он имел не такую великолепную.

Только тут Басков отметил одно несообразие: человек в дачном облачении и вооружен. Не ехал же он из города вот так, с пистолетом в руке. И на чем ехал? Но сейчас было не до этого.

— Сергей, ты останься,— сказал Басков Фокину.— Утром приедем.— Басков кивнул на задержанного.— Как это вы его?

— Еле поспели. Выскочил из двери, Коротков подножку, я сверху.

На циферблате автомобильных часов было десять минут первого.

16

Со всяким так порою случается: прочел, скажем, где-то когда-то давно заметку о вреде курения, обнадеживала и ободряла, что, мол, среди бросивших вредную привычку даже после шестидесяти пяти лет смертность от сердечных заболеваний на пятьдесят два процента ниже, чем у небросивших, и хочется почему-то непременно вспомнить, в какой газете она была напечатана. Иногда и уснуть человек не может, мучается, пока не вспомнит, хотя это и ни к чему, и никому не нужно.

Похожее было с Басковым, когда, приехав во втором часу ночи на Петровку, он отправил в камеру не пожелавшего разговаривать неудачливого стрелка.

Отчасти безотчетно, но все же повинуясь раздражающему желанию вспомнить, он достал из сейфа фоторобот «Тренера», сделанный со слов Касимова и Брошина. И точно, стрелок мог бы послужить моделью для этого фотопортрета...

Они начали утром в половине десятого. Привели стрелка. Были наготове четверо мужчин, подходя-

щих по комплекции и летам. Были понятые. Стульев в кабинете у Баскова не хватало, добавили стульев. Касимов и Брошин сидели в соседнем кабинете.

Процедура опознания длилась не дольше обычного, с единственной секундной заминкой. Перед тем как ввели Брошина, стрелок сидел с опущенной на грудь головой, ему велели поднять голову и держаться прямо.

Брошин и Касимов опознали «Тренера» без малейших колебаний. Был составлен протокол, и в кабинете остались трое — Степанов, Басков и «Тренер». В коридоре у двери прохаживался конвоир.

«Тренер» согласился давать показания и назвал себя: Брылин Константин Антонович, 1948 года рождения, уроженец Москвы, холостой, работает инструктором в ДСО «Урожай».

На вопрос о документах Брылин ответил, что они в его костюме, а костюм и туфли — дома у Егора Друкина, в шкафу. Таким образом разрешился и вопрос о несообразии одеяния, мелькнувший у Баскова ночью там, в совхозе...

На этом месте Степанов неожиданно прервался.

— Вы на минутку выйдите,— сказал он Брылину.

Басков позвал конвоира, тот вывел Брылина в коридор.

— Ты чего? — спросил Басков.

— Ося в машине какого-то Леню поминал, да? — Он ногтем постучал по магнитофону.

— Ну?

— А брата Татьяны Никитиной как зовут?

— Я об этом и не думал. Леонид, что ли?

— Угу. Подожди-ка...

Степанов заглянул в папку с материалами дела, снял трубку с телефона, но прежде чем набрать номер, спросил:

— Машину организуешь?

— Попробую.

Степанов позвонил Никитиной. Она узнала его по голосу.

— Слушаю, Михаил Иванович.

— Вы сможете отлучиться часа на полтора? За вами приедут.

— Конечно.

Басков организовал машину. Степанов сказал:

— Знаешь, Леша, я, кажется, не совсем готов к допросу этого субъекта. А если сейчас Никитина сообщит нам кое-что, так и подавно.

— Отправить его?

— Пожалуй.

Конвоир увел Брылина.

С телетайпа принесли ответ из Калуги.

Друкин Егор Петрович оказался дважды судимым. Оба раза за квартирные кражи. По специальности слесарь-наладчик типографских машин и оборудования, по отбытии последнего срока работал на стройках. Выписался из Калуги три года назад.

Татьяна Никитина, когда вошла, имела вид недоуменно-недоверчивый, может быть, потому, что не в тот дом ожидала попасть. Степанов не предупредил ее, что приглашает не к себе в прокуратуру, а на Петровке она, наверное, раньше не бывала.

Степанов поднялся навстречу.

— Извините, Татьяна Васильевна, надобность заставила.

— Ничего.

Она оглядела стулья, их было в тесном кабинете штук десять. Недоумение еще оставалось на ее лице, вероятно, из-за стульев. А недоверчивость растаяла. Тем более что и Басков был знакомым человеком.

Степанов усадил ее у стола.

— Хочу спросить, Татьяна Васильевна. Не приходилось ли вам слышать такое имя — Иосиф Георгиевич Гольдманян?

— Я хорошо его знаю,— удивляясь как бы не самому вопросу, а тому, что кто-то может сомневаться в ее знакомстве с Иосифом Георгиевичем, ответила она.

— Давно?

— Ну-у... лет десять... Да, я тогда оканчивала институт.

— А как вы познакомились?

Она покраснела, поняв, что ее слова могут не так истолковать.

— Но он же друг моего брата.

— Понятно. Они и подружились десять лет назад?

— Если я не ошибаюсь... Но после оказалось, они учились в одной школе. Правда, Ося года на три моложе, они тогда не водились.

— А что он за человек, Иосиф Георгиевич?

— Ну как?.. Обыкновенный... Веселый, компанейский... Они семьями дружат. У него очень симпатичная жена...

Степанов поглядел на Баскова, в задумчивости потер крепко кулаком подбородок. Казалось, он боролся с каким-то искушением. И, покачавшись, поломав себя, искушение преодолел.

— Ну, спасибо, Татьяна Васильевна. Мы вас еще потревожим. Может быть, даже завтра.

— Хорошо.

Никитину проводили.

Баскову не надо было объяснять, о чем подумал Степанов.

— Чего ж ты заделикатничал? — сказал он.— Повезли бы в госпиталь, она бы его навестила. Милое свидание, и Осе деваться некуда.

Он говорил это просто так, для подначки насчет деликатности, а не из-за нерешительности Степанова. Он бы, наоборот, до глубины души оскорбился за Степанова, если бы кто-то всерьез мог посчитать, что тот способен вот так, выдернув женщину со службы для пятиминутного разговора, пригласить ее на свидание с семейным другом, который лежит в больничной палате с простреленной рукой.

— Да-а, недурственно было бы,— мечтательно проговорил Степанов.

— У тебя Леня и так в руках.

Степанов встал, прошелся, расталкивая коленями стулья.

— Не знаю, как тебе... Много мы с тобой всякого навидались, а мне что-то жутковато.

Басков не уловил точного смысла этих слов.

— А чего? Все насквозь просвечивается. Брать его надо.

— Я не про то. Ты смотри, компания подобралась. Не часто встретишь.

— Что дальше?

— В совхоз. Посмотрим все как следует... А пока... Не позвонить ли нам в больницу?

Баскову сказали, что Иосифу Георгиевичу сделана операция, ушита плечевая артерия. Была большая потеря крови, ему влита тысяча кубиков. Состояние удовлетворительное, прогноз хороший. Когда с ним можно будет говорить? Если положение не изменится, хоть завтра.

Директор совхоза Иван Иванович Михайлов, небольшого роста толстяк лет пятидесяти, ленивый в движениях, но с быстрой, отрывистой речью, показывал им мастерскую теплично-парникового отделения. Сообразив, что начальник мастерских замешан, вероятно, в какую-то темную историю, он не очень-то испугался, но озадачился. Шофер-то ему докладывал, что Егор Петрович остался в городе у приятеля, ну, там небольшой загул, с кем не бывает. Арест — это уже посерьезнее...

Малую часть мастерской занимали станки — токарные, сверлильные, шлифовальные, не самых новейших моделей, а большую — какой-то длинный низкий агрегат и несколько агрегатов высоких и узких.

Почему-то ни одного рабочего не было.

— Здесь мы делаем полиэтиленовые покрытия... Для теплиц и парников,— сердито объяснял Иван Иванович.

Степанов показал на штабель сложенных пачками прозрачных пакетов.

— А это?

— Мешочки для рассады. Убыстряют рост. Могут служить защитой от вредителей. В садах. Я не агроном. Не могу подробно.

— И все это, так сказать, на свою потребу?

— Зачем? Кто просит — продаем. Официально. В бухгалтерии задокументировано.

За штабелем в углу увидели откинутую крышку люка.

— Посмотрим там,— предложил Басков.

Вниз вела почти вертикальная железная лесенка с одним металлическим поручнем-прутом, как на корабле или на домне. Степанов и директор, подойдя к люку, украдкой покосились друг на друга, на уровне живота, вероятно, примеряли на себя площадь дыры и испытывали сомнения. Басков спустился первым, зажег свой карманный фонарик, включил электричество и смотрел теперь на них снизу. Наконец они решились.

Во всю длину мастерской, правда, чуть поуже ее, тянулся бетонный подвал. Главное место отведено двум агрегатам, один из них напоминал чем-то типографскую печатную машину. Оба они при свете люминесцентных ламп поблескивали хромом и выглядели щеголевато — не чета верхним собратьям. Вдоль одной стены — деревянные стеллажи, на них разнокалиберные жестяные банки с этикетками — краска. Вдоль другой — широкий прилавок, на нем три груды пакетов, но не таких, как наверху. Они были больше и с прорезями для захвата, чтобы носить в руке.

Под прилавком валялся распоротый с одного края пакет с надписью «Мальборо» — брак.

— А здесь что вы делаете? — спросил Степанов.

Иван Иванович был озадачен больше, чем при вести о начальнике мастерской, но солидность не позволяла и помогала ему это скрывать хотя бы наполовину. Он только стал немного побагровее.

— Первый раз вижу.

Было очевидно, что это правда. Он, словно позабыв о своих неприятных гостях, обошел вокруг агрегатов, оглядел, ощупал, даже понюхал с боков и снизу, с трудом нагибаясь и возмущенно сопя.

— Не понимаю. Первый раз вижу,— повторил он, отряхивая ладонь о ладонь.— Не знаю, на балансе это, не на балансе. Проверить надо.

На торцовой дальней стене подвала была металлическая дверь, запертая на задвижку. Басков открыл ее, зажег фонарик и увидел длинный, как тоннель, сводчатый коридор шириной метра два, упиравшийся точно в такую же дверь. Бетонные бока и темя коридора были гладкие, явно не любительской выделки. Открыв дверь и обратив внимание, что она имела задвижку и на другой стороне, он очутился в бетонированном же, но квадратном и невеликом подвале, на чистом полу которого в углу лежали рядком пачки пакетов «Мальборо» — склад готовой продукции. Посветив в потолок, он увидел крышку люка, запертую устройством, напоминавшим чемоданный замок с пружиной. От него по потолку влево тянулся стальной трос, другим концом связанный со штырем, торчавшим из потолка. Басков догадался, что там, наверху, должна быть педаль этого простого рычажного механизма, которую он безуспешно искал ночью. Поднявшись по лесенке, он потянул за трос, щелкнул замок, рукой он откинул крышку, и в подвале сделалось светло без фонаря. Он хотел подняться, но тут услышал зов, посветил Степанову и Ивану Ивановичу в коридоре и потом помог им взобраться по лесенке.

Между тем Иваном Ивановичем, который спускался через люк в мастерской, и тем, который появился из люка в кухне Егора Петровича, разница была такая, что Басков глазам не поверил. От люка до люка расстояние было, ну, метров с полсотни, но всякий сердобольный человек, посмотрев на Ивана Ивановича, немедленно предложил бы ему помощь, как потерпевшему неудачу путешественнику, пленнику пустыни Каракумы, преодолевшему без воды и пищи гибельные дюны, барханы и такыры. Иван Иванович почернел и, кажется, похудел.

Степанов и директор, остановившись в дверях комнаты, там, где ночью стоял стрелявший Константин Брылин, глядели на лакированный пол. Бурые пятна разных форм и размеров покрывали всю половину справа от стола, прочерченные кое-где трещинами, кое-где похожие на лупившуюся от сухости и солнца масляную краску. Пахло душно и сладковато, как в мясном отделе магазина, не хотелось дышать этим воздухом. Иван Иванович вынул платок, стал вытирать шею под воротником рубахи, лоб, все свое одряблевшее вдруг лицо. Степанов был как всегда, ему лишь трапы не пригланулись.

Басков распахнул окно, пошел в спальню, открыл шкаф. Одежду Егора Петровича легко было отличить от дорогого серого костюма Брылина. Басков взял его. На дне шкафа стояли узконосые светло-коричневые туфли, их он тоже взял.

Степанов с директором вернулись в кухню и сидели у стола. Басков спустился в подвал, выдернул из пачки два пакета, сложил костюм и туфли и поднялся наверх.

Он поглядел на собеседников, и ему стало жаль Ивана Ивановича. Директор повествовал об истории создания мастерских. Ему было трудно. Фразы его стали еще короче и отрывистей, и произносил он их так, словно для каждой требовалась остановка, чтобы собраться с силами. Казалось, после каждой из них он не станет продолжать, а спросит с горечью: «Но как же так?!»

В связном переложении с директорского рассказа история вырисовывалась так.

Четыре года назад совхоз постановил обзавестись тепличным и парниковым хозяйством — дело, как известно, прибыльное. Посоветовавшись в столице со сведущими людьми, директор решил поставить все на широкую ногу, с использованием достижений агротехнической науки и в духе современных веяний. Стеклышки в жидких рамочках — это уже старо, это еще при Екатерине Второй в Санкт-Петербурге умели, да еще и лучше нашего, вплоть до ананасов или там орхидей с острова Борнео. Сейчас царица, императрица и королева — пленка. Есть у тебя пленка — ты с миллионом, нет — считай копейки.

Сведущие люди познакомили директора с Иосифом Георгиевичем Гольдманяном, заместителем начальника отдела снабжения и сбыта на заводе, где производят пленку. Он помог на первых порах побыстрее, вне очереди что ли, получить ее. Но все было на законных основаниях, в общем порядке, все задокументировано. Только побыстрее.

А потом Иосиф Георгиевич подал конструктивную мысль: почему бы совхозу не наладить собственное небольшое производство? Пленку ведь надо склеивать или там сваривать. Очень перспективное направление — использование полиэтиленовых мешочков. Их тоже можно самим производить. Ну и так далее.

Мысль понравилась, но необходимо соответствующее оборудование, надо возводить специальное под это здание... Иосиф Георгиевич обещал всемерную помощь, а так как начинать надо со строительства, он познакомил директора со своим другом, инженером строительно-монтажного управления Леонидом Васильевичем Ляриным. Тот проявил полное понимание задачи и принял идею всей душой. Может

быть, при выполнении и оформлении подрядных работ были допущены некоторые вольности, но самую малость, ничего особенного, не страшнее обычного, как у других, без этого не обойдешься, потому что в конце-то концов все на общую пользу.

Леонид Васильевич в кратчайшие сроки поставил вот это здание мастерских, а заодно и вот этот дом для будущего начальника, которого, кстати, он же несколько позже и порекомендовал, и оказался Егор Петрович мастером — золотые руки.

В две недели мастерские были готовы, а оборудование начали завозить еще в разгар строительства, Иосиф Георгиевич сдержал слово, помог благодаря своим служебным связям пробить заявку на списанные где-то, устарелые станки и машины, обошлись они совхозу дешевле махорки.

Заодно, между прочим, не выходя за пределы договорной сметы, строители подновили всю дорогу в пределах расположения совхоза.

Ну, затем смонтировали оборудование, составили штаты теплично-парникового отделения и его мастерской, укомплектовали, и уже в следующем году не только все затраты окупились, но еще и с прибылью свели тепличную статью совхозного бюджета. А через год прибыль утроилась, и в этом году надо ожидать дальнейшего роста доходов.

Так что сетовать директору на затею с теплично-парниковым отделением не приходится.

Об остальном, что касается мастерской, Иван Иванович знать не знал, ведать не ведал. Об остальном Степанов знал сам.

— Вы, как понимаю, в дела мастерской не очень-то вникали,— не то спросил, не то утвердительно сказал Степанов.

— Работают хорошо. Доход обеспечивают... Что лишний раз теребить? Только людям мешать. Есть послабее.

— Скажите, Иван Иванович, а вы незнакомы с Брылиным Константином?

— С каким Брылиным? Не знаю таких.

— Может, он у вас числится?

— Сейчас.— Директор подошел к серванту, где стоял телефон, набрал трехзначный номер.

— Зоя, возьми штатное, посмотри — Брылин... Да, Брылин. Ты что, мать, оглохла?

Он минуты две стоял, утираясь платком.

— Да. Так... Все.— Положил трубку и сказал: — Числится. Автомеханик. Сто десять карбованцев.— Почему-то он назвал рубли по-украински.— Никогда не видал.

Чтобы не гонять двух немолодых толстяков по трассе с препятствиями, Басков пробежал по ней в одиночку, отпер дверь с веранды, выпустил их на свежий воздух, закрыл на задвижки обе железные двери в подземном коридоре, захлопнул люк, закрыл окно и наконец вышел сам. Запирая дверь дома, он услышал, как Иван Иванович говорил в сердцах Степанову, уже не отрывисто:

— Да поймите, дорогой мой, у меня этих гавриков двести с лишком душ, а баб — вдвое. Ну, бабы ладно, мужики тоже есть, сказал — сделает, а ведь другой архаровец как? Накинешь — приходи к обеду, проверяй готовое, пожалеешь — нам тоже не к спеху. Ты ему: а вот я тебе выговор влеплю. А он: а его я в золотую рамочку и над кроватью повешу.

— Ну а премии лишить или еще как? — подал рационализаторское предложение Степанов.

— Ха! — Иван Иванович снял кепку и покрутил своей круглой головой так, что влажные белесые волосы, свалявшиеся под кепкой, рассыпались во все стороны. И повторил с насмешливостью обреченного: — Ха! Вон, видите? — Он показал рукой вдаль, за дорогу. Там торчали две тонкие, как карандаши, заводские трубы.— Силикатный. Плюнет и уйдет. И возьмут характеристику и разворачивать не будут. А подальше — еще завод, еще фабрика. Ему вакансий на пятьсот лет хватит. А у меня столовка кормит — в Москве не покушаешь, мясо свое, в обед за полтинник четыре блюда. Дворец, баня с паром, веники на всю зиму заготавливаем. Какого еще рожна? Работай! — Он передохнул и спросил совсем из другой области: — Неприятности будут?

— Пирогов и пышек я бы на вашем месте не ожидал,— сказал Степанов.

— К шишкам не привыкать,— энергично выдохнул Иван Иванович.— Я вам больше не нужен?

— Спасибо. Мы домой.

— Счастливого пути.

— Всего доброго.

Степанов и Басков пожали директору руку и уехали.

Леонида Васильевича Лярина арестовали вечером того же 18 мая возле его гаража, когда он поставил машину.

Егора Петровича Друкина доставили из Калуги 19-го.

С Юры пока была взята подписка о невыезде, что сильно его опечалило, так как он намеревался отдохнуть у моря, омыть свои утомленные чресла в соленых водах Понта Эвксинского, как, по утверждению энциклопедий, называли древние греки Черное море, оно же Гостеприимное, ибо Эвксинский в переводе означает «гостеприимный». Четыре отцовские энциклопедии, в том числе Брокгауза и Ефрона, Юра, согласно неоригинальному обычаю своих единомышленников и братьев по социальному положению родителей, давно продал, но кое-что из прочитанного он еще помнил. Так что ему не было жаль осиротевших книжных полок, да и деньгами он в данный момент располагал.

Ося уже с понедельника 21 мая чувствовал себя настолько здоровым, что мог давать показания вне больничной палаты. Он их давал со всей откровенностью, на какую был способен. Между ним и Леонидом Васильевичем Ляриным во время очных ставок происходила малопочтенная грызня: каждый старался уверить Степанова, что главарем, лидером преступной группы был не он, а вот этот сидящий напротив гражданин. Такие коллизии всегда бывают зеркальным отражением того, что существовало там, на воле. В зеркале ведь левое становится правым, правое — левым. На воле спор шел наоборот — кому быть главарем.

Константин Брылин заявил Степанову напрямик: мол, гражданин начальник, я человек грамотный, понимаю — от харьковского поезда и двух пуль в доме Егора Петровича не отмажешься, я и не буду, а лишнего на меня не вешайте. Он действительно был грамотный — отбыл десять лет за разбой. С Егором Петровичем Друкиным он познакомился в поезде, оба возвращались из колонии. Но колонии у них были разные, потому что разные режимы.

С Ляриным и Гольдманяном их свела судьба, так по крайней мере казалось Брылину. Он познакомился с Леонидом Васильевичем на пляже в Ялте, причем инициатором был Леонид Васильевич. Он искал кого-нибудь для компании, чтобы выпить.

Тут есть существенный момент. Если бы, скажем, Леонид Васильевич встретил Константина Брылина в Ялте не на пляже, где люди одеты в купальники, а на набережной, одетым в рубаху, хотя бы и с коротким рукавом, он бы искать с ним знакомства не стал. Дело в том, что поиск Леонида Васильевича носил целенаправленный характер. Ему необходимо было завести себе друга и помощника с уголовным прошлым. У Брылина не было татуировки на руках, зато на груди, спине и ногах желающие и имеющие такую возможность могли видеть прекрасно исполненные жанровые картинки. По понятиям Леонида Васильевича, каждый, кто имеет наколки, был уголовником. На самом деле это не совсем так, но у ложных правил, как и у неложных, тоже есть исключения, и в данном случае восторжествовал этот необязательный закон.

Леониду Васильевичу повезло даже крупнее, чем он ожидал: познакомившись с Брылиным, он заполучил и второго надежного помощника — Егора Петровича, а большего ему для задуманного предприятия и не было нужно.

Егор Петрович Друкин от всего отпирался и на допросах, и на очных ставках. Он был человеком недалеким, но основательным, за что особенно его ценил Леонид Васильевич, на чем и строил свои чудовищные планы.

Иосиф Георгиевич на одном из допросов объяснил, что Лярин выработал собственную тактику, которую он называл дуплетом. Суть ее в том, что если хочешь кого-то убрать, убери его и наведи след на другого, а чтобы не нашли концов, убери и этого другого. По этой схеме развивались события в апреле со среды до пятницы. Друкин убил Анатолия Никитина, навел след на Кузьмичева, а его должен был выбросить из поезда Брылин. Инсценировка с молотком и монетой была грубой, но если бы Александр Кузьмичев не постоял за себя, она бы, глядишь, и запутала все.

Егор Петрович отпирался даже после того, как ему предъявили найденную в его тайнике, в кофейной банке, золотую иностранную зажигалку с гравировкой «А. Н. от Л.», которая принадлежала Анатолию Никитину (подарок старого валютчика Яна Лациса из Таллина). Судебно-медицинская экспертиза дала заключение: учитывая характер ранения, нанесенного Никитину, при решении дилеммы, какой из двух предметов — молоток или кистень — можно с большей вероятностью считать орудием преступления, следует отдать безусловное предпочтение кистеню. Хотя в такой формулировке заключение могло служить лишь косвенным доказательством, оно все же было не в пользу Друкина.

Леонид Васильевич Лярин упорствовал и изворачивался две недели, и все это время Степанову было не по себе. При всей своей многолетней и разнообразной практике он с трудом верил, что рядом с ним, в Москве, в восьмидесятых годах двадцатого столетия, дыша с ним, со Степановым, одной атмосферой, может существовать такой субъект, как Лярин. Он показывал Лярина психиатру в тайной надежде, что тот найдет какую-нибудь патологию. Но нет, психика Лярина была в норме.

На исходе второй недели Леонид Васильевич заявил, что желает сделать чистосердечное признание в письменном виде. Оно составило семнадцать страниц, исписанных мелким почерком. В нем было много пространных рассуждений о смысле жизни, о власти денег, о том, как влияет голодное детство на формирование психологии человека, когда он становится взрослым, были даже и философские обобщения. Но чистосердечия, как почувствовал Степанов, не было. Читая признания этого человека, Степанов почему-то все время вспоминал свою соседку, очаровательную семилетнюю девочку Дину, златокудрую, как сказали бы древние греки, и очень смышленую, но вспоминал он ее не за златокудрость, а за то, как он услышал однажды этой весной, Дина кричала своей пешей подружке, восседая и догоняя ее на многокрасочном и многотрубном иностранном велосипеде, как она кричала: «А ты заткнись, блин, а то я тебя достану!» Такие взрослые слова и сами по себе претили Степанову, а в устах ребенка они удручали...

В заботе и старании представить себя жертвой послевоенных трудных лет, на которые пришлось его детство, Леонид Васильевич при писании невольно обнажал суть своих сегодняшних жизненных установок. И даже самый непроницательный человек легко мог уловить, что главное для него — деньги, деньги.

Степанов прочел показания несколько раз, просеивая их на мелком сите. Ему нужны были конкретные детали, а не пухлые обобщающие построения. Важно, например, установить, каким образом один из четырех билетов на харьковский поезд, приобретенных Константином Брылиным, очутился у Александра Кузьмичева. Оказывается, происходило это так. Татьяна попросила Анатолия Никитина, Никитин попросил Леонида Васильевича, а дальше все понятно.

Но как быть с отношениями между Никитиным и Леонидом Васильевичем? Ведь, по словам Татьяны, ее брат терпеть не мог ее бывшего мужа.

Леонид Васильевич, если говорить о полугоде, предшествовавшем убийству, действительно ненавидел Никитина, но Татьяна не знала всей правды. Она и вообразить себе не могла, каковы истинные взаимоотношения ее брата и бывшего мужа. Она не знала, что еще три с лишним года назад ее брат сделал Анатолия своим подручным, а затем и компаньоном, что именно потому и бросил Анатолий свою профессию и сделался киоскером. Все это тщательно от нее скрывалось.

Уже к марту Никитин и Лярин находились между собой в состоянии тихой войны, но поддерживали видимость прежней тесной дружбы. И билеты в Малый доставал для своей сестры Лярин по просьбе Никитина.

План убийства моментально сформировался у Леонида Васильевича, когда Никитин попросил его купить билет для Кузьмичева на харьковский поезд. Друкина он сговорил на том условии, что ему будут обеспечены ключи для проникновения в квартиру Татьяны и что половину золота, которое он найдет в квартире у Анатолия Никитина, он возьмет себе. Молоток, две оставленные монеты — все это тоже продумал Леонид Васильевич.

Но почему ему понадобилось идти на столь страшные преступления, зачем так необходимо было избавиться от Анатолия Никитина?

На этот вопрос он ответил в своих письменных показаниях, правда, довольно скупо:

«А. Н. знал все мои дела... В начале нашей совместной работы он получал свою долю, то есть проценты за реализованную продукцию и всякие компенсации. Затем был налажен контакт с Лацисом по валюте. Скоро Н. начал меня обманывать, присваивал больше, чем ему положено. Состоялся разговор между нами, я его предупреждал. Он сказал, что выходит из компании и заводит собственное дело — по валюте и антиквариату. Я опять его предупреждал. Но он пригрозил, что заявит на меня, ему терять нечего, а у меня семья. Н. ненадежный человек, натура хлипкая. Он бы скоро погорел, а это и для меня конец. Он же молчать не может. Сожалею, что так все получилось».

О малолетних Брошине и Касимове Леонид Васильевич не сожалел, он о них просто забыл...

Степанов испытывал глубокую жалость и к Татьяне Васильевне, и к матери погибшего Клавдии Николаевне. Не скоро у них заживет душа, а вернее-то, никогда не заживет, до самой смерти...

Баскову очень бы хотелось узнать, что собирался сказать ему, но так и не сказал Ося там, на отвилке от шоссе к совхозу. Может, если бы сказал, не получил бы пулю? Басков уже давно занимался розыском совсем по другому происшествию, однако в тот день, когда Степанов, предъявив обвинение всем участникам преступной группы, закончил следствие, в тот день перед отправкой дела в суд Басков преподнес Степанову литровую банку груздей собственного засола, прошлогоднего, конечно, а Барышеву подарил галстук на резинке за рубль девяносто пять, завязанный на вечные времена. Галстук был неважнецкий, Басков не смог найти расцветку по своему вкусу, но он уповал на то, что Барышеву придется надевать его не каждое утро.

ПРАЗДНИК, УКРАШАЮЩИЙ БУДНИ

Сегодня вошло в моду на многие вещи смотреть по-новому. И на саму моду в том числе. В частности, на ту, которая еще недоступна потребителю. Платья, юбки, брюки, туфли — какими они должны быть, в каком количестве и когда должны появиться на прилавках магазинов? Когда мы все будем одеты модно и со вкусом?

Первым шагом на пути изменений стало то, что все дома моделей страны получили в свое распоряжение экспериментальные производства, и теперь предложения художников будут воплощаться в кратчайшие сроки.

Следующим шагом можно назвать проведение в Москве Всесоюзного фестиваля «Мода-87». Это был, по сути, первый фестиваль советской моды, если не брать во внимание очень давние мероприятия. Более двадцати моделирующих организаций страны представили свои творческие и авторские коллекции, около 1000 моделей одежды и обуви увидели зрители. Жюри оценило самые интересные коллекции, назвало наиболее модные, комфортные, универсальные модели, которые в наступающем году должны обязательно попасть на прилавок в качестве массовой продукции для массового потребителя.

Два конкурсных дня дали объемную картину творчества советских модельеров. Фантастическая по замыслу и безупречная по исполнению серия «Аэлита» Ленинградского Дома моделей одежды; из ярчайших шелков, чем-то напоминающих кустодиевские полотна, фольклорные ансамбли Всесоюзного центра развития ассортимента товаров легкой промышленности, моды и культуры одежды; оригинальные молодежные комплекты из трикотажа, разработанные Киевским республиканским Домом моделей трикотажных изделий, и еще много неожиданных, интересных находок адресовали художники нам с вами.

— Фестивали моды нам просто необходимы,— делится впечатлениями художник-модельер, призер фестиваля Надежда Николаевна Федоскина.— На заседаниях эстетической комиссии удается познакомиться далеко не со всеми разработками модельеров. Фестиваль — это и праздник, но и работа. Он рождает новые мысли, решения.

— Я попала на фестиваль совершенно случайно, приобрести билет было трудно, разве это правильно? — удивляется сотрудница одного из московских институтов Елена Рубинчик.— Театрализованное представление очень понравилось, даже не ожидала, что наши художники работают так интересно. Как ни странно, но мы плохо информированы о нашей отечественной моде. Или фестиваль был организован только для специалистов?

Самых «обычных» зрителей в зале почти не было, это факт. Массовый потребитель, которому адресованы предложения модельеров и у которого пытаются воспитать хороший вкус, узнал о празднике моды из газет и телепередач, но этот минимум вряд ли удовлетворил интерес и пошел на пользу. Вот, пожалуй, основной минус. Не все безупречно было и со вкусом. Понятно, что феерия моды должна быть разбавлена музыкальными номерами — для отдыха и более благоприятного восприятия столь обильной информации. Но ведь музыкальные паузы не должны диссонировать с общим настроем праздника! Впрочем, поводы для критики найти нетрудно. Так же как объективные причины — в ответ на критику. Хорошо то, что минусы фестиваля известны его организаторам, и их можно и нужно избежать в будущем. Хорошо и то, что мнения о фестивале моды сходятся в главном — дело это полезное, необходимое. Фестиваль моды должен стать ежегодным праздником, ведь мода так изменчива!

Марина РЯБОЧЕНКО

...И НИ

ЧЛЕН КООПЕРАТИВА «СИМВОЛ» СЕРГЕЙ ШАКМАЕВ ДЕМОНСТРИРУЕТ НА ВЫСТАВКЕ СВОЮ ПРОДУКЦИЮ. КРАСИВЫЕ БЛУЗОНЫ, НЕ ПРАВДА ЛИ? ИМЕННО ТО, ЧТО НУЖНО. ИМЕННО ТО, ЧТО ПОЛЬЗУЕТСЯ СПРОСОМ. И ПУТЬ ОТ ВЫСТАВОЧНОГО СТЕНДА ДО ПРИЛАВКА МАГАЗИНА ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ ГОДАМИ — ДНЯМИ. УЖЕ СЕГОДНЯ ТАКИЕ БЛУЗОНЫ МОЖНО КУПИТЬ В УНИВЕРМАГАХ «СПАРТАК» ИЛИ «МОСКОВСКИЙ». ВОТ ТОЛЬКО ЦЕНА... КАЖДЫЙ — СТОИТ 35 РУБЛЕЙ. ДОРОГО?

В зале кооперативного кафе «Сказка» было почти пусто. Я устроился за столиком у самых дверей.

— Две чашки кофе, пожалуйста,— сказал подошедшей официантке.

— И все? — В сдержанном тоне вопроса все же, как ни странно, прозвучал обычный, «общепитовский» оттенок.— У нас кофе по пятьдесят копеек...

Нет, не могу сказать, что это сообщение сильно удивило меня. За удовольствие в середине дня выпить чашку кофе в спокойной обстановке, под приятную музыку нужно платить. Да и вообще куда лучше переплатить тридцать копеек, чем тридцать минут простоять

КОПЕЙКОЙ МЕНЬШЕ!

ПРОШУ СЛОВА!

Владимир ЯКОВЛЕВ

в очереди в обычной, государственной кофейне, где в этот час, час обеденного перерыва, к прилавку, верно, не подойдешь. Удивило другое. Когда кофе был выпит и настало время расплаты, все та же официантка все тем же сдержанным, четким тоном сказала с расстановкой:

— С вас два рубля!

Пока я пил кофе, рыночные цены на него успели возрасти на целых сто процентов. И, как хотите, но этот факт, вполне сравнимый с экономической точки зрения с недавней лихорадкой на западных биржах, требовал объяснения. Может быть, резко увеличился спрос, а потому возросли и цены? Я окинул взглядом зал. Спрос в лице нескольких мирно обедающих пар явно остался прежним. Может, подскочили трудозатраты на изготовление чашки кофе? Поверить в это было так же трудно, как поверить, допустим, в то, что за полчаса, проведенных мною в «Сказке», на мировом рынке пошатнулись цены на кофейные зерна в связи с торнадо в Бразилии или, скажем, заморозками на почве в Никарагуа.

— Если вы берете только кофе, то чашка стоит рубль,— сухо пояснила заметившая мое удивление официантка. И добавила, очевидно, желая на корню пресечь все дальнейшие расспросы: — Так решил председатель.

И только. Не было ни торнадо, ни страшных заморозков. Председатель так решил — о чем же, собственно, говорить? Почему он решил так? Да потому, что это выгодно кооперативу. Причина более чем достаточная. Мне, впрочем, повезло — выяснилось, что историческое решение свое председатель принял как раз в тот момент, когда я допил первую чашку и, не подозревая худого, собирался приняться за вторую. Этот приятный нюанс позволил улизнуть от двойной оплаты. Но ведь не будь его...

Кооперативные цены. Пожалуй, я не погрешу против действительности, если скажу, что именно они стали самым большим сюрпризом из всех, которые принесло нам появление кооперативов в стране. Сюрпризом, впрочем, в изрядной степени условным. Любой мало-мальски знакомый с экономическими законами человек мог с легкостью предположить возникновение нынешней ситуации еще тогда, когда в киосках «Союзпечати» появились пахнущие свежей типографской краской номера газет с текстом Закона об индивидуальной трудовой деятельности. По всем экономическим канонам нынешняя ситуация была неизбежна. Быть может, именно поэтому вопроса о ценах старались избегать и в первых публикациях, и на первых совещаниях по кооперативам. Суть сюрприза, иными словами, заключалась отнюдь не в его неожиданности, а, напротив, именно в ожидаемости. Так уж сложилось, не привыкли мы на практике сталкиваться с результатами действия экономических законов. Привыкли сталкиваться с результатами противодействия экономических законов и административных уложений. Привычка сказывается... Еще какой-нибудь год назад, если вам предлагали купить брюки за двести или платье за четыреста, вы могли согласиться, могли отказаться, а могли и, грозно крикнув: «Спекулянт!» — прибегнуть к помощи ближайшего милиционера. И хотя этот последний вариант был в общем-то условен, самый факт его существования давал приятную возможность считать такую покупку актом социальной несправедливости, с которой приходится мириться до поры до времени. Сегодня вариант этот отпал. И оттого не по себе как-то!

Еще бы! На юридическом языке кооперативные цены называются договорными. То есть как договорился, так и платишь. Торгуйся. Отстаивай свою цену. Не знаю, пробовали ли вы проделать этот рыночный фокус? Я пробовал. И могу с полной ответственностью сказать, что в реальности вся договоренность договорных цен сводится к тому, что либо платишь, сколько просят, либо... не договорились! Спору нет, можно хлопнуть дверью, можно сказать «пару ласковых», засевших в голове после недавнего посещения вполне обычного государственного продуктового магазина. Но все эти действия неизбежно сведутся к проявлениям старого, но верного принципа: «Назло бабушке отморожу уши». Продают кооперативы, как правило, то, что в государственной торговле не купишь...

Велик спрос на услуги кооперативов. А потому велики и цены. С экономической точки зрения неразрывна эта логическая связка. Как неразрывна и связка другая. Велики цены, значит, велики и заработки кооператоров. Даже не просто велики. Иногда велики настолько, что при упоминании о них невольно с сожалением вспоминаешь об утраченной возможности сбегать за милиционером и забываешь о том, что создать кооператив вообще-то может каждый желающий, каждый, кто готов ради этого пойти на безумное количество хлопот и нервотрепок, готов рискнуть собственным имуществом, которое попросту конфискуют в случае невозврата банковской ссуды.

Что из того? Да, деятельность кооперативов управляется спросом и только им. Да, пеняя на нынешнюю ситуацию, мы уподобляемся ученому, разбивающему прибор потому лишь, что прибор этот выдает на экран нежелательные показатели. Все это так. Только разве легче от этого? И можно, конечно, можно пытаться «подбавить розового». Можно из самых благих, прогрессивных побуждений доказывать, что плохое, если внимательно приглядеться, не такое уж плохое, а хорошее. И хозрасчет на предприятиях предполагает дифференцированную оплату труда. И те, кто лучше работает, будут больше зарабатывать. И вот они-то и будут пользоваться услугами кооперативов. Что толку? Если женщина за красивое платье должна заплатить триста рублей с хозрасчетом или без него — это плохо. Если пригласить няню к ребенку стоит пять рублей в час — это плохо с дифференцированной оплатой или без таковой. Плохо, что сегодня цены в кооперативах очень высоки. А если так, значит, нужно, необходимо что-то делать!

Вот только что?

И действительно, давайте разберем возможные варианты. Ну, что мы можем? Можем взять и поставить потолок кооперативным ценам. Как это выглядит на практике? Надо создать компетентные комиссии, куда будут обращаться кооператоры, будут демонстрировать новые товары и услуги, а комиссии эти станут устанавливать на услуги и товары максимальные цены, ниже которых — можно, а выше — нельзя. Реально? Технически вполне. А практически мы на собственном горьком опыте убедились, к чему привела такая система административного утверждения цен «с потолка» в случае с государственными предприятиями. Да и действительно, давайте вдумаемся: если искусственно, административно уменьшить цену на товар, разве уменьшится она в реальности? И разве государственные цены не соответствуют спросу? Нет, цены не уменьшатся. И спросу цены государственные соответствуют вполне. С той лишь разницей, что часть суммы мы выплачиваем в иной валюте — не рублями, а нервотрепкой, томительным ожиданием в очередях.

Что еще можем? Можем ввести большой прогрессивный налог — такой, чтобы кооперативам было выгодно увеличивать свои доходы лишь до определенного предела. Возможно? Теоретически вполне. А практически такая мера приведет отнюдь не к снижению цен, а к их увеличению. Цены кооперативы поднимут, чтобы восполнить потери от налогов. И в результате кооперативная система попросту превратится в государственный насос, предназначенный для вытягивания денег у населения.

Есть еще идеи? Еще предложения? Наверное, есть. Быть может, есть даже много разных идей, предложений. Но все их объединяет одна общая малоприятная черта. Идеи эти, эти предложения либо недейственны, либо так действенны, что реализация их приведет к снижению кооперативных цен до уровня исчезновения кооперативов как таковых.

Голословно? Неубедительно? Да полно, так ли? Плохо, что высоки кооперативные цены, значит, надо что-то делать, написал я. И допустил ошибку. Что делать? Как ни парадоксально это прозвучит, не делать ничего! Старая привычка сыграла с нами дурную шутку. Сегодня мы оказались в положении водителя-ученика, неожиданно выскочившего с тренировочного круга на городской перекресток. Здесь свои четкие и однозначные законы, свои непререкаемые правила, те, о которых мы раньше знали только понаслышке. Здесь все не так, как хотелось бы, а так, как есть на самом деле. И бесплатных пирожных не бывает. И ни одна экономическая мера, по определению, не может принести только положительные результаты, будто специально созданные для отчетности перед вышестоящими организациями. Можно еще попытаться вернуться назад, к сонному, призрачному спокойствию оставленного круга. Можно и начать осваиваться, двигаться вперед, приняв правила игры. Но нельзя на перекрестке действовать по законам учебной трассы.

Удивительное дело, до какой степени успели за прошедшие годы утратить смысл слова «жестокая реальность», до какой степени отвыкли мы с реальностью считаться. Казалось бы, ясно, ясно даже по школьным учебникам: для того, чтобы упали кооперативные цены, нужно, чтобы кооперативов было куда больше, чем сегодня, нужно, чтобы между ними возникла конкуренция за покупателя, необходимо, чтобы изменилась экономическая ситуация в стране, возрос уровень государственного производства. Казалось бы... Трудно не понять. Трудно принять это, выйти за рамки того годами воспитанного мировосприятия, по которому все плохое — обязательно следствие чьей-то ошибки, а все запрещенное условно не существует. Безумно трудно осознать простую истину — цены в кооперативах высоки не потому, что где-то недодумали, ошиблись, слишком много воли дали, а потому, что таковы экономические реалии сегодняшнего дня, таково объективное положение дел.

Ох, уж это въедливое стремление к административно-театральному чуду, каждый раз свершающемуся по одному и тому же сценарию! И уже идет в программе «Время» сюжет о кооперативных ценах. И уже сгущаются где-то в верхах комиссии, намеревающиеся проверять оправданность этих цен. И уже готовит Министерство финансов СССР проект закона, будто извлеченный из архивов былых лет, списанный с былых постановлений.

Пойди поинтересуйся, почему при доходе свыше пяти тысяч в месяц у кооператива следует отбирать 65 процентов чистой прибыли? Почему не 40, допустим, или 25? Ответят с весомостью падающего на голову кирпича: так надо. И давай доказывай, что принятие такого закона вполне может означать конец кооперативного движения в стране, что даже не с экономических, с элементарных моральных позиций непорядочно так поступать с людьми, решившимися на создание кооперативов, вложившими в них силы, время, деньги совершенно на иных условиях.

Да, явной, практической пользы такой закон, конечно, не принесет — и цены не снизятся, и доходы государства не возрастут. Даже более того, для того, чтобы взымать такие откровенно завышенные налоги, придется создать огромный контролирующий аппарат, а потом кооперативы исчезнут, аппарат же, понятно, останется. Это так, конечно. Зато принесет закон положительные результаты. Безбрежное болото его социальных и экономических последствий скроет жестокую реальность, даст возможность не считаться с ней.

Вот только одно смущает: не хоженый ли это путь? И то, что реальность остается реальностью, сколько ни оклеивай ее листками постановлений,— не это ли главный урок, вынесенный нами из прошлого? Плохи кооперативные цены, но нельзя, экономически нереально снизить их. Надо ждать, пока они, связанные в единую систему со множеством иных факторов, снизятся сами. Это неприятно, конечно. Но все-таки это так. Экономические законы столь же однозначны, сколь и законы природы. Можно сердиться на дождь. Можно отводить душу, поругивая метеорологов. Но кончится дождь все-таки лишь тогда, когда перестанет, и ни минутой раньше.

Давно известно, надо платить по старым счетам. Высоки цены в кооперативах. Это потому, что они включают в себя и счет за день вчерашний. Счет за годы вынужденного полубезделья. Счет, который придется оплачивать...

...И все-таки приятно отметить характерные черты времени. Министерство финансов СССР представило проект закона на обсуждение Совета Министров СССР. Совмин пригласил на совещание по проекту московских кооператоров. Кооператоры сказали все, что думали. Проект не прошел. Забракован? Он отправлен на доработку... ■

ПАЛИТРА

СТО ЛИЦ АЛЕКСАНДРА БУРКАТОВСКОГО

Леонид ЮНИВЕРГ

В конце шестидесятых под утихающие уже споры о «физиках» и «лириках» московский физтех проводил в серии выставок вернисаж девятнадцатилетнего художника Александра Буркатовского. Кто-то написал тогда в книге отзывов: «Все мне нравится в его работах, но где же лицо автора? Сто работ — сто лиц!»

Сейчас я снова вспоминаю об этом, рассматривая в мастерской художника большие цветные слайды. Это листы будущего календаря «Возрасты человека», сделанные художником по заказу издательства Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Эта работа — уже в который раз — его новое, неожиданное лицо. Зная о широком творческом диапазоне Буркатовского, сумевшего ярко проявить себя и в книжной графике, и в рекламном дизайне, я все же был поражен философской глубиной обобщения и многозначностью символики, каких он достиг в этих тринадцати (включая обложку) оригинальных фотокомпозициях.

...Необычно сложилась творческая биография Александра Буркатовского. Рано определившийся интерес к изобразительному искусству (в частности к графике) привел его, как ни странно, не в художественный вуз, а на факультет журналистики МГУ. Сам художник объясняет это тем, что всегда считал главным условием творческого роста самосовершенствование, основанное на широком гуманитарном образовании. И приводит в пример художника В. А. Фаворского, окончившего в свое время искусствоведческое отделение Московского университета. «Иначе он не сделал бы в искусстве того, что сделал»,— убежденно добавляет Буркатовский.

Цикл станковых иллюстраций к произведениям Ф. М. Достоевского стал не только приложением к его дипломной работе, посвященной истории иллюстрирования произведений писателя. С этих листов началось участие молодого графика в крупнейших международных выставках, проводившихся в 70-е годы в Кракове, Лейпциге, Венеции и Амстердаме. Там же были получены первые серьезные награды — золотая и серебряные медали, а ряд графических листов был приобретен Центром изящных искусств имени Помпиду в Париже и Галереей современного искусства в Амстердаме.

Не останавливаясь на характеристике отдельных листов цикла, отметим лишь то общее, что свойственно серии в целом. Ее особенность — обращение художника прежде всего к женским образам Достоевского. В их изображении Буркатовский проявил себя проникновенным мастером, психологически точным. Поэзия «вечно женственного»... Гамма серо-черных или коричнево-белых тонов, характерная для всех листов цикла, звучит строго, торжественно и порой печально.

Необычайный успех станковых иллюстраций Буркатовского к произведениям Ф. М. Достоевского за границей привлек к ним внимание небольшого западногерманского издательства «Аском». Получив через ВААП согласие художника, оно в 1983 году выпустило факсимильное издание десяти его иллюстраций, приурочив к их выходу и выставку оригиналов в Дюссельдорфе (совместно с издательством «Брюкен Ферлаг»). Экспозиция вызвала живой интерес многих любителей графики и поклонников Достоевского, а потому значительная часть пятитысячного тиража с автографом художника быстро разошлась в дни работы выставки. Это вдохновило руководителей «Аскома» вновь обратиться к сотрудничеству с московским графиком. На этот раз ему было заказано оформление тематического календаря «Русские женщины». Буркатовский успешно справился и с этой задачей, а по завершении оригиналы серии были выставлены в Художественной галерее Кёльна.

Успешное сотрудничество советского художника с западногерманским издательством продолжилось в их совместной работе над серией сказок народов мира «Шкатулка сказок». Первая книга серии, оформленная и иллюстрированная Буркатовским,— «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» — увидела свет в 1986 году на английском языке. Текст для нее, на основании нескольких русских народных сказок, был составлен женой художника Этьеной Буркатовской. В работе над этой книгой Александр Буркатовский продемонстрировал не только завидное умение в освоении специфичной русской миниатюрной живописи темперными красками, но и привнес свое творческое отношение к сложившейся традиции.

«Главное,— считает Буркатовский,— надо отталкиваться от самого произведения или от идеи, заложенной в нем, а не повторять самого себя». В этой, казалось бы, простой формуле ярко выражена убежденность художника, готового отказаться от порой весьма оригинальной стилевой или технической манеры, так называемого «своего почерка», ради максимального проникновения в стиль эпохи, в мироощущение писателя.

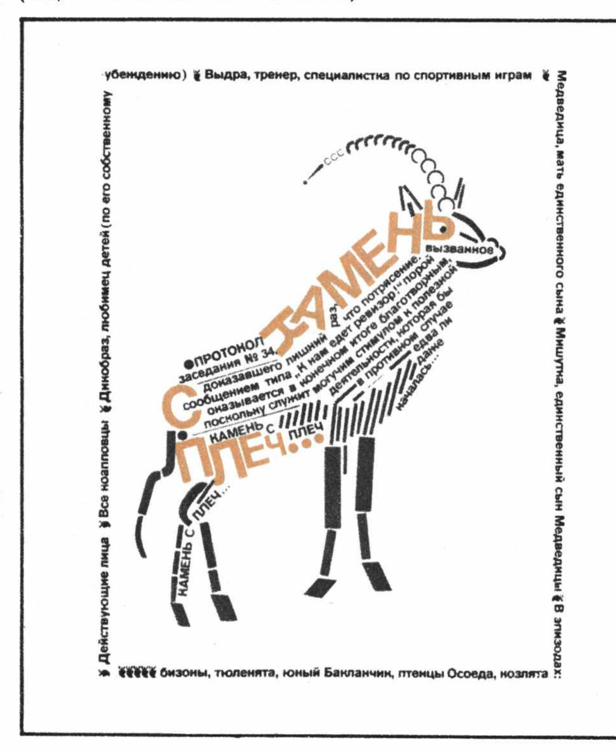
Среди пятидесяти книжно-графических работ, сделанных Александром Буркатовским за прошедшие семнадцать лет, многие получили высокую оценку на всесоюзных конкурсах искусства книги. Большинство из них вышло под марками центральных издательств: «Правда», «Искусство», «Планета», «Книга»... Охотно сотрудничал художник и с республиканскими издательствами «Мастацкая литература» (Минск), «Жалын» (Алма-Ата), «Вага» (Вильнюс) и другими.

Одной из последних книжных работ Буркатовского стал двухтомник сочинений А. С. Пушкина, готовящийся минским издательством, где все иллюстрации сделаны в стиле листов из домашних альбомов, популярных в первой половине XIX века.

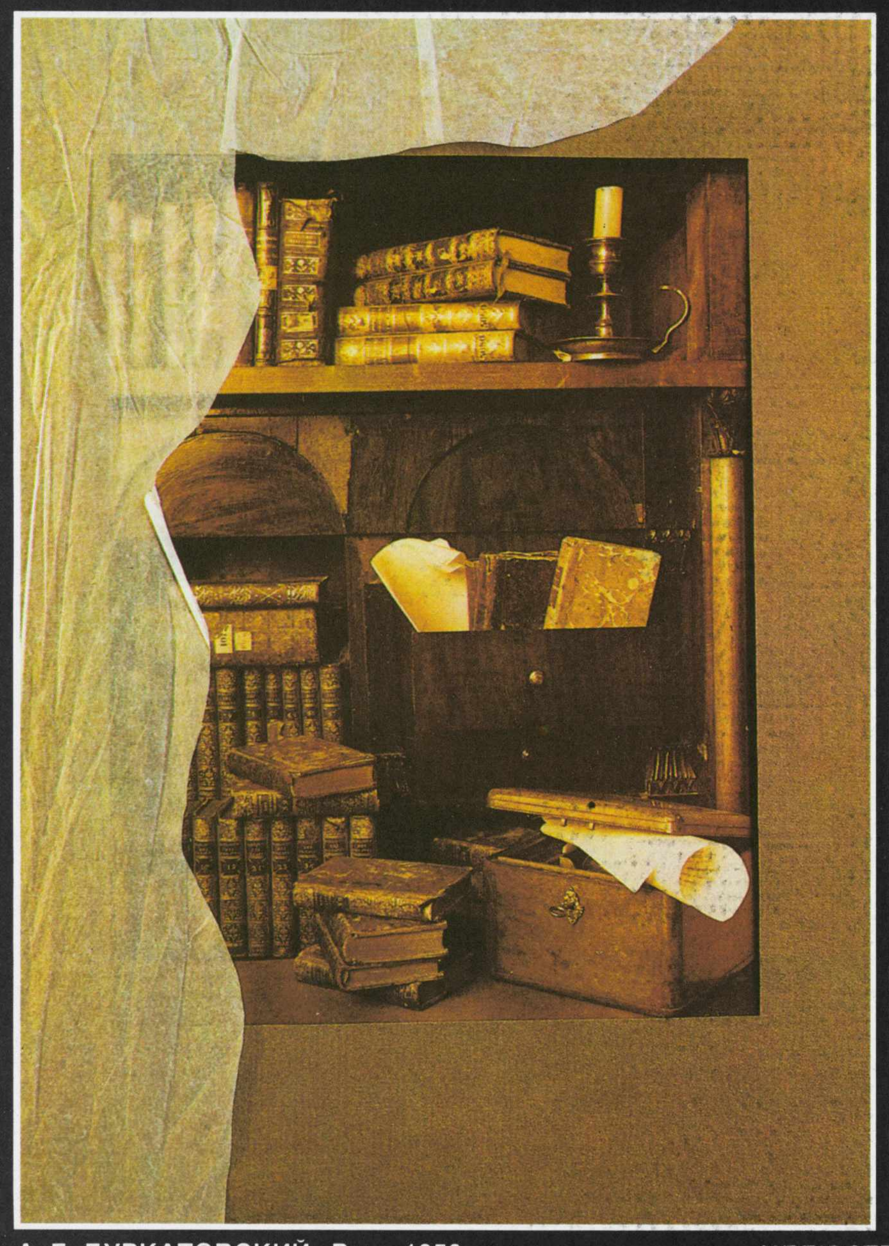
Поразившие меня слайды для тематического календаря «Возрасты человека» были созданы Буркатовским совместно с другом и соратником — фотохудожником Владимиром Германом. Каждый слайд-оригинал рождался по тщательно разработанному художником эскизу из массы разносюжетных кадров, как бы алгебраически (не простым складыванием) перерастая в сложную метафору. «Рождение» и «Детство», «Созидание» и «Любовь», «Старость» и «Смерть» — эти глобальные человеческие темы дают возможность размышлять о самом дорогом, самом насущном...

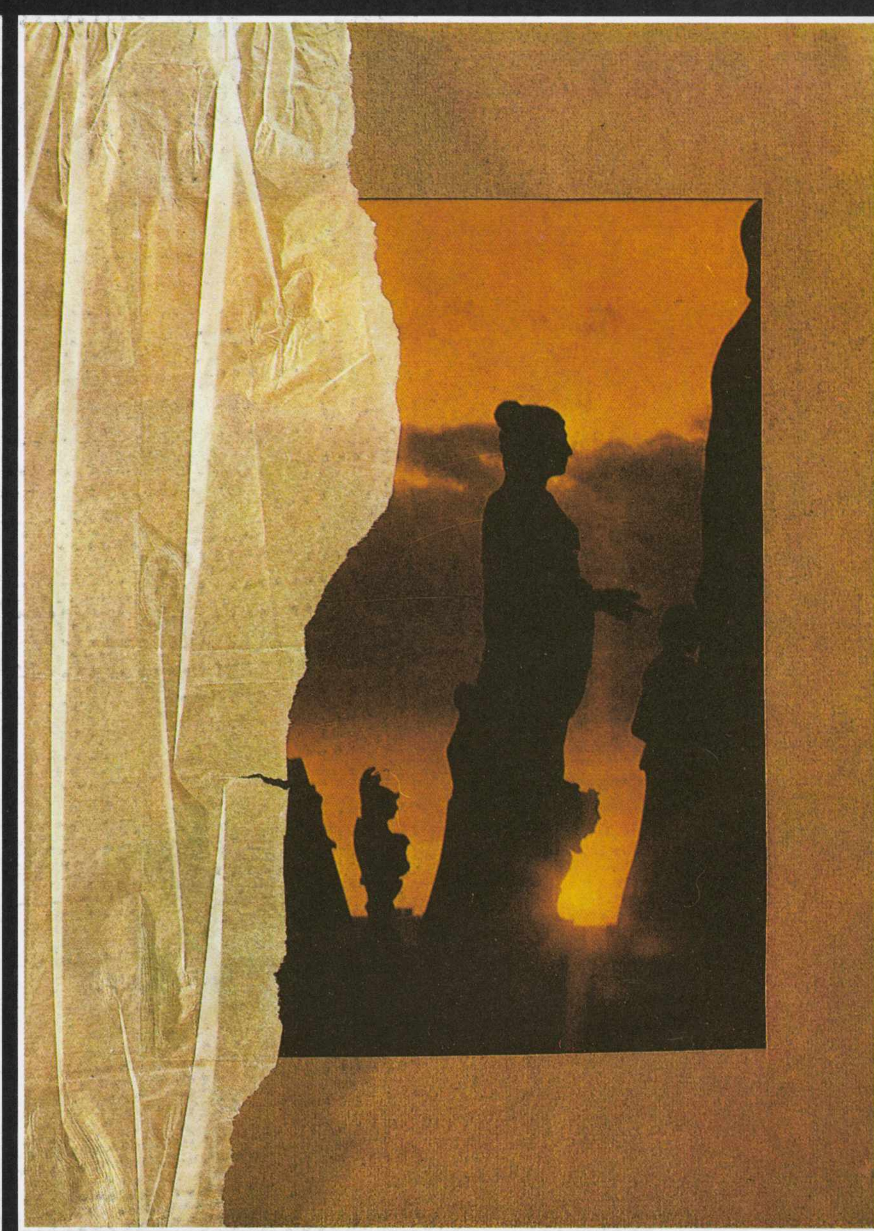
Откуда же такие новаторские дизайнерские решения у художника, ограниченного, казалось бы, рамками традиционных оформительских и иллюстрационных книжных работ? Тут необходимо обратиться к другим областям графического дизайна, в которых сумел успешно проявить себя Александр

ШМУЦТИТУЛ ДЛЯ КНИГИ «КОАПП! КОАПП! КОАПП!» (М., «ИСКУССТВО», 1978).

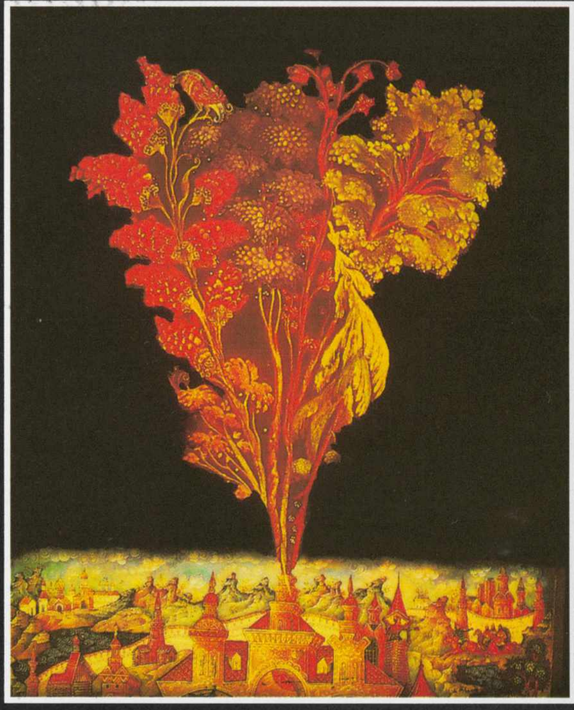

А. Б. БУРКАТОВСКИЙ. Род. 1950.

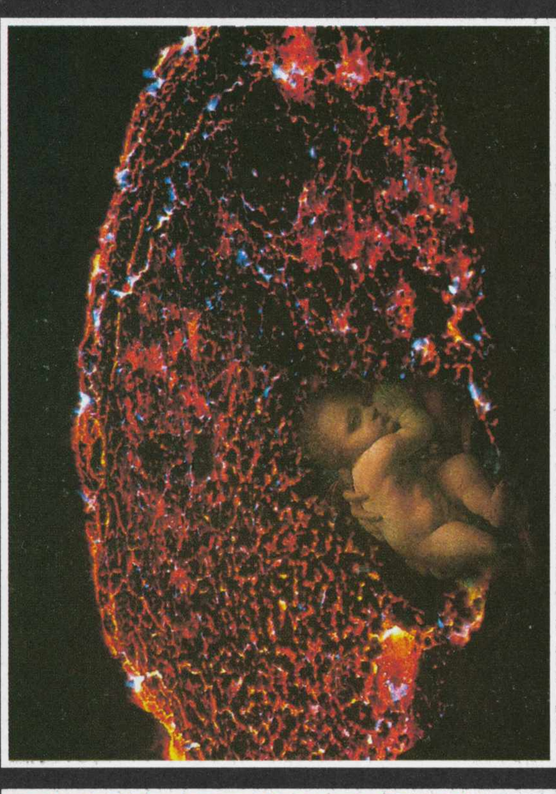
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ИЗБРАННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. С. ПУШКИНА. 1987.

«СКАЗКА
ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ,
ЖАР-ПТИЦЕ
И СЕРОМ ВОЛКЕ».
1986.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ИДИОТУ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.
1983.

А. Б. БУРКАТОВСКИЙ (совместно с В. Германом)

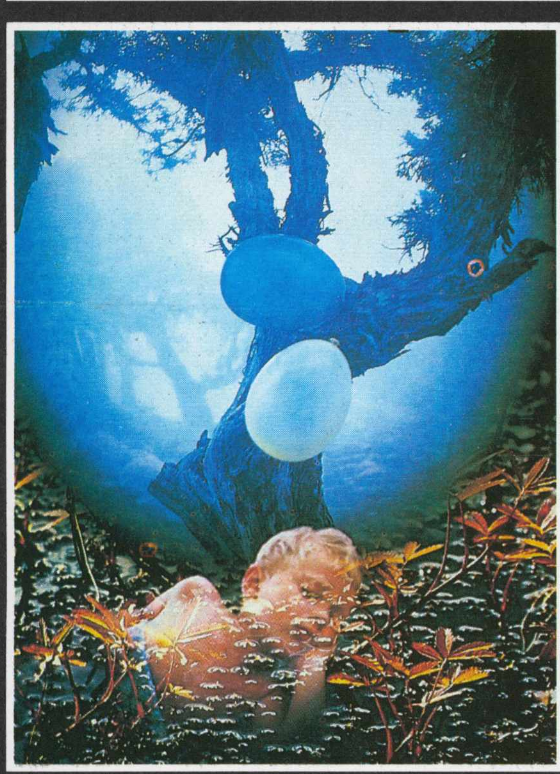
Календарь ООН «Возрасты человека». 1987

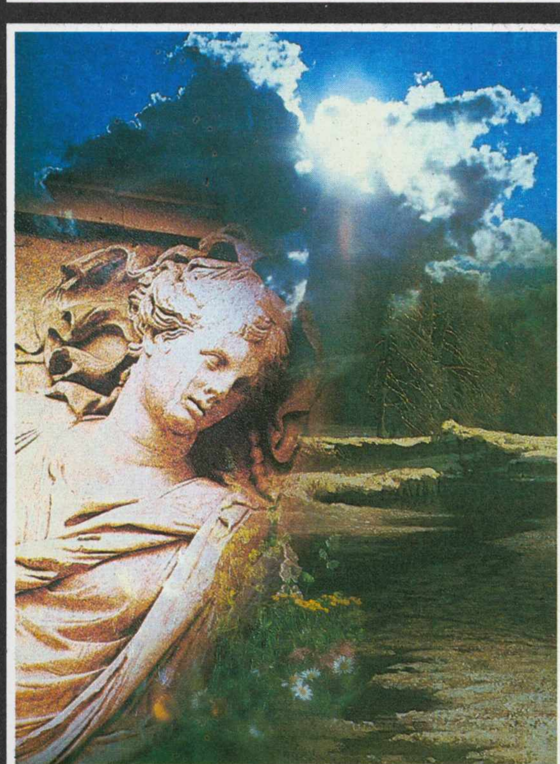
- РОЖДЕНИЕ.
- ДЕТСТВО.
- ЗРЕЛОСТЬ.
- СТАРОСТЬ.

Буркатовский. Речь идет об архитектурно-планировочных решениях трех Международных книжных выставок-ярмарок в Москве (1981—1985 гг.), включая разработки их рекламного стиля и серий плакатов; а кроме того, пяти советских книжных экспозиций во Франкфурте-на-Майне. И это далеко не все. Победу Буркатовского на международном конкурсе по разработке рекламного стиля известной западногерманской бумажной фирмы «Шойфелен», в котором участвовало двенадцать ведущих дизайнеров Европы, Японии и США, можно расценивать как еще один шаг в утверждении авторитета советской школы графики. При этом четко выявилась конкурентоспособность нашего художника в такой издавна и хорошо разработанной западными графиками области, как рекламный дизайн. Позднее плакат «Шойфелен», отправленный фирмой на конкурс рекламного дизайна во Флоренцию, получил там Гран-при.

...Завершая рассказ о творчестве художника, хочется заметить, что среди многих интересных, по-настоящему творческих вещей в мастерской графика становится все же немного грустно. К сожалению, о многих работах серьезного художника, безусловно, занявшего свое место в искусстве, можно узнать лишь из рассказов знатоков да увидеть их только на превосходно отпечатанных страницах нездешних каталогов.

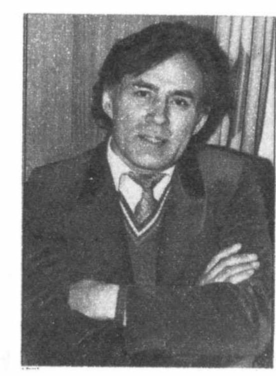
...С нетерпением жду, каким завтра предстанет новое лицо художника.

В РОССИЮ ВЕРИЛИ И В ЧЕСТЬ

Роман СОЛНЦЕВ

МИТЬКА

До высоких слов охочий,
тень кидая на плетень:
— Я великий, я рабочий!..—
говоришь ты каждый день.
Ты давно уж разучился
править косы молотком.
Смотришь злобно и нечисто.
Грузчик, где твой гастроном?..
Ты давно уж не умеешь
золотой варить металл.
По карманам ищешь мелочь,
говоришь, что жить устал.
Говоришь, что все на свете,
в общем, создано тобой.
И за все труды за эти
ты, конечно же, герой.
И на праздник, кончив байки,
пьян, конечно, и смешон,
в пудре бронзовой, без майки,
ты выходишь на балкон...

* * *

Как учатся после болезни
вдоль стенки тихонько ходить,
так нынче в пустом чернолесье
я правду учусь говорить.
Никто нас чужой не услышит...
А если услышит — так что ж,
поди, никуда не напишет,
поскольку там знают всю ложь.

И все же, хотя по газетам,
по радио тот разговор,
но как-то мучительно это:
а вдруг до условленных пор?

И тот, кто последний, увлекшись,
побольше другого болтнет,
тот будет потом, будто лошадь,
дровишки таскать у болот?..

* * *

В. Астафьеву

Избы все в лишайниках зеленых.
То ли мезонин, а то ль крыльцо.
Покосились окна, как иконы —
в каждом богородицы лицо.
Отвернулся я — а вдруг признáют...
мне тогда за всех держать ответ,
кто сейчас в иных краях летает,
посылая раз в году привет.
Скудные открытки, телеграммы,
будто в учреждении каком,
у любой, скажу я, старой мамы —
строго все по датам! Цельный том!
Соберутся вечером соседки
и читают: шестьдесят второй,
семьдесят четвертый... от конфетки
внучки дальней лепесток златой.
И шуршит по тем губам облатка!
Хоть и нет там сласти ни следа —
словно детский поцелуй,
так сладко!
Горько... вновь мешается слеза...

ДВА СТАРИКА

Ты вертелся всю жизнь, угождая
тем, кто вышел на телеэкран:
— Кукуруза взойдет золотая,
где дремал возле камня баран!
Нет, давай плоскорезы отныне —
будем степь охранять
от ветров...—
Никогда не впадая в унынье,
как седой пионер, ты здоров!
Ну, а я, не таясь, при народе
против громких речей, как умел,
против плуга и химии против
век особое мненье имел.
Чтоб не стыдно потом —
так вернее! —
шел призывам любым поперек.
В этом смысле тебя я умнее,
я, с ухмылкой кривой старичок!

Ты в медалях — тебя презирают.
Я, гонимый, соседям родней.
Тебе в праздник цветы простирают,
мне же в будни приносят гусей...
А подумать — так мы демагоги!
И стране оба — два не нужны.
Вот сидим при луне у дороги,
с важным видом, мордасты, смешны.
И одно нас спасает, что оба
говорить научились давно,
направляя народную злобу
на врагов, что мы видим в кино!

* * *

Мне стыдно с этим человеком
о жизни честной говорить.
Я — было время — кукарекал,
когда бы лучше водку пить.
Хвалил чиновника дурного,
подмигивая, чтоб друзья
все ж видели — лукаво слово,
и нас никак равнять нельзя.
А он молчал. И то молчанье
яснее было многих слов.
А он кричал порой ночами
средь сов летящих и цветов.
Его мы дружно унимали.
А днем опять бежали врать.
А он опять молчал в печали,
а нам бы надо уши драть...
И вот пришло освобожденье
от глупых, разноцветных слов.
И он, являя снисхожденье,
к нам нынче вовсе не суров.
Он говорит, мы ждали вместе,
в Россию верили и в честь...
Но вот встречаемся в подъезде
одни — и что-то все же есть.
Сквозит угрюмое смущенье...
А что бы стоило и мне
иметь всегда и мысль, и мненье —
и мы бы были наравне!

Имя Джуны Давиташвили широко известно среди приверженцев нетрадиционных методов лечения: она снимает боль, восстанавливает силы, облегчает отдельные недуги. Ее девиз — познать самое себя, раскрыть возможности человеческого тела и духа. Она рисует, картины Д. Давиташвили неоднократно экспонировались. Она пишет песни, сочиняет стихи, точнее — наговаривает их и в минуты одиночества, и в кругу друзей. Поэтические публикации Давиташвили были на страницах журналов «Октябрь», «Юность», «Дружба народов», в газете «Советская культура».

ПРИЗВАНЬЕ У НАС ИНОЕ

Джуна ДАВИТАШВИЛИ

* * *

Когда от радости заплачу,
Не утешай меня, не надо —
Дана мне высшая награда,
Когда от радости я плачу.
Есть горе радости — я знаю.
Светлы берез весенних слезы,
Росой ночные плачут звезды,
Есть горе радости — я знаю.
Поскольку в мире все мгновенно —
Твой взгляд, твой вздох,
твои объятья,
Мне никогда не удержать их,
Поскольку в мире все мгновенно.
Есть горе радости — я знаю.
Я плачу от любви великой
Ко всей природе многоликой,
Есть горе радости — я знаю.
Поскольку в мире все нетленно,
Вослед любви — всегда разлука.
И вечной будет эта мука,
Поскольку в мире все нетленно.
Когда от радости заплачу,
Не спрашивай ты, что со мною.
Я буду лишь тогда живою,
Когда от радости заплачу.

* * *

Здравствуй снова, Осетия!
Я к тебе приходила однажды.
Были ноги босыми.
И пыль ассирийских
долин
Оседала за мной. И потрескались
губы от жажды.
Горе спутало волосы мне паутиной
седин.
Это было давно.
Ты, Осетия, помнишь, я знаю —
Хоть сто войн, сто раздоров
таились еще впереди.
Ты меня приняла,
Как сестра, как крестьянка
простая,
Напоила водой, накормила и молча
прижала к груди.
Ты живою водой горных речек меня
исцеляла,
Тихим шорохом звезд врачевала,
Надо мною держа их в руке.
А когда я ушла,
Ты те звезды во мгле,
Как костры на горах зажигала,
Чтоб хранили мой путь,
Находясь от меня вдалеке.
Ты встаешь из-за гор,
Ты встречаешь меня величаво,
Я твоим дочерям пожелаю любви
и добра,
Я твоим сыновьям пожелаю отваги,
покоя и славы.
Здравствуй снова, Осетия!
Здравствуй, родная сестра!

* * *

Ему привычно миг ловить
Удачи — в споре и сраженьи,
Не ведать боли пораженья,
Пока огонь горит в груди.
Ему при солнце видно тьму,
Его глаза почти закрылись.
Машина времени ему,
Возможно, в этот миг приснилась.
Пока бушует в венах кровь,
Крыла свободно простирает
Над ним и славу, и любовь,
А он...
Он ничего не знает.
Увы, он дряхл и не поймет,
Что был в полшаге от прозренья —
Машина времени живет
Лишь в нем самом
С времен творенья;
Что лишь стремительная кровь,
Согретая усильем воли,
Способна избавлять от боли,
Вернув нам силы и любовь...

* * *

Шагает человек, и твердь земная
пружинит под упругими шагами.
Земля, ты — дом наш,
сад наш, но призванье
у нас иное — это расстоянье,
звезд синева и млечности сиянье.

* * *

Спит человек в тени сосны
и улыбается. Ему пророчат сны,
что он — хозяин мира и герой,
но жизни сроки подвигам тесны.

Не надо даже заглядывать, как это сейчас модно, в толковый словарь, чтобы уяснить суть понятия «соавторство». Это — совместное авторство. Конечно, творчество — дело сугубо личное, даже интимное. Поэт писал: «Выхожу один я на дорогу». Представьте, что бы тут сочинили соавторы. «Мы выходим на дорогу». Да еще к тому же «ночь темна». Просто разбой какой-то. И все-таки человек — существо коллективное. Иногда ему очень хочется сказать не «я», а «мы». И тогда он начинает искать, с кем бы ему это самое «мы» сказать. Поэтому в соавторстве ничего необычного нет. Вместе писали Эдмон и Жюль Гонкуры. Ильф и Петров не были братьями, но тоже сочиняли вдвоем. Братья Тур часто приглашали в свою компанию Льва Шейнина. Но соавторство, о котором сейчас пойдет речь, не похоже на все вышеупомянутые. Дело в том, что соавторы говорят на абсолютно разных языках. Представим их. Элс де Грюн — живет в Голландии, пишет рецензии, статьи и детские книги. Сколько она издала книг, Элс говорить

ПОГОВОРИМ НА ОДНОМ

И, естественно, мой первый вопрос: как же вы ее сочиняли, не понимая друг друга?

Э. УСПЕНСКИЙ: Прекрасно понимали. У нас ведь был еще и третий соавтор — переводчица Наталья Герасимова. Ей, пожалуй, пришлось труднее всего. Она переписала эту повесть по крайней мере три раза. Происходило это следующим образом. Через Наташу, которая, кстати, не знает голландского, но зато прекрасно знает английский, мы обсуждали сюжет и план будущей книги. Потом Элс писала свою часть по-голландски и сама переводила ее на английский. А я в это время писал, сами понимаете, свою часть по-русски. Наташа же переводила с английского на русский то, что написала Элс, и с русского на английский то, что сочинил я. Далее Элс переводила мою часть на голландский и начинала ее править, а я правил сочиненное ею. Затем мы вновь все написанное передавали Наташе, и все начиналось снова. Так что, как видите, очень просто.

Если честно, мне это простым не показалось. Более того, появление на свет книжки в таких условиях представлялось даже невероятным. Но рукопись в почти двести страниц на машинке лежала рядом. И с этим фактом не считаться было нельзя. Мое недоумение решила развеять Элс.

ДЕ ГРЮН: Но у нас же есть еще один общий язык. Язык детства. На нем говорят все детские писатели.

— Вы считаете, что у детских писателей всего мира есть какой-то свой собственный язык?

ДЕ ГРЮН: Ну если не язык, то, во всяком случае, мироощущение. Дети повсюду видят мир примерно одинаково. Это потом, став взрослыми, они раскладывают все понятия по полочкам, и даже самый дурацкий обычай считается для них нормальным. Они как бы уже привыкают к тому, что уже произошло, и не удивляются. А язык детства — это язык удивления. И настоящий детский писатель должен говорить именно на этом языке. Он и в душе, и по образу мыслей обязан оставаться ребенком.

Э. УСПЕНСКИЙ: Но при этом он, естественно, совершенно взрослый человек и решает в своем творчестве проблемы не менее, а может, и более важные, чем взрослый писатель. А то у нас очень часто путают детского писателя с адресатом его творчества. Мол, если его читают люди в коротких штанишках, то и произведения его несерьезны. Поэтому ему можно меньше заплатить, урезать тираж, не говорить о его творчестве в солидных литературоведческих изданиях... На детской литературе у нас часто ставится клеймо «второй сорт». Но это так же, как с осетриной «второй свежести» у Булгакова. «Второй свежести» у осетрины не бывает. Не бывает и литературы второго сорта. Либо это литература, либо нет. А для детей ли она написана, или для взрослых — значения не имеет.

ДЕ ГРЮН: Я согласна с Эдуардом. В детской книжке, если это, конечно, хорошая детская книжка, должны подниматься самые важные проблемы. Детский писатель может и должен говорить, например, о том, что мы понапрасну тратим деньги на оружие, о том, как спасти нашу планету, об экологии, об отношениях людей с разной культурой и разным миропониманием. Даже о любви и сексе он тоже может и должен говорить.

Некоторые писатели заявляют, что им не нравится идея создания «идейной» книжки. А мне не нравится, когда так заявляют. Книга, в которой нет идеи,— пустая книга. И каждый писатель, на мой взгляд, обязан стремиться своим творчеством изменить мир к лучшему. Но его труд отличается от труда проповедника. А книги отличаются от проповеди. Тем более детские книги...

Э. УСПЕНСКИЙ: Самые серьезные и сложные идеи детский писатель старается выражать весело, занимательно. Самый главный враг детской книжки — скука. Даже нравоучения надо уметь преподнести смешно...

ДЕ ГРЮН: Но даже если в книжке есть отличный диалог, захватывающий сюжет и важная идея,— это еще не книжка. Нужны еще персонажи. Персонажи, которых дети будут любить, ненавидеть, по которым будут скучать. Создать таких героев очень трудно, но если это получается, писателя и книжку ждет успех. Причем порой его даже трудно оценить в полном масштабе.

Вы знаете, в Голландии, к сожалению, не всегда встречают понимание советские мирные инициативы. Наши дети плохо знакомы с вашей страной. Да что там дети! Я сама до недавнего времени представляла вас довольно туманно. Но вот к нам пришел Чебурашка. Добрый, трогательный, наивный, доверчивый... Поверьте, он сделал больше многих серьезных дипломатических переговоров. Такой герой не мог появиться там, где все живут в казармах и только о том и думают, как бы захватить старушку Европу. А ведь именно так у нас порой изображают вашу страну.

Полюбив Чебурашку, наши дети задумались: быть может, Советы не столь уж и страшны? И между вашими и нашими детьми протянулась первая ниточка взаимопонимания.

— Ваша совместная книга должна помочь протянуть еще одну такую ниточку?

ДЕ ГРЮН: Да, пожалуй.

— А как возникла идея соавторства?

ДЕ ГРЮН: После одной из антивоенных демонстраций я почувствовала себя какой-то бессильной. В ней участвовало много народа. Даже военные, которые надевали маски, чтобы их не узнали. Люди протестовали против установки у нас американских ракет. Но ракеты все равно установили. И тогда я поняла: неважно, где ты живешь — на Западе или на Востоке. У нас очень много общих проблем. И лучше их решать не по раздельности, а вместе. Я пошла в советское посольство, там оказались нормальные люди, они мне предложили приехать в СССР и увидеть все своими глазами. Меня пугали поездкой в Москву, даже угрожали. Но я поехала. И не жалею. Здесь я встретилась с Эдуардом, которого знала по книгам. Ну и мы... мы поняли, что можем говорить на одном языке. Тогда-то и решили писать эту совместную повесть.

Э. УСПЕНСКИЙ: Мне с Элс очень легко. У нас оказались одинаковые принципы работы.

— Что же это за принципы?

Э. УСПЕНСКИЙ: О некоторых мы уже говорили. Ну, а еще, к примеру, мы оба против оглупления взрослых в детских книгах. Против сюсюканья, заигрывания с читателями... Но главный принцип — это, конечно, говорить детям правду...

ДЕ ГРЮН: Только, как сказал один из известных наших писателей, правда в детских книжках выражается в форме лжи... И я думаю, что он прав.

— В вашей совместной книге вы также следуете этому принципу?

ДЕ ГРЮН: Конечно. Мы старались создать абсолютно реальных персонажей, как две капли воды похожих на своих сверстников. Обыкновенный московский мальчик и обыкновенная амстердамская девочка. Но в ситуации они попадают несколько нереальные. В книге будут самые настоящие гангстеры и детский отдел ООН, похищение и Всемирный Праздник Хорошего Ребенка...

И через эти нереальные, порой комические, а порой трагические события

стесняется: боится, как бы ее не сочли очень пожилой дамой. Но я этот секрет открою —30. Открою, потому что сейчас перед вами фотография Элс де Грюн, и, глядя на нее, даже самый строгий ценитель не назовет Элс пожилой.
Второй соавтор в особых рекомендациях не нуждается. Это Эдуард Успенский. Скажу только, что сочинил он детских книг не меньше Элс, но количество изданных произведений — увы!— не превышает и одного десятка, хотя его-то как раз и можно уже назвать человеком пожилым. Недавно ему исполнилось 50 лет, с чем его от души и поздравляем.
Теперь, когда вы знакомы с обоими соавторами, вам не покажется странным, что один из них прекрасно владеет голландским языком и неплохо — английским, а другой говорит и пишет лишь на языке, присущем ему от рождения,— русском. И все же они умудрились совместно написать занимательную, веселую и в то же время поучительную повесть «Год хорошего ребенка».

ЯЗЫКЕ

мы хотим рассказать детям о вещах вполне реальных. О том, что надо дружить друг с другом, понимать друг друга, уметь добиваться своей цели, быть честным, добрым... Фу, когда я это произношу, у меня у самой от скуки сводит челюсти. Нельзя пересказывать так детскую книжку, ее надо читать... Там все это гораздо веселее, занятнее, фантастичнее...

— Насколько я понимаю, самая нереальная ситуация — это та, что московский мальчик и голландская девочка встретились где-то за границей?

Э. УСПЕНСКИЙ: Нет, на такую фантастику мы все же не решились. Наш герой Ромка за границу, к сожалению, не попадает. Как же наши герои встречаются? А они не встречаются. Но тем не менее становятся друзьями. Каким образом? Читайте повесть «Год хорошего ребенка».

Тут мне остается только добавить, что книжка эта выйдет в скором времени и в СССР, и в Голландии. Хочу вслед за Эдуардом Успенским посоветовать ее прочесть и детям, и взрослым. Лично я, открыв страницу, так и не смог оторваться, не дочитав до последней.

А пока вы можете узнать, почему же Ромка не попал за границу, из небольшого отрывка из этой повести, который мы предлагаем вашему вниманию.

Хочу сказать и еще одно. На титульном листе, кроме фамилий Элс де Грюн и Эдуарда Успенского, будет стоять и фамилия переводчицы Натальи Герасимовой. Потому что, хоть Элс и Эдуард и понимают друг друга, без нее книжки все-таки не получилось бы. Впрочем, как и этого интервью.

Беседу вел Николай ЛАММ.

Элс де ГРЮН, Эдуард УСПЕНСКИЙ

НЕСЧАСТЛИВАЯ КАТАСТРОФА

И вот Рома Рогов под весело-завистливые взгляды сестры собирается идти на собеседование в выездную комиссию РОНО. РОНО — это районный отдел народного образования.

Рома начистил ботинки так, что в них можно было смотреться, как в самовар или как в елочный шарик. Глядя в них, можно было причесываться. Надел лучшую рубашку со всеми пуговицами и повязал пионерский галстук.

— Сходи в магазин за хлебом!— строго приказал он Ольге.— И подмети пол.

— Раскомандовался! — ответила Ольга.— Ты лучший ребенок, вот ты и подметай с утра до вечера. Ладно, иди, подмету.

Когда Рома уже взялся за дверную ручку, его задержала Елизавета Николаевна.

— Рома, ты когда-нибудь проходил выездную комиссию?

— А что это такое?

— Тебе будут задавать разные вопросы.

— Какие?— спросил Рома.

— Какие отношения сейчас между белыми и черными в Африке? В каких странах Южной Америки сейчас революция? В чем не прав президент Америки Рейган?

— А в чем он не прав?

— Во всем.

— А в каких странах Южной Америки сейчас революция?

— Во всех понемногу. Там всегда революции,— ответила Елизавета Николаевна.

— Почему меня будут об этом спрашивать?— спросил Рома.

— Как же, ты выезжаешь за рубеж. Должен произвести на иностранцев хорошее впечатление своими знаниями. Они будут видеть, что советского мальчика глубоко интересуют судьбы мира.

— А если я не отвечу на вопрос?

— Значит, поедет другой мальчик. Или другая девочка. Желающих поехать много, а мест в делегации мало.

Сообщение Елизаветы Николаевны несколько насторожило Рому, но не настолько, чтобы запугать. Он твердыми шагами пошел навстречу судьбе, которая должна была предстать перед ним в виде неизвестной комиссии РОНО.

В маленьком переулке имени тов. Подсвечникова стоит двухэтажный особняк. Именно из него идет свет учебного разума на весь район. Именно отсюда разлетаются по школам диктанты и контрольные, строгие, но неконкретные приказы и призывы — расширить, повысить и развернуть. (Расширить обычно надо работу, повысить успеваемость, а развернуть, как правило, борьбу.)

Около особняка жужжала группа взволнованных школьников. Это были друзья кандидатов на выезд. Сами кандидаты были внутри особняка. Они были очень аккуратно одеты и очень серьезны.

Время от времени открывалась большая деревянная дверь комиссии и выходил очередной экзаменовавшийся. Все бросались к нему:

— Ну что? Ну как? Что спрашивали?

— Все спрашивали,— отвечал очередной мальчик.— Про положение в Африке, про то, в какой стране больше всего развит неофашизм.

— А почему?— спросил Рома.

— Они говорят, что советский мальчик, выезжающий за рубеж, все должен знать про положение в мире. Мы самая передовая страна на Земле и должны думать не только о себе, но и обо всех других рабочих людях планеты.

Вопросы ребятам задавали самые разные. Не было никакой системы. Все это напоминало кроссворд в газете «Вечерняя Москва»: «Остров в Тихом океане, недавно получивший независимость. Пять букв по горизонтали» или: «Один из пятидесяти языков современной Индии. Восемнадцать букв по вертикали».

Поэтому Рома не стал мучиться, искать систему в вопросах, а просто сел и стал ждать, когда придет его очередь.

Наконец высунулась девушка-секретарша и сказала:

— Рогов!

Рома вошел в комнату на резиновых ногах. Это был Красный уголок, такой же, как у них в школе.

В углу у окна на длинном столе лежала наполовину законченная стенгазета с названием «Народное образование». Рома ухитрился даже прочесть главный заголовок «Перестройка набирает силу».

На противоположной стене висело развернутое знамя, и стояла прислоненная к стене Доска почета с фотографиями всех лучших работников РОНО.

А сами эти лучшие работники сидели посередине комнаты за другим столом. Несколько пожилых женщин и один мужчина в помятом костюме и галстуке.

— Проходи сюда, садись.

Рома сел на одинокий стул против комиссии.

— Ты хочешь поехать на фестиваль в Жевену?

— Да.

— А ты знаешь, какое положение сейчас в Южной Африке?

— Знаю.

— Какое?

— Сложное. Очень.

— Я бы даже сказала, взрывоопасное,— сказала женщина за столом.— Ты согласен со мной? Потому что белые там угнетают темнокожее население.

— Согласен,— согласился Рома.

— А какие у тебя жилищные условия?— продолжала эта же молодая женщина.

— Хорошие,— ответил Рома.— У нас две комнаты и одна соседка. Елизавета Николаевна.

— А сколько у нас детей — членов пионерской организации?

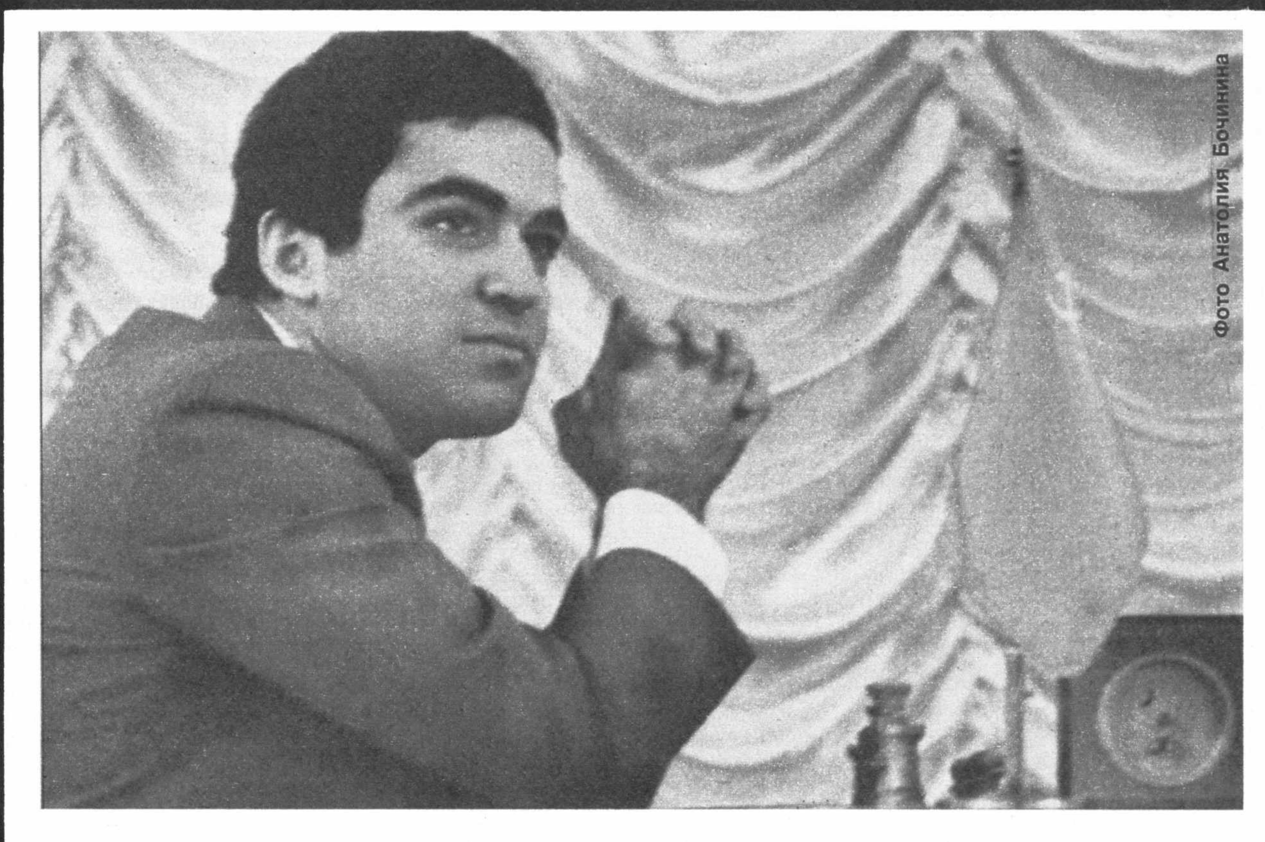
— Не знаю,— сказал Рома.

— Стыдно,— заметила эта же молодая женщина. Почему-то Рома ей явно не нравился.— Стыдно не знать, сколько у тебя товарищей пионеров.

— У меня три товарища,— сказал Рома.— Мы вместе с ними макулатуру собирали.

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

МИРОВАЯ КОРОНА — У ГАРРИ КАСПАРОВА

12 : 12— с таким счетом закончилось великое противостояние двух шахматных титанов современности — чемпиона мира Гарри Каспарова и экс-чемпиона Анатолия Карпова. О подобном исходе издавна говорят как о «ничьей, равной победе», ибо по регламенту матчей за шахматную корону преимущество при этом имеет тот, кто «восседает на троне».

Испанская газета «Паис», говоря о результате матча, дала заголовок «На шахматном Олимпе есть место для двоих». Да, советская шахматная школа может гордиться своими питомцами!

Третий раунд (и второй по счету матч-реванш) продолжался 69 дней. Он потребовал для выяснения отношений все 24 партии, определенные регламентом. Но так уж случилось, что по непредсказуемо сложному и острейшему сюжету судьба поединка, по сути, решалась в двух последних партиях: 23-й, выигранной А. Карповым, и 24-й, в которой чемпион мира для того, чтобы еще на три года остаться шахматным королем, должен был обязательно победить. По ходу партии экс-чемпион упустил шанс на ничью, но как бы то ни было Г. Каспаров совершил, казалось бы, невозможное, вырвав победу у своего самого грозного соперника, когда, образно говоря, «флажок» на часах чемпиона мира готов был упасть.

Итак, мировая корона — у Гарри Каспарова, по крайней мере до 1990 года. «Огонек» от имени своих читателей поздравляет Г. Каспарова с победой!

— Не спорь с нами,— сказал председатель.— Если мы говорим, что тебе должно быть стыдно, то тебе должно быть стыдно.

— И запомни, пожалуйста,— снова вмешалась молодая,— желающих поехать много, а мест нет. Поедут далеко не все.

— Следующий! — громко сказал председатель, и Рома понял, что надо уходить и ждать в коридоре решения комиссии.

На смену Роме в комнату вошел улыбчивый рыжеватый блондинчик.

— Здравствуйте,— сказал он комиссии и поклонился.— Я Леша Измайлов.

Комиссия приступила к допросу.

Через некоторое время рыжеватый мальчик вышел. Видно, допрос ему дался легко. Потому что он улыбался такой же легкой улыбкой, с какой вошел в зал.

— Ну, о чем тебя спрашивали?— набросились на него ребята.

— О жилищных условиях.

— И что ты им сказал?

— Что у нас дома шесть комнат.

Ребята даже ахнули.

— А на самом деле сколько?

— Две на четверых.

— Значит, ты соврал?— допытывались ребята.

— Конечно. Им так больше понравится.

— Но это же неправда! — воскликнул Рома.

— Мне и не нужна правда,— ответил мальчик.— Мне надо поехать. Мой папа говорит: ищешь правду, теряешь дружбу.

— А еще что спросили?

— Что нашим ребятам дороже всего?

— И что ты сказал? Родители? Дед Мороз?

— Правительство и руководители моих родителей.

— Ну-ка отойдите, ребята,— сказал Рома.— Я сейчас ему по морде дам.

Он размахнулся и треснул блондинчика по башке. Блондинчик был заискивающий перед начальством, но не трус. Он в ответ съездил Роме по зубам. И началась настоящая драка с синяками, с отрыванием карманов, с кровью из носа.

Из кабинета выскочила молодая комиссионная женщина и вцепилась в ребят. Она оторвала их одного от другого и потащила Рому в Красный уголок.

Она швырнула Рому на стул и спросила:

— Ты из какой школы?

— Из пятьдесят шестой.

Женщина набрала номер 56-й школы по телефону и попросила директора:

— Петр Сергеевич, кого вы к нам присылаете? Мало того, что у него ужасные жилищные условия, мало того, что он без отца. Он еще драку устроил. Самого лучшего мальчика побил.

Петр Сергеевич ужасно разозлился, но не на Рому — на нее.

Он стал говорить, что Рома должен обязательно поехать. Что мальчик преобразился, сам себя за волосы вытащил из хулиганства в отличники. Что этот ребенок дорогого стоит.

— Вы об одном ребенке думаете,— ответила молодая женщина,— а мы обо всей стране. Такие ребята страну позорят.

Она бросила трубку. И Рома с треском был выставлен на улицу.

Это была полная катастрофа...

Когда Рома подошел к дому, ему пришлось перенести еще один удар. В почтовом ящике лежала открытка. Из Голландии.

Текст был такой:

«Дорогой Рома! Моя подруга Эвелина получила письмо от твоего товарища Игоря Антонова. Он пишет, что ты прошел все конкурсы с победой. И что школа рекомендует тебя в Жевену.

Я тоже прошла все конкурсы, и мы скоро выезжаем.

Моя бабушка счастлива!

До встречи в Жевене!

Розалинда».

Эдуард Стрельцов сыграл в большом футболе неполных девять сезонов (когда всевозможных матчей проводилось гораздо меньше, чем сейчас). Но со 142 забитыми мячами он и по сегодня делит восьмую-девятую строчки сверху в почетном списке членов «Клуба Григория Федотова». В 1958 году этот блестящий футболист, тогда двадцатилетний парень, был осужден на длительный срок лишения свободы. Во многом это явилось следствием излишней сенсационности, приданной делу: случившееся со Стрельцовым должно было послужить «суровым уроком» для других. И в то время, и до сих пор о происшедшем ходило и ходит немало толков и вовсе небылиц. Минувшим летом грозному в недавнем прошлом форварду, человеку нелегкой судьбы, исполнилось 50 лет. В составе сборной команды ветеранов Москвы он сыграл в разных городах страны в нескольких матчах. И как сыграл! Болельщики, как и прежде, валили на стадион — «смотреть на Стрельца».

ТО-НАВСЕГО
РЕЛЬЦОВ

Александр НИЛИН

Когда впервые зашел у нас разговор о книге, в которой бы он мог с моей посильной помощью рассказать о себе, Эдуард Стрельцов сказал совершенно неожиданно для меня: «Да напиши всю правду, как было на самом деле, сразу бы Нобелевскую премию дали!..»

Тогда нам книгу не разрешили, но я сохранил стрельцовскую фразу для устных рассказов, упиваясь комизмом несоответствия между футбольными кулисами, знакомыми мне лишь отчасти, и таинственными дебатами в Шведской королевской академии, где решается судьба претендентов на знаменитую премию.

Впрочем, в самой Швеции Стрельцов бывал и был там прозван за прорывы, приводящие к голам в ворота национальной сборной, «русским танком». Но в другой раз, когда надо было ехать в Швецию на мировой чемпионат, он за четыре дня до третьего звонка «наколол таких дров», что поехал в ином направлении. И с тех пор имя Эдуарда Анатольевича Стрельцова ставилось в прямую зависимость как от несостоявшегося престижного путешествия со сборной СССР, так и от печально состоявшегося в места, не столь отдаленные. Катастрофа, между прочим, касалась не одного Стрельцова. Потому-то я склонен спустя столько времени видеть в том драматическом эпизоде отклонение не только от футбольного сюжета, но нечто характерное для всей нашей тогдашней жизни.

...По тогдашней реакции на случившееся с ним можно было судить, какое особое место успел занять в хронике общественной жизни тех лет этот парень, только вступивший в свое третье десятилетие. По мнению светлой памяти Андрея Петровича Старостина, юный футболист был похож на великого Шаляпина и статью, и лихим начесом желтых волос, и, главное, характером рафинированной самобытности, дарованным природой, а потому и ранним признанием знатоков. На любви к Стрельцову сходились люди, вряд ли на чем-либо другом сходящиеся...

Один из прославившихся тогда поэтов с удовольствием повторял как раз в роковое для Стрельцова лето чьи-то слова: у молодежи три кумира — Илья Глазунов, Эдик Стрельцов и... третьим, нетрудно догадаться, называли — и совершенно заслуженно — самого поэта. Он еще и рассказ опубликовал, где действовал знаменитый футболист, в котором узнавали Стрельцова. Юный футболист уже вступил в ту стадию известности, когда непременно хотелось к реальной его жизни что-то присочинить, что-то дофантазировать...

В истории с ним (точнее до проступка, случившегося на подмосковной станции по Ярославской железной дороге) подтверждалось суждение, что все гениальное п р о с т о. Парень, в один сезон ставший для миллионов любителей футбола «Эдиком», небывало просто, естественно играл в достаточно сложную игру — футбол. И простоту эту в игре мы, не задумываясь, восприняли как я с н о с т ь всей его футбольной жизни в дальнейшем. Вот видите: футбольной! Как будто жизнь даже большого игрока могла уместиться в одном футболе.

В самой возможности такого рода отклонений я отталкиваюсь от особенностей характера Эдуарда Стрельцова и, разумеется, от особенностей того давно прошедшего времени, его открывшего, прославившего и обманувшегося в нем (как тогда некоторым показалось).

Он вновь возник в футболе во времени совсем уже другом! На новое появление Эдуарда Стрельцова отзыва-

лись, откликались, как на почти уже позабытое. Самого Стрельцова, однако, не забывали! И, может быть, болельщики ждали его выхода, хотя шансов на его возвращение в футбол практически не было. Чудес не бывает.

Сколько невостребованных талантов так и осталось невостребованными! Стрельцов же нес на себе некий знак судьбы, в который, по-моему, есть смысл всмотреться...

Возвращению его на футбольное поле, которое он видел как никто другой, радовались даже те, кто ничего особенного в происходящем на этом поле не замечал. Нутром чувствовали: есть справедливость во втором рождении футбольной знаменитости... Но вот недавно я услышал вопрос: а помнили бы его, Стрельцова, как помнят до сих пор, не очутись он тогда за тюремной решеткой? Я поспешил ответить искренне: потому и помнят, что был он уже на заре футбольной юности Стрельцовым, да еще потому, что большинство болевших за него считает его пострадавшим несправедливо...

Я встречал немало людей, твердивших, что «сам факт» проступка их возмущает и вообще все, что связано с именем Стрельцова, для них отвратительно. Ни о какой исповедальной книге и слышать не хотели! В возможной книге с фамилией автора на обложке им виделось прощение, не заслуженное Стрельцовым. Так что же это за «сам факт»? О чем речь?

Непреложным фактом проступка кое-кто до сих пор считает официальную трактовку происшедшего тогда на даче, на которую действительно молодого футболиста черт занес. Шел он в тот день на примерку костюма — готовился к поездке в Швецию на чемпионат мира по футболу. Ну и шел бы себе. Так нет, соблазнился поездкой за город — окликнули, позвали, пригласили! Он тогда сел в машину, не предполагая конечного пункта путешествия: отказывать не научился. Да и сейчас не умеет. Нет, я никого в совращении Стрельцова не обвиняю. Люди, увлекшие его в ту роковую поездку, тоже пострадали. Хотя и меньше, чем он, но свою жизнь в спорте они загубили. Им легкомыслия, видимо, было не занимать. Но я-то знаком только со Стрельцовым, вот и переживаю за него до сих пор.

Но сам факт далеко еще не вся правда.

Правда в нашем отношении к факту. Отношение же не может не зависеть от контекста времени.

Я мог бы сейчас вовсе не учитывать, не упоминать тех, для кого Стрельцов и тогда, и по прошествии стольких лет «насильник» — и только. И тогда, когда подобное обвинение предъявлялось ему, и после суда в газетах, а позже в мемуарах разных спортивных знаменитостей прибегали к иносказаниям, которые лишь сильнее разжигали фантазию недоброжелателей.

Я говорил уже об общественной реакции на случившееся с ним. Она эмоциональна и вряд ли может быть «документирована». Доказательств невиновности Стрельцова у доброжелателей и его болельщиков в тот момент тоже не было. Я неправильно, конечно, говорю про абсурдность обвинения... Абсурдна ситуация, в которой он оказался. Абсурдность ситуации была очевидна, а как опровергнуть обвинения, мало кто из нас в тот момент мог знать. «Сам факт» суда многих напугал, насторожил: зачем было доводить дело до суда? Я и сейчас ни в какие юридические нюансы не пробую вникнуть. Наивность моих рассуждений, однако, передает тогдашнюю непосредственную реакцию большинства на случившееся с любимым футболистом. Люди, утверждавшие с жаром, что не мог он такое содеять, исходили из образа, созданного Стрельцовым на поле, исходили из характера, который на зеленом поле проявлялся как на ладони. Но кто же виноват был тогда в драме Стрельцова? Только он сам и виноват? Один?.. Кто же еще?

Как же мы могли тогда оставить его в беде одного? Ведь он один такой только и был в нашем футболе! И то, что он один такой, нас больше всего, возможно, и впечатляло.

Но если бы хоть что-нибудь когда-нибудь выразить с энергией, соизмеримой с энергией сновидения! Когда в доли секунды вмещается безразмерное! Вмещается в той безусловной взаимосвязи, над осознанием которой иной раз бьешься целую жизнь! Сон ли модель таланта или талант модель сна?

При взгляде на Стрельцова в игре казалось, что сновидение почти материализуется в обеих своих ипостасях: внешней и внутренней, расхожей и тайной. Иногда Стрельцов существовал, двигался на поле и вне его по законам сновидения, что однажды и обернулось для него и бедой. Действительно, все произошло, как во сне, ничего и не скажешь. Но вот выпадала же ему удача — случалось ему в мгновение преобразовать конкретное и воображаемое содержание игры в жест, в движение, в миг озарения мыслью, открывшейся только ему, Стрельцову! Не предсказуемый никем ход, «простой и умный», как сам он характеризовал свои удачные действия на поле.

Воздействие его на нас я бы сейчас назвал гипнозом индивидуальностью. Магией ожидания чего-то невозможного для всех, кроме Стрельцова. Он ведь бывал на поле и никаким, безучастным, нам казалось, к событиям, вокруг него раскручивающимся... Но вот что никак не объяснимо до сих пор: он и безучастный оставался самым выразительным на поле. Все следили за ним! Ждали его включения... И ждали до тех пор, пока недовольство, нетерпение не вытеснялось волнением предчувствия... Жизнь — и не только ведь спортивная — может быть наполнена, переполнена ожиданием чуда. Было бы от кого ждать...

Два очень разных человека, каждый из которых по-своему служил спорту,— бывший руководитель комитета по делам физкультуры и спорта Николай Николаевич Романов и незабвенный Андрей Петрович Старостин — в разговоре «не для печати» нашли слова для объяснения случившегося со Стрельцовым. Они тогда говорили о нем, как говорят мужчины о не искушенном в обращении с женщинами юнце. Эдик был когда-то красавцем и знаменитостью, о нем мечтали тысячи тогдашних девушек! «Не для печати», я напоминаю, они говорили не только из конъюнктурных соображений, а потому что слова их невозможно было вырвать из контекста, образуемого и жестикуляцией, и недомолвками, и прямотой выражений, которые оскорбят чью-то стыдливость. Тут были важны точность тональности, интонация, мимика, с которой все это говорилось...

Но я уже успел убедиться, что характер Стрельцова со всеми его слабостями, прощаемыми и непрощенными, болельщицкий фольклор отражает вернее, полнее, чем наши заметки с педагогическими оговорками... И какая цена нашим диагнозам «звездной болезни», когда про «звездное здоровье» сказать нечего! В занятиях журналистикой меня всегда смущала обязательность точного знания. Тем более что при воспоминании о юности футболиста Эдуарда Стрельцова, о времени его первой славы в мире второй половины пятидесятых годов понимаешь, что в применении к нему «медные трубы» были точным инструментом!

...И сейчас пас пяткой исполняется многими, да и прежним мастерам прием был известен, но почти не бывает случая, чтобы удачное исполнение паса пяткой не вызывало у публики и телекомментатора ассоциации со Стрельцовым! Это как раз то, что я определил для себя как гипноз штучности.

Сам он рассказывает, что впервые вспомнил про возможность столь остроумного хода случайно-вынужденно, «набрел» в поисках разрешения ситуации, когда никак не мог сообразить, чем озадачить Яшина. Стрельцов двигался с мячом вдоль штрафной площадки и вдруг, озаренный догадкой, отдал пяткой пас Валентину Иванову! И тот немедленно пробил в верхний угол...

Когда смотрю матчи ветеранов, мне кажется, что выдающиеся мастера прошлого похожи на шахматные фигуры в партии, отложенной навсегда. И одной нашей благодарной памяти оказывается мало, чтобы привести фигуры в движение.

Сегодня в матчах-воспоминаниях пас пяткой заменяет Стрельцову автограф: и кто же будет в претензии, что цитирует он себя. По-моему, он цитирует само время, зачерпнутое накренившейся было судьбой. Аплодируя его «пятке», мы аплодируем и себе, не примирившимся с лозунгом «незаменимых нет».

Если укрупнить до символа самое характерное в общем восприятии Стрельцова, то полюсами видятся: непременная «пятка» и непременное «но» — дежурная оговорка перед восхищением стрельцовским талантом. Не превращается ли это «но» в ахиллесову пяту всех пишущих о нем?

...За годы литературных занятий мне неоднократно приходилось работать в соавторстве. И всегда получалось, что соавтор руководил моей жизнью, подчинял ее своим особенностям, привычкам, организовывал меня, уличал и даже обвинял, если мы не укладывались в положенные сроки. Стрельцов никогда ничего от меня не требовал. Он никогда ни на чем не настаивал и про особую свою роль никогда не напоминал. Он, правда, и сам не чувствовал себя ни в чем от меня зависимым, не считал работу над книгой главным делом жизни. Относился ко мне неизменно доброжелательно, но среди своих знакомых никак не выделял. Я назвал бы его отношение к сотрудничеству доброжелательным равнодушием.

Но только потом я понял, что он не был и не мог быть моим соавтором.

Я был при его книге, сочиненной, в сущности, клерком, пусть даже искусным клерком. А он, если и был чьим-то соавтором, то единственно соавтором фольклора! Молва преобразовала Эдика задолго до книги из футболиста в легенду.

Он чуть не с первого удара по мячу в большом футболе соответствовал органичным для фольклора преувеличениям. И промахи, и паузы в действиях на поле только усиливали восприятие главного в нем — способности совершить чудо!

Я рискну предположить, что изначально Эдик был талантливым зрителем, типичным болельщиком сороковых годов. А стал единственным, кто сумел с покоряющей полнотой вернуть футболу впечатление, некогда от него полученное.

Свое восхищение, скажем, Федотовым или Бобровым он воплотил в особой зрелищности, которая всегда будет тревожить память тех, кто видел его в игре. Тревожить невозможностью повторить, реально воспроизвести картины футбола с участием Стрельцова.

Мальчик из подмосковного Перова приезжал в Москву и часы отстаивал в очередях к динамовским кассам. Он унаследовал многое от гигантов тогдашнего футбола. Мы смотрели футбол, а видели драму характера, чувствовали драму открытого всем ветрам человека, одаренного природой сверх меры. И ни от каких превратностей судьбы не защищенного...

Футбол в стрельцовском исполнении доходил до нас как нечто естественное, природное. Хотелось самому жить с такой же свободой помыслов, с какой играет он...

В то лето, когда отбыл он из Тарасовки, где базировалась перед отъездом в Швецию сборная, на милицейском «черном вороне», Стрельцов, как сам теперь рассказывает, ощущал такое всесилие свое на поле, такую веру в неограниченность своих возможностей в предстоявших играх... Да, видно, не судьба была!

Подобно большим художникам, артистам он способен был силой своего таланта превращать публику в народ.

Но ведь и для народа, когда публика от падшей знаменитости отвернулась, он продолжал оставаться Стрельцовым. И теперь, когда столько времени с конца футбольной его карьеры прошло, по-прежнему видит в нем Стрельцова, а не бывшего игрока в футбол.

И все же, мне кажется, что в особом отношении к Стрельцову сквозит нежелание наше думать о неприятном — например, о том, что не пришли вовремя на помощь таланту. Таланту огорчительно и катастрофически часто беззащитному перед обстоятельствами.

Кто-то заметил: играй Стрельцов в Бразилии, мы бы о нем, несомненно, знали гораздо больше, чем знаем...

А наши литературные силы ушли на изобретение всех устраивающих «но». Боялись, что с забвением Эдика вообще утратится критерий талантливости. А игра вовсе перестанет быть игрой. И жизнь вокруг нее тогда замрет. И вот теперь, по-моему, само имя Стрельцова больше говорит воображению, чем все о нем написанное...

Сейчас не всем и не сразу объяснишь, что и наказание Стрельцова, и проблема его прощения зависели от высокопоставленных лиц государства. При всей престижности большого спорта это, пожалуй, единственный (после поражения футболистов на Олимпиаде в Хельсинки от югославов) прецедент, когда судьба игрока решалась на «самом верху». Летом пятьдесят восьмого года ходили упорные слухи (а суд во всех смыслах скорый придавал им известную достоверность), что о проступке Стрельцова доложено... главе государства! А глава настолько разгневался, что и слышать не хочет ни о каких смягчающих обстоятельствах, тем более оправданиях. И невозможно было этот гнев смягчить...

Присутствовавший на суде Андрей Петрович Старостин вспоминал, что обстановка, царившая в зале, никак не обещала столь сурового приговора. Случившееся со Стрельцовым начинало уже приобретать в пояснявшихся подробностях почти комическую окраску. И потерпевшая давала как бы понять залу, что возможно полюбовное согласие, и тогда недоразумение будет как-нибудь сглажено. И сам Стрельцов мне говорил, что подсказывали ему тактические ходы, которых он, правда, сделать не захотел...

Приговор прозвучал, как удар обухом по всем присутствующим: двенадцать лет лишения свободы. Позже хлопотами заводского коллектива срок удалось скостить; освободился же он через шесть лет.

Но еще на два года затянули вопрос: разрешать ли Стрельцову играть в футбол? Еще два сезона приплюсовали к шести безнадежно потерянным...

И, может быть (кому, правда, о том, кроме самого Эдика, судить), тяжелее тянулись годы здесь, чем срок там. Они решали: играть ему или не играть? Решали снова «наверху». Я свидетелем был, когда к новому руководителю, чье пристрастие к футболу было всем известно в домашней обстановке, обращались с просьбами: посодействуйте появлению Стрельцова на поле! Всемогущий болельщик только брови поднимал, ссылаясь на «общественное мнение»...

Когда он вернулся, снова продолжилось в его игре то, что я выше уподобил сновидению! Когда в игру вмешалась жизнь человека во всей остроте контактов и конфликтов со временем, которое ему выпало! Вмешалась не только жизнь футболиста Эдуарда Стрельцова, но и наша с вами жизнь! В мгновенной концентрации разнообразных ассоциаций! И вовсе не похожие на него люди ловили себя на сходстве со... Стрельцовым. Они догадались вдруг: его футбол про них!

После разговора со Стрельцовым

о недостижимости для нас Нобелевской премии я вспомнил, что в тот же год, когда неприятности обрушились на Эдуарда, общественность взбудоражило событие, связанное с присуждением Нобелевской премии выдающемуся нашему соотечественнику. Сейчас обсуждение самого факта присуждения столь высокой премии Борису Пастернаку трактуется совершенно по-иному, чем тогда: и некоторые из тех, кто осуждал тогда поэта, признают, что ошибались, поддались инерции старого мышления, да и обыкновенному страху не попасть в ногу с официальной точкой зрения. Но в лабиринте ассоциаций, приведших меня от разговора о Стрельцове к разговору о времени и себе, я думаю еще об одном типе людей, который мы почему-то редко берем в расчет...

Эти люди, здраво и трезво мыслящие, умеют раньше других оценить ситуацию и оказываются во власти совершенно особого страха. Страха обострить преждевременным свободомыслием ситуацию, складывающуюся благоприятно для большинства. А раз для большинства в данной ситуации лучше, зачем же добиваться непременной справедливости для отдельных лиц! Люди, руководствовавшиеся подобными, несомненно, имеющими свой резон мотивами, были и к Стрельцову тогда азартно строги... В картине, радующей их глаз, случай со Стрельцовым казался не заслуживающим психологически подробного рассмотрения. Благодаря усилиям главы государства на свободе оказались миллионы наших сограждан — справедливость несказанно масштабно восторжествовала! Так стоило ли обращать внимание, что по отношению к футболисту, совершившему проступок, в общем-то, перегнули палку?.. Пожалуй, что такая строгость только напоминала всем о высоте моральных требований к советскому человеку, невзирая на лица. Тоже, мол, трагедия — Стрельцова осудили! Всего-навсего Стрельцова.

Вот именно, всего-навсего Стрельцова... Времени предстояло решить: много это или мало?

И тем, кто в глубине души сомневался в правильности осуждения Стрельцова, пришлось все чувства заглушить. Помню, например, поэму, где было сочетание «любой стиляга и стрельцов», а рифмовалась, конечно, с «отцов». Ко всему прочему, Стрельцову вменялось и то, что он отца-фронтовика опозорил...

Будем, однако, справедливы в оценке тогдашней обстановки, создавшейся вокруг Стрельцова. Вкрапление в репутацию «но» произошло гораздо раньше, чем случай на подмосковной даче получил огласку. Поводов для критики поведения — чаще в быту, чем на поле,— он давал предостаточно. Футбольная зрелость на жизни никак не сказывалась, ни в какое соответствие с общежитейским не приходила. Игра с ее удалью сказывалась на житейских делах, а в них свои правила, свои условности, не нами придуманные. Уместное в игре в жизни не приветствовалось. Стрельцов, простодушный по натуре, находившийся в непрерывной эйфории от растущего признания и, главное, от уверенности во всемогуществе на футбольном поле, не мог привыкнуть, не мог к жизни приспособиться. Сейчас модно спрашивать: легко ли быть молодым? У всех на устах, на слуху! И — ничего, кроме медных труб! А они, медные трубы, нелегкое испытание. Да, ему необходима была мудрая опека. Что, кстати, начальство автозавода поняло, зная, какой опасностью грозит Стрельцову бесконтрольность. Один из руководителей возражал против продажи ему машины — двадцать первой модели «Волги»: «Это все равно, что дать ребенку бритву»...

Эдик превращался постепенно во всеобщего баловня. Но стать баловнем судьбы ему не было суждено. Единственно возможная опека над талантом начинается с тактичности. В противном случае она кончается, не начавшись.

Семен Нариньяни, известный фельетонист, был еще и футбольным болельщиком, и приятелем знаменитых футболистов сороковых годов. Что почем он знал. И в педагогических заботах о судьбе Стрельцова фельетониста можно понять. Но не оставляет меня ощущение, что в грянувшем фельетоне «Звездная болезнь» автор искал расположение читателя, затронув обывательские струны. Он коснулся тех привилегированных условий и материальных благ, которыми спортсмены слишком широко и неблагодарно пользуются. Сколько лет прошло, а это средство вызвать праведный гнев читателей, превращая спортсменов из кумиров в паразитов, остается самым сильнодействующим. И журналисты по-прежнему, не без успеха, к нему прибегают.

В фельетоне «Звездная болезнь» автор распекал Стрельцова за пристрастие к ресторанному салату за баснословную цену. Это Стрельцова, не забывшего голод послевоенных лет и хорошо помнившего наслаждение, с которым жмых грыз, сильно задело. Хотя впоследствии, когда журналист в очерке к пятидесятилетию напомнил, как в детстве ложился спать голодным, Стрельцов был недоволен: зачем об этом?

Какая, спросите, связь? В жизни все сконцентрировано, полюсы сдвинулись, все связано. Нельзя не видеть, что обстоятельства жизни, наступившей для Стрельцова, благодаря футболу, благодаря нашему увлечению футболом, иначе, как прекрасным сном, и не воспринимались...

Кажущаяся простота Стрельцова не дает никаких прав подходить к нему панибратски, фамильярно, быть с ним «на дружеской ноге». Жизнестойкость таких людей, как Стрельцов, обеспечена способностью не озлобиться, сохранить и в обидах душу. И думаю, что оставшееся в нем легкомыслие заслуживает скорее зависти, чем упреков.

...Он сидит в мягком кресле перед телевизором, вальяжный, благодушный, внешне всем довольный. Лишь сильнее определилась с годами твердость черт лица. Пережитое совершило, надо думать, в нем немалую внутреннюю работу. Дома он выглядит атлетом на покое. И охотно забываешь, что окреп он, раздался в плечах не на тренировках, где он себя в общем-то не утруждал, а тогда, когда бревна ворочал, находясь вдалеке от шума стадионов.

Сильно сомневаюсь, что высокопарный стиль, в который я то и дело впадаю, импонирует Стрельцову! Он и в телефонных разговорах сразу скучнеет, когда его спрашивают о чем-нибудь «для сочинения». Никогда написанное о нем не вызывает у него энтузиазма. Так что мною движет скорее эстетический эгоизм. Но я и не хочу подлаживаться под тон завсегдатая футбольных кулис, щеголяющего сленгом, на котором якобы изъясняются игроки. Я, конечно, не в силах вернуть зрительское впечатление от футбола, в который играл Стрельцов.

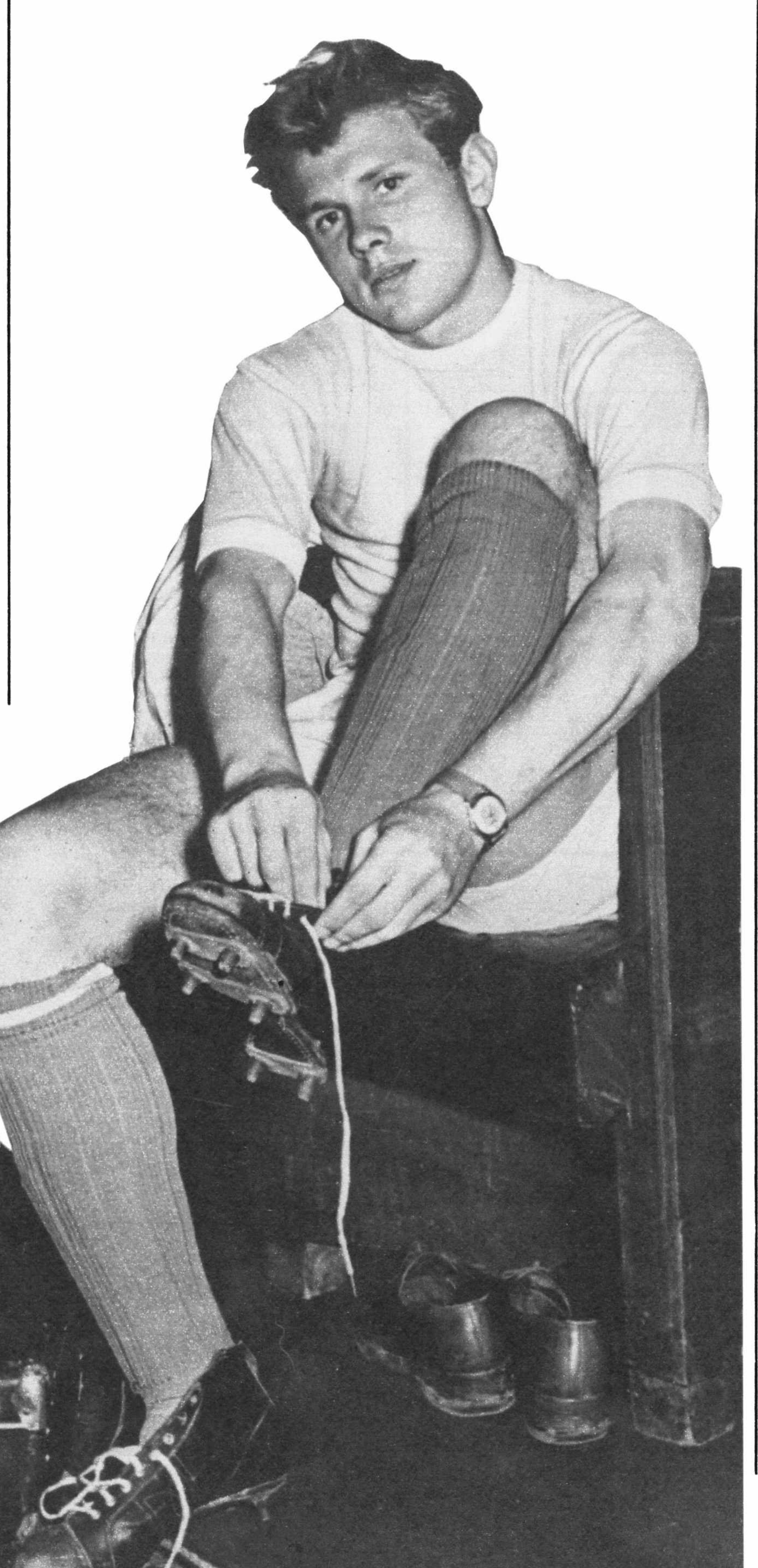
Годы и годы мы в спортивной, не только в спортивной, печати упорно воспевали человека, не наделенного большими дарованиями, но достигшего всего за счет фанатизма и желания стать первым. Вопреки всем препятствиям. Всего добившегося... Всего? А где в то время был талант? Где были мы, теперь скорбящие, что тускнеет, скучнеет, теряет колорит картина мира?

Восторгались добивавшимися, а иногда и добивавшими?

Понимаю, что разочаровал кое-кого, обделив тем комическим, без чего портрет Стрельцова теряет какие-то характерные черты. Не вспомнил, не привел занятных случаев, вызвавших бы улыбку... Однако разве я портрет Стрельцова писал?

Я же говорил, что само имя Стрельцова дает воображению гораздо больше, чем все о нем написанное. Мне хотелось только дать здесь свое впечатление — и в случае удачи, портрет нашей общей ему признательности...

Фото Анатолия БОЧИНИНА

По горизонтали: 3. Балет композитора А. И. Хачатуряна. 8. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 9. Латвийская актриса, народная артистка СССР. 10. Спортивный бег, гонки по пересеченной местности. 11. Хвойный лес. 13. Самая яркая звезда на небе. 14. Эстрадный жанр, связанный с комментированием номеров программы. 17. Северное созвездие. 19. Особая благодарность, орден, почетный знак. 20. Согласованность, тесное общение. 21. Заключительная торжественная массовая сцена спектакля. 24. Спортсменка. 26. Бурные рукоплескания. 27. Самая высокая гора Закавказского нагорья в Армении. 28. Разветвленная часть дерева. 30. Самоходная тележка с грузовой платформой. 31. Мастерская с горном для ковки металла. 32. Русская народная песня.

По вертикали: 1. Писатель, один из авторов текста Гимна Советского Союза. 2. Календарный план выпуска продукции. 3. Венский композитор XVIII века. 4. Центр производства бижутерии из стекла в Чехословакии. 5. Рукоять шпаги, сабли. 6. Спортивная игра с мячом. 7. Популярный жанр русского народного словесно-музыкального творчества. 12. Форма организации коллективного труда. 13. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 15. Искусственная приманка для ловли рыбы. 16. Нижний этаж зрительного зала. 18. Разновидность товара, продукции по выработке, качеству. 19. Музыкальный интервал. 20. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Мещане». 22. Тост. 23. Комическое или сатирическое подражание. 24. В старинной русской архитектуре фигурная деталь. 25. Номер в опере с напевно-декламационной мелодикой. 26. Разновидность сазана. 29. Дугообразное перекрытие между двумя опорами.

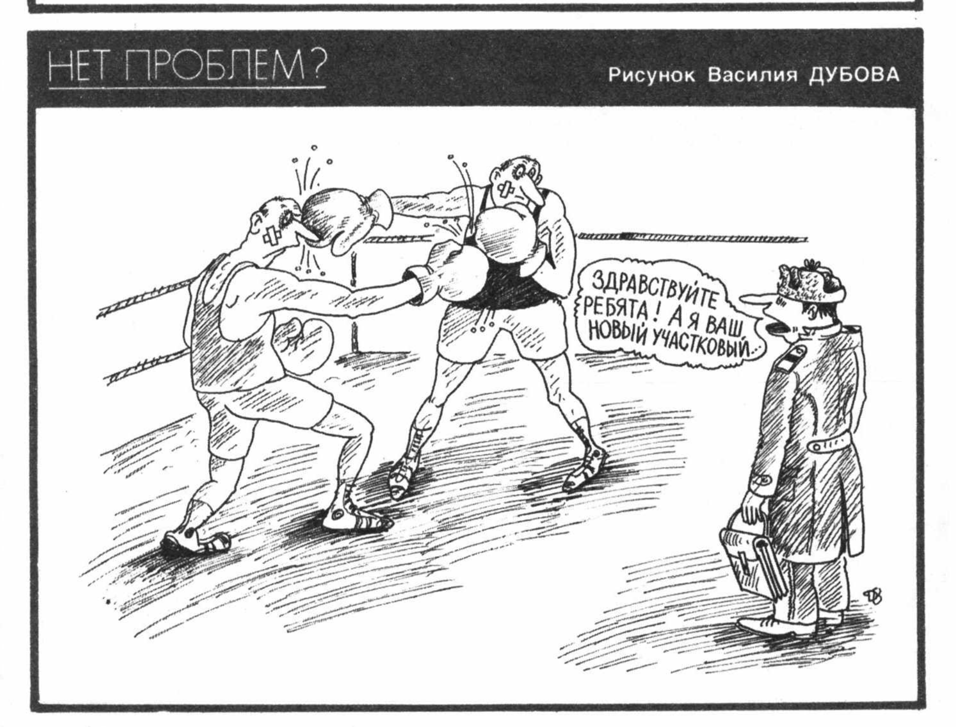
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51.

По горизонтали: 3. Евпатория. 6. Фрегат. 7. Бублик. 11. Пончо. 12. Бекар. 14. Десна. 17. Пеночка. 18. Ужгород. 19. Леопард. 20. Бакшеев. 22. «Одиссея». 24. Шабер. 25. Гмыря. 28. Сасык. 31. «Тронка». 32. Путина. 33. Мандолина.

По вертикали: 1. Частное. 2. Горбуша. 4. Вагиф. 5. Ирбис. 6. Франко. 8. Кресло. 9. «Аптекарша». 10. «Чародейка». 13. Карпаты. 15. Халва. 16. «Гудок». 21. Шуберт. 23. Сысола. 26. Миранда. 27. Румпель. 29. Лонжа. 30. Патон.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Василия ДУБОВА

Еще вчера в это трудно было поверить: одна из прославленных британских рок-групп играет в Москве. Долго, слишком долго и тщательно Госконцерт СССР (наш «монополист» по части приглашения иностранных музыкальных коллективов) оберегал молодых слушателей, потчуя их популярной музыкой преимущественно итальянского производства. И вот наконец — смотрите и слушайте «Юрая Хип».

— Что вы подумали в тот самый момент, когда получили приглашение поехать на гастроли в СССР? — задал я вопрос лидеру группы, гитаристу Мику Боксу.

— Отправиться немедленно! — Мик говорил абсолютно искренне. Искренней была и музыка «Юрая Хип», мало изменившаяся за семнадцать лет существования группы. Тот, кто видел музыкантов после концерта, никогда не назвал бы их работу «легкой». За сто минут представления прозвучали практически все лучшие композиции, венцом которых, вне сомнения, стало «Июльское утро»...

— Мы со зрителями прекрасно понимали друг друга! — говорил на пресс-конференции барабанщик и ветеран «Юрая Хип» Ли Керслэйк. Разве к этому пониманию молодежь из разных стран не привела музыка?

Владимир КОВАЛЕВ
Фото Игоря ФЛИСА

„ИЮЛЬСК

ОЕ УТРО.. В ДЕКАБРЕ

КАМЕРНОСТЬ

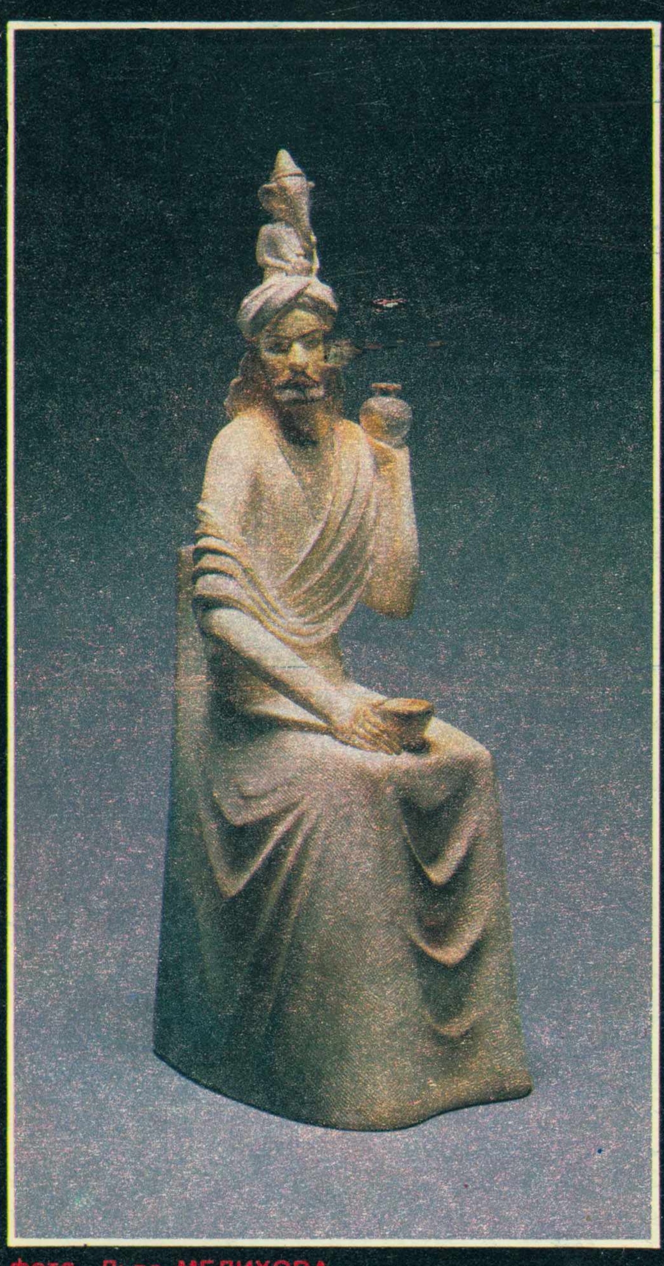

Фото Льва МЕЛИХОВА

Заслуженный художник РСФСР Валерий Малолетков — безусловный лидер московской школы керамистов. Круг тем Малолеткова трудно уложить в короткий перечень.

Но есть в творчестве Малолеткова одна тема, которую он считает очень важной для себя.— Индия. Во время своих поездок он изучал традиционную культовую индийскую скульптуру и философию, пытался постигнуть всю глубину великой культуры.

Главной своей удачей в области монументально-декоративной керамики для интерьера Валерий считает последние работы для вводного зала Музея палеонтологии Академии наук СССР в Москве. В них был воссоздан образ давно ушедшего мира.

Наблюдая за работой художника, я всегда поражаюсь его отношению к ней. К маленькой скульптуре, вазе или к монументальному панно он относится с одинаковой серьезностью. Это позволяет ему достигнуть масштабности в камерном произведении.

Ирина ТИТОВА.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

